

"Слабая женщина"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Наташа Колесникова

Слабая женщина

Scan, OCR & SpellCheck: Larisa_F

Колесникова Н. К60 Слабая женщина: Роман / Н. Колесникова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 285, [3] с. — (Русский романс).

ISBN 5-17-022732-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9578-0722-2 (ООО «Транзиткнига»)

Аннотация

Женщина... слабая женщина, привыкшая всегда и во всем искать помощи и защиты у мужа — настоящего мужика, рискованного, смелого журналиста.

Но теперь, когда мужу угрожает смертельная опасность и помочь ему не может никто, за дело берется она.

На карту поставлено все — любовь, счастье, даже жизнь. И слабая женщина превращается в женщину с пистолетом!..

Наташа Колесникова

Слабая женщина

Глава 1

Синяя «школа-фелиция» остановилась во дворе, напротив двухэтажного бревенчатого дома. Борис Романчук вышел из машины, закрыл железные ворота, запер их на замок, вернулся к машине, распахнул дверцу.

— Лапочка, мы приехали, — с улыбкой сказал пассажирке, протягивая руку.

— Боря, ну что у тебя за машина? Ты не можешь купить себе что-то более приличное? — капризно поморщилась юная шатенка в короткой кожаной юбочке.

Опираясь на руку Романчука, она выбралась из машины, чуть шире, чем нужно было, раздвинув при этом ноги. Он успел заметить черную полоску трусиков и ослепительно белые блики незагорелого тела на фоне коричневых бедер и черного белья. Романчук обнял девушку, крепко поцеловал ее в губы.

— Ирка, что ты со мной делаешь?

— А что я с тобой делаю? — спросила девушка.

— С ума меня сводишь!

— Ну так сходи с ума, Боря. Здравомыслящие мужики мне уже осточертели.

Он понял, что она имеет в виду. Секретарша и любовница самого Ильи Богданова, босса крупной фармацевтической фирмы, снабжающей лекарствами половину государственных и много частных аптек Москвы, на службе видела немало серьезных мужиков, которые говорили одни и те же комплименты, но о большем даже не думали. Она ж не только секретарша босса, вдруг не так поймет, боссу расскажет, а тот и голову может оторвать. А он хозяин всего лишь нескольких аптечных киосков, да и дела идут сейчас неважно. Понятно, почему не может купить «мерседес» и построить кирпичный замок на месте бревенчатого дома. Но именно он не опасался мести всесильного Богданова. Во-первых, они были хорошо знакомы, а во-вторых, был в курсе некоторых странностей в отношениях Иры с боссом.

Они познакомились почти два года назад, когда Ира только пришла в фирму, больше года вел себя так же, как и прочие «здравомыслящие» мужики, присматривался, но в конце концов понял, что эта короткостриженная симпатичная шатеночка ждет от него не только банальных комплиментов, и решился. Ничего, живой пока, в постели она была просто супер понятно почему, встречались они примерно раз в месяц, да и вообще Ира была очень нужным человеком, через которого можно решать кое-какие свои проблемы, не все же самого Богданова беспокоить просьбами. Например, отсрочить выплату по контрактам. Лекарства получены, но... Лето, народ разъехался, прибыль минимальная, с каких доходов расплачиваться?

Ира тоже догадывалась, что интересовала Романчука не только как красивая девушка, но и как секретарша босса. И не заикливалась на этих догадках. С этим мужественным блондином с голубыми глазами приятно было сходить в ресторан, да и в постели он тоже был ничего. Дача вот эта... прямо романтика, а то у Ильи Ильича слишком роскошный загородный дом, аж скучно становится от его любви к «классике». Правда, машину Боря мог бы купить более симпатичную, ну да ладно, можно и эту развалюху потерпеть. А больше ей ничего от него и не нужно. Илья Ильич был для нее и отцом, и любовником (не очень уже состоятельным, да тут уж ничего не поделаешь), и заботливым дедом, все ее капризы вмиг исполнял. И даже не возражал, чтобы она иногда встречалась с кем-то еще, видимо, понимал, что в свои шестьдесят четыре года не всегда может удовлетворять двадцатитрехлетнюю длинноногую красотку. Искать кого-то на стороне опасно, да и неизвестно, что из этого получится, а Романчук — мужчина серьезный, женатый, все нормально. Ей вполне хватает раз в месяц встречаться с Борей, а все остальное время пусть удовлетворяет свою жену, она ничуть не переживала из-за этого. Ну а если помочь надо, почему бы и нет? Илья Ильич прислушивается к ее просьбам.

Обнимая Иру, Романчук привел ее в гостиную, усадил в кресло.

— Джин, виски?

— Сделай мне джин с тоником, — сказала Ира, снова раздвинув ноги чуть шире, чем нужно было.

Но видимо, в ее понимании именно так и нужно было сидеть в кресле на даче любовника. Черная полоска трусиков могла и мертвого оживить. А Романчук был живым человеком, поэтому, торопливо смешав джин «Бифитер» с тоником, протянул фужер даме, себе плеснул неразбавленного джина, залпом выпил и встал на колени перед креслом, в котором сидела Ира. Она и не думала сдвигать колени, с улыбкой поглядывая на Романчука.

— Боря?..

Он принялся нежно целовать ее загорелые колени, поднимаясь все выше и выше, сдвигая руками края короткой юбочки. Ира выпила джина с тоником, потом еще, потом ахнула, запрокинув голову и закрыв глаза. Романчук добрался губами до черной полоски трусиков, поцеловал ее и стянул воздушную одежду к коленям, а потом и к ступням. Ира, не открывая глаз, подняла одну ногу, махнула другой, освобождаясь от трусиков. Если бы они повисли на люстре, ничего удивительно в этом не было бы, но трусики мягко спланировали на середину красного ковра.

Романчук жадными глазами смотрел на ее ноги, он видел все, что хотел видеть каждый нормальный мужик. Смятые волоски лобка и то, что было под ними... Он впился жадными губами в нежные лепестки ее прелестей, уже влажные, уже сладкие... Ира протяжно застонала, ерзая бедрами в кресле.

Так хорошо было... Илья Ильич тоже умел это делать, но по-другому, как-то более степенно, основательно, а Боря прямо-таки горел от страсти, его губы становились все яростнее, все жестче и от этого еще более приятными. Она стонала так громко, что, наверное, соседи слышали, а потом вдруг засмеялась. Романчук поднял голову, с удивлением посмотрел в ее черные глаза:

— Что тут смешного, Ирка?

— Ой, Боря... Ой, мне представилось, будто ты листаешь языком книгу записей для почетных гостей...

— Там много записей было?

— Было, да все смыло... — захихикала Ира. — Теперь мои странички опять чистые.

— Ах ты, нахалка! Все, больше не буду читать, листать, оставлю запись в твоей книжке!

Он торопливо расстегнул «молнию» на своих джинсах, но Ира соскользнула с кресла, усадила в него Романчука, сама довершила его обнажение, приласкала язычком перо, коим пишутся отзывы в подобных женских книжках, а потом села на него и, обхватив Романчука за плечи, принялась энергично двигать бедрами.

Потом они еще выпили, еще раз сплелись в яростных объятиях, теперь уже на диване, да там и остались, тяжело дыша, попивая джин с тоником и вяло лаская друг друга.

— Мы скоро улетаем, Борь, на Акулий остров, две недели будем там отдыхать с Ильей Ильичом. Это где-то в Тихом океане.

— Летом? В Москве-то жарко, а там, наверное, духота невыносимая.

— Нет, круглый год там не больше тридцати. Какое-то течение есть холодное... Двадцать пять

— тридцать, обалденные песчаные пляжи, классный отель... Я уже очень хочу туда.

— Ну, если круглый год... А у меня пока что не получается отдохнуть. В Москве мертвый сезон, продажа упала, прибыли никакой... Ты не могла бы попросить Илью Ильича подождать с выплатой до октября? В сентябре все наладится, к осени спрос на лекарства увеличится, а сейчас...

— Какие дела, Боря? Я завтра скажу ему. Можешь не переживать. Но мы почти три недели не

увидимся... Скажи честно, ты не забудешь меня? Не заведешь себе другую любовницу?

— А зачем, Ира? Ты красивая, юная, ты просто обалденная женщина. Я очень дорожу тобой, эти встречи... просто фантастика. Слушай, откуда такие странные мысли?

— Да это я просто так сказала. Мне тоже хорошо с тобой, Боря. Я знаешь, сколько раз успела?

— Она принялась загибать пальцы и торжествующе продолжила: — Три раза! Потом, когда вернусь, хочу еще такого же. Сможешь?

— Какие проблемы? Если ты сомневаешься, я прямо сейчас докажу тебе...

— Ох нет, Боря. Все, мне пора. Да и тебе тоже, надеюсь, ты не будешь сегодня трахаться с женой?

— На всех других женщин, включая и жену, у меня просто нет сил. Но для тебя я готов и на большее.

— Ну вот и молодец, Боря. А теперь поехали в Москву. Ты не очень много выпил? Я не хочу погибнуть во цвете лет в дебильном ДТП.

— Все под контролем, Ирка.

— Тогда ладно. Поехали.

Она вскочила с дивана, принялась одеваться. Романчук с интересом наблюдал за ней. Ира застегнула «молнию» юбки, подошла к дивану, низко наклонилась над лежащим Романчуком, смачно чмокнула слегка припухшими губами.

— А вот его спрячь подальше и сегодня даже супруге своей не показывай, я не хочу.

— Как прикажете, госпожа, — с улыбкой сказал Романчук.

И тоже стал одеваться. Ира с улыбкой наблюдала за его действиями.

— Нравится? — спросил Романчук.

— Да, — просто ответила она. — Обратный стриптиз. Ты не качок, пузо уже есть, но знаешь, это даже интереснее, чем видеть натуральных «качков» в женском стриптиз-клубе. Это естественно, понимаешь?

— Вполне. Мне, по правде сказать, не нравятся эротические трусики на женщинах. Попка — она сама по себе красива, а когда прикрыта нормальными трусами, жутко возбуждает.

— Ты уже говорил это. Заметил, какие трусы я надела сегодня?

— Обалденные.

— Боря, с тобой одно удовольствие трахаться.

Такая вот она была — простоватая, глуповатая, но могла многое. Что там, в бизнесе, что тут, в постели. Не девчонка, а просто клад.

Лена Игошева гладила на кухне постельное белье, а ее муж Андрей сидел за столом, задумчиво

созерцая этот процесс. Он был высоким, худощавым, с длинными русыми волосами и бородой, которую правильнее было бы назвать щетиной недельной давности. Лена же выглядела как истинная гарна дивчина: чернобровая, черноглазая, с округлым лицом. Ее крутые бедра и узкая талия навевали мысли об эталоне женской красоты античности, а какие груди вольно колыхались под просторной оранжевой футболкой!

Но Игошев даже не смотрел на них, он думал, как потратить миллион. Долларов США.

— Даже не знаю, с чего начать... — сказал он.

— Начни с главного, — решительно сказала Лена.

— Хорошо, — согласился Игошев, будто сейчас только понял, что в их семье главное. — Первым делом купим тебе шубу. Самую классную. Десять тысяч баксов хватит?

Лена поставила утюг, с удивлением посмотрела на мужа:

— Да ты что, Андрей! За четыре тысячи можно купить отличную норковую шубу. Зина два месяца назад купила себе такую — чудо, а не шуба.

— Тогда так: купим тебе пять шуб. Будешь менять их каждый день, чтобы эта Зина знала, с кем дружит, и больше не вякала про своего богатенького мужа. Пять по четыре — это всего двадцать тысяч. Сколько у нас осталось?

— Девятьсот восемьдесят... — Лена задумалась и потом снова взялась за утюг. — Даже не знаю, зачем мне сразу пять шуб, но если ты хочешь — пусть будет.

— Будет-будет, — с воодушевлением сказал Игошев. — Еще тридцать тысяч отложим на машину и гараж. Купим какую-нибудь среднюю иномарку, тысяч за пятнадцать — восемнадцать. Может быть, «шкоду-фелицию», как у этого придурка Романчука.

— Что-то давно он тебе не звонил, на дачу не приглашал...

— Важным бизнесменом стал. Что ему бедный... не очень богатый журналист и писатель? Ну ладно, машина, гараж, всякие мелочи... Тридцать, я думаю, хватит.

— Конечно, хватит. Но лучше купить не «шкоду-фелицию», а что-нибудь подороже, чтоб этот Романчук не выпендривался.

— Хорошо, ты сама выберешь машину. И еще остается у нас девятьсот пятьдесят тысяч.

— Квар-ти-ра, — по слогам сказала Лена и после недолгой паузы добавила: — Я больше не могу жить в этой хрущобе, надо срочно покупать квартиру.

— Купим. Только обязательно новую. Я читал в «Экстра-М», что в Крылатском строится новый дом. Через полгода будет готов. Так, посчитаем... Тысяча пятьсот долларов за квадратный метр, четырехкомнатная площадью сто метров будет стоить... ну, пусть — сто пятьдесят тысяч. Прибавим еще пятьдесят на мебель, двери-окна, полы с подогревом, телеглазок, сигнализацию — всего получается двести. По-моему, хватит.

— Конечно, хватит. Оборудуем новую квартирку так, что Светка Селиванова раз и навсегда заткнется со своими окнами ПВХ и паркетом из красного дерева! А эту оставим Насте, вырастет, выйдет замуж... Может, и пригодится поначалу.

— Верно. И еще у нас остается семьсот пятьдесят тысяч. Купим дачу. Конечно, можно потратить на нее весь миллион, но зачем нам что-то невероятное? За двести тысяч вполне можно приобрести двухэтажный кирпичный домик недалеко от Москвы со всеми удобствами и телефоном. Комнат шесть — восемь, московский номер.

— Можно, я читала в какой-то рекламной прокламации, что таких домиков в ближнем Подмоскowie много. Двести тысяч вполне достаточно, чтобы решить эту проблему. Такую дачу купим, что Романчук сдохнет от зависти и не будет важно рассуждать о своей бревенчатой развалюхе.

— И еще остается пятьсот пятьдесят тысяч. Допустим, сто потратим на всякие мелочи. Одежду, обувь, технику...

— Домашний кинотеатр, новейший компьютер, музыкальный центр высшего класса.

— Японский мокик. Всегда мечтал о нем. На даче я бы с Настей катался по двору... Да и не только по двору.

— Посуду «Тефаль», часы с фонтанчиком.

— Резиновую лодку с мотором. Мы бы плавали по озеру, возле дачи будет огромное озеро, заросшее камышом, ловили бы рыбу на удочку... С Настей.

— Ты все с Настей! А со мной не хочешь?

— А ты разве любишь ловить рыбу?

— Почему нет? Если там красивое озеро, чистая вода, зеленые камыши, я... я щуку поймаю!

— Хорошо, купим такую лодку, что втроем сможем плавать. Что еще?

— Что еще?.. — Лена сосредоточенно наморщила лоб. — Больше ничего в голову не приходит.

— Ты думай, Ленка, думай. У нас есть квартира, дача, машина с гаражом, мебель, одежда, техника. И еще остается четыреста пятьдесят тысяч. Почти полмиллиона! Что тебе еще хочется?

— Ну-у... наверное, нужно оставить деньги для жизни. На питание, на всякие мелочи...

— Хорошо. Ты будешь тратить на питание, мои сигареты и всякие мелочи, допустим... тысячу долларов в месяц. Это где-то тридцать одна тысяча рублей, в общем — тысяча каждый день. На питание и на всякие мелочи. Это значит... двенадцать тысяч баксов в год, сто двадцать тысяч на десять лет, двести сорок на двадцать лет. Если положить двести сорок тысяч в банк под пять процентов годовых, можно иметь каждый год именно двенадцать тысяч, а основной вклад будет цел. Можно сказать, мы обеспечены на всю оставшуюся жизнь. Представляешь?

— Представляю. Двести сорок положим, и у нас еще останется двести десять тысяч. Я даже не знаю, что мне еще хочется...

— Десять тысяч потратим, пока будем ждать проценты, но двести еще останутся. Что хочешь? Думай, Лена, думай! — воскликнул Игошев. — А как мы дальше будем жить? Что делать?

— Не знаю...

Лена поставила горячий утюг на простыню и принялась растирать пальцами лоб в надежде, что это поможет ей сообразить, на что же истратить оставшиеся двести тысяч долларов. Запах дыма отвлек ее от напряженных размышлений. Схватив утюг, Лена приподняла его над столом и с ужасом уставилась на темное пятно посередине простыни. Потом с неприязнью — на мужа.

— Заболтал ты меня, Андрей, своим дурацким миллионом! — раздраженно сказала она. — Смотри, что получилось! Придется спать на простыне с дыркой.

— Купим новую, — усмехнулся Игошев.

— На какие шиши? — разозлилась Лена. — Мы еще за квартиру не заплатили, а уже двенадцатое число!

— Тебе не дали зарплату в школе?

— Только обещают! А когда дадут, этих денег только на квартплату и хватит! А у тебя что? Гонораров мало, ты в последнее время все какие-то сценарии сочинял. Ну и какой толк от этих сценариев?

— Пока — никакого, — сказал Игошев. — Но все же у нас нормально. Малышка сыта, одета-обута, я обеспечиваю семью... А может, когда-нибудь и будет что-то большее. Например, позвонит Стивен Спилберг и скажет: «Андрей, я хочу купить твой замечательный сценарий и сделать классный фильм». Я скажу: «Стивен, дорогой, не возражаю. Только дай мне за это миллион и экранизируй хоть все мои сценарии сразу. Ты богатый человек, тебе это ничего не стоит, а я пишу, пишу, да так и не выбрался из дерьма...» Он поймет родную творческую душу и даст мне миллион.

— Что-то долго он не звонит! — презрительно усмехнулась Лена.

— Наверное, занят, съемки, проекты, презентации... — сказал Игошев и вышел из кухни.

* * *

Сидя в старом скрипучем кресле, Игошев поймал себя на мысли, что все покупки, которые они с Леной собирались сделать на воображаемый миллион долларов, не радуют его. Даже если б миллион оказался настоящим — никакого удовольствия от этих денег нет. И главное, неясно, что делать дальше? Сценарии сочинять не нужно, сиди себе, пей каждый день джин с тоником. Но это же конец!

То ли дело раньше было! До сих пор помнит, как в 89-м стоял в очереди за водкой, чтобы отпраздновать свое восемнадцатилетие. Три часа простоял в толпе, а когда подобрался к прилавку, там драка случилась. Старушка рвалась без очереди, причитая: «У нас поминки, пустите, люди добрые...» А ее стали отталкивать крепкие мужики. «Поминки не свадьба, могут подождать!» Мерзкая сцена. Но он все-таки принес домой две бутылки водки, родители смотрели как на героя... того времени. Стол они накрыли вполне приличный, колбасу покупали в кооперативном магазине... В общем, полное совершеннолетие отметили, как полагается.

Теперь и колбаса, и карбонад лежат в холодильнике постоянно, а радости от этого почему-то нет. Появились новые люди, которые денег не считают, которые почему-то стали олигархами. Нефть, газ продают... Раньше было — «Все вокруг колхозное, все вокруг мое»... А теперь? Где

его доля нефти, его доля газа? Нет ее. Говорят, гражданин Израиля приватизировал литфондовскую поликлинику, теперь там все за деньги. И он, член Союза писателей, не может пойти в свою поликлинику.

А дачами, квартирами, машинами, шубами — кого сейчас удивишь? Тесть, который был важной шишкой в Госстрахе, а теперь стал нищим пенсионером, лишь презрительно хмыкнет: мол, везет дуракам... Ну и зачем он нужен, этот миллион?

Игошев вернулся на кухню и решительно сказал жене:

— Лена, миллион долларов нам не нужен. Он лишает нас всяких стимулов к существованию. Это деградация и конец.

— Ну и что? — спросила Лена.

— А ничего. Если позвонит Стивен Спилберг, скажи, что меня нет дома. Пусть экранизирует американских писателей.

— Ладно, скажу, — усмехнулась Лена, выключила утюг и обняла мужа. — Андрей, помимо виртуального миллиона, у нас есть живые, реальные ценности, верно?

— Конечно. Это ты.

— И ты.

— Ну вот и будем жить ими, да?

— Прямо сейчас? Настя смотрит телевизор в своей комнате...

— Ты — мой миллион, Ленка... — пробормотал Игошев, целуя жену. — А другого мне и не нужно.

Глава 2

Богданов не решился назвать свою фирму «Фарма-Бог», прибавив к медицинскому термину первые три буквы своей фамилии, к старости стал суеверен и осторожен, а ну, как Он есть и обидится за такую наглость? Уж лучше чуток изменить, чтобы и похоже на фамилию, и солидно звучало. Так и сделал, получилось «ФармаБосс».

Кирилл Орехов сидел в своем кабинете, просматривал последние сведения, предоставленные менеджерами фирмы. Прибыль снижается, но это нормальное явление для этого времени года. Трехэтажный офис фирмы в Садовом переулке неподалеку от Старого Арбата был оборудован по последнему слову техники. В кабинете Орехова жужжал кондиционер, а за дверью сидела красивая секретарша, которая всегда могла принести в кабинет горячий кофе и которую всегда можно было трахнуть, потому что была блондинкой. Но в последнее время не хотелось, надоела уже.

Телефонный звонок вывел его из состояния задумчивого равновесия, которое возникло после минувшей ночи. Жена не могла возбудить его, потому как была не натуральной блондинкой. Очень переживала по этому поводу, он, как мог, успокаивал ее. Об этом и думал теперь.

— Киря, привет, это Макс, — послышался в трубке взволнованный голос. — Вчера твой босс

был у нас. Понимаешь, он как-то странно ведет себя...

— В чем это выражается? — жестко спросил Орехов.

— Ну как тебе сказать... такое впечатление, что у него крыша поехала.

— Так, может, ты чего-то не то сотворил, Макс?

— Да чего «не то»? В сауне с ним были первоклассные телки, все как надо, а он... Ну, в напряге мужик, это чувствуется, ему ни телки не нужны, ни сауна...

— Ты мне конкретно скажи — в чем это выражается, Макс?

— Он считает, что океан зовет его к себе. Это все, что сказали телки. Но ты смотри там...

— Что тут странного? Старик собирается на Акулий остров, уже видит себя на белом песочке. Дал бы мне недельку отпуска, тоже бы думал, что океан зовет.

— Да? Ладно, я тебе сказал, а ты думай.

— Ну спасибо, родной, будем посмотреть, как говорят наши друзья. Лады, я твой должник.

— О себе подумай, Киря. У него ведь есть телка, а он к нам заглядывает. Не все я понимаю тут.

— Понял, Макс, спасибо.

Орехов положил трубку, задумался. Да он и сам замечал в последнее время, что босс как-то странно себя ведет. Но босс он и есть босс. Другое дело, что будет после него? Вот об этом и следовало призадуматься.

Звонок селектора вывел его из состояния глубокой задумчивости. Сучка Ира велела прийти к боссу. Он ее терпеть не мог. Во-первых, потому что была шатенкой, а во-вторых, что спала с боссом и своими тупыми мозгами влияла на его решения. Такую телку он не хотел и за просто так, а терпеть ее в форме дубликата босса — и подавно. Однако ж приходилось терпеть. А что поделаешь?

— Привет, Ирочка, ты как, в норме? — спросил Орехов, входя в «предбанник» босса.

— В полном порядке, Кирилл Васильич. Идите, Илья Ильич вас ждет уже.

Орехов подумал, что, когда он возглавит фирму, ни одной шатенки тут не будет. А эту, пусть даже и перекрасится, выгонит в первую очередь.

— Спасибо, Ирочка... Ты обалденно выглядишь, — сказал он.

— Как всегда, — самодовольно усмехнулась Ира.

Орехов шагнул в кабинет босса, увидел перед собой уставшего пожилого человека. Седые волосы аккуратно прилизаны, закреплены лаком, но глаза смотрят тускло, а под ними — синеватые мешки. Эдакий уставший от жизни лорд, а ведь десять лет провел в местах, не столь отдаленных, потом десять лет воевал за право быть главным «фармакологом» Москвы, и каждый день из этих десяти лет мог стать последним. Многие дни стали последними для его врагов и конкурентов, а он выжил — старый хитрый лис. Теперь у него есть фирма, которая официально поставляет лекарства во многие московские аптеки, огромные деньги,

молоденькие шлюшки, но... Нет желания пользоваться плодами своей борьбы, это Орехов чувствовал последние несколько месяцев и не мог понять: что же происходит с жестким и властным прежде боссом? Все дела спихнул на него, даже не проверяет... Может, хочет посмотреть, верен ли он ему? Верен, пока верен, комар носа не подточит в финансовых документах и в сделках не афишируемых.

— Добрый день, Илья Ильич, отлично выглядите, — бодро сказал Орехов, присаживаясь в кресло у стола босса.

— Да перестань, Киря, — усмехнулся Богданов. — Тебе уже звонили из сауны, сказали, что вел себя странно?

Все чувствует, все понимает старый черт! Такого попробуй обмани хоть на доллар — зароешь в сырую землю без разговоров... в ближайшем Подмоскowie.

— Нет, никто не звонил, босс, — как можно правдивее сказал Орехов.

— Или ты врешь, или позвонят. Ну да ладно, это все мелочи. Я скоро улетаю с Иринкой на Акулий остров, ты знаешь?

— Конечно, Илья Ильич, говорили уже об этом.

— Ну так вот. Остаешься на хозяйстве. Я к чему все это? Романчука не трогай, до октября не требуй оплаты по контрактам. Подождем.

— Да какого хрена, Илья Ильич?! — возмутился Орехов. — Он должен проплатить завтра, пусть...

— Такого! — жестко прервал его босс. — С постоянными партнерами надо по-человечески, понял? Ща лето, жарко, народ больше по пляжам шарахается, нашим и ихним, про лекарства не очень-то думает. А мы это понимаем. Просек, Киря?

Орехов понимал. Второй человек в фирме, кое-что знал. А именно то, что смазливая сучка Ира трахается с Романчуком. Трахнул ее в очередной раз и попросил отсрочить платежи, что тут непонятного? Сказать об этом боссу? Да он и сам это знает, позволяет чушке порезвиться. Ну какая же она сучка! И старого хрена ублажает, и с замужним мужиком трахается, и на дела фирмы влияет! Но говорить об этом боссу нельзя.

— А если другие партнеры узнают об этом? — с другой стороны зашел Орехов. — У всех лето, проблемы. Если и они попросят отсрочить проплату по контрактам?

— Не узнают, не попросят, Киря, — с усмешкой сказал Богданов. — А если попросят — ты знаешь, что сказать. Все понял, или как?

— Да нет вопросов, Илья Ильич. Сами знаете — ваше слово для меня закон. Я когда-нибудь подводил вас?

— Покудова нет. И не подводи. Ты же не враг себе. Как дела дома, Оксана, дочка?

— Спасибо, все нормально.

— Без блондинки можешь удовлетворить жену? — Заметив растерянный взгляд зама, Богданов усмехнулся, махнул рукой: — Не бери дурного в голову, Киря. Значит, послезавтра мы улетаем,

смотри, как говорится, в оба. Оксанке привет. Ну, ступай, работай.

Орехов сосредоточенно кивнул, давая понять, что все будет отлично, и пошел к двери. У стола секретарши остановился, оперся ладонями о столешницу, негромко сказал, склонившись к девушке:

— Ира, он велел не требовать платежей с Романчука. Ну ладно, пусть так и будет. А ты как считаешь, это нормально?

— Да отлично, Кирилл Васильич, — простодушно ответила она.

— Ну тогда ладно, раз ты так считаешь, пусть будет, — сказал Орехов.

Не сомневался, что Ира не передаст его слова боссу. Она будет думать, что влияет не только на старика, но и на его, Орехова, мнение. Пусть думает, дура!

Она и думала, но совсем не то, что предполагал Орехов. Презрительно фыркнула, когда зам вышел в коридор, вежливо прикрыв за собой дверь, достала из сумочки губную помаду, зеркальце, принялась старательно подкрашивать губы.

«Индюк надутый! — думала Ира. — Всех дураками считает, один он умный. Ну ничего, придет время, Илья Ильич вытурит его в два счета, уж я-то постараюсь, чтобы так и случилось».

Ира презирала Орехова отнюдь не за то, что он старался казаться умником. Он был чуть ли не единственным мужчиной, который был абсолютно равнодушен к ней, хотя постоянно говорил комплименты, ласково улыбался, но она чувствовала — все это пошлое притворство. Пошлое потому, что он не особо скрывал его, считая Иру глупой сексуальной игрушкой босса. Такое разве можно простить? Другие тоже лишь комплименты говорили, но смотрели так, что... А этот! Да она знала, почему абсолютно не волнует его, многие в фирме знали, что Орехов и жену свою, крашеную блондинку Оксану, может удовлетворить только после того, как пообщается с другой блондинкой. Такие вот странности были у первого зама. Какая красивая женщина может простить подобное отношение к себе, если она не блондинка и не собирается ею становиться в ближайшем будущем?!

Никакая!

Лана Романчук оторвалась от клавиатуры компьютера, потянулась, долго смотрела на монитор, пытаясь понять, то ли она написала об очередном модном мюзикле. Вроде бы то, что хотели в газете, которая заказала статью. Но нужно будет еще раз внимательно прочитать текст. С театральными премьерками было все просто, она, весьма уважаемый театральный критик, могла себе позволить быть честной в оценках последних работ российских режиссеров. Режиссеры считались с ее мнением, даже если и критиковала, не обижались, поскольку чуть ли не со всеми из них она была в дружеских и не только дружеских отношениях. А вот с мюзиклами было сложнее. Эти сугубо коммерческие проекты не терпели никакой критики, статьи о них были откровенно заказными и хорошо проплачивались, и тут следовало пройти по лезвию бритвы — и заказчиков не разочаровать (дабы получить хороший гонорар), и свой авторитет сохранить. По большому счету, тут компромисса быть не могло: либо деньги, либо авторитет, но театральные люди Москвы, да и всей России, знали, в какой стране они живут, и прощали друг другу маленькие слабости. Режиссеры ставили пошлые шоу звезд, актеры снимались в ужасающих сериалах, ну а критики все это похваливали. «Рыночные отношения», ничего не поделаешь.

Оттолкнувшись пальцами от столешницы, Лана выехала вместе с креслом на середину комнаты, встала с кресла. В замызганном махровом халате, с всклокоченными короткими волосами на голове, она совершенно не походила на ту светскую львицу, которую иногда показывали по телевидению. Что поделаешь — двое детей-школьников, нужно их накормить-напоить, обстирать, да еще и за успехами в школе проследить. Денег на домработницу не было, поддерживать имидж светской львицы становилось все труднее. Раньше муж субсидировал, а теперь и у него возникли проблемы в аптечном бизнесе. Да, собственно, кто ее видит дома? Только муж, с которым в последнее время не очень хорошие отношения были, занимались любовью два-три раза в месяц, он стал нервным, а она злилась на то, что денег мало дает на нужды тяжелой профессии светской львицы. А ведь она платила за это, в свою очередь. В аптечных киосках Бориса висели его фотографии с Евгением Сидихиным, Ольгой Дроздовой и даже Джеком Николсоном, что должно было убедить жителей Москвы — такой хозяин аптечного киоска не обманет, все лекарства у него настоящие. И ведь действовало! До недавнего времени...

Она пошла на кухню, там ее муж пил кофе и, судя по всему, не собирался ехать и руководить своими киосками.

— Плесни мне тоже кофе, Боря. Ты сегодня дома? — сказала она, присаживаясь на кухонный диванчик.

— А ты?

— Вечером у меня важная встреча в Доме кино. А у тебя как дела? Вчера ты вернулся поздно, с неистребимым амбре чужих духов.

Романчук налил в чашку кофе, придвинул жене. Он подозревал, и небезосновательно, что она изменяет ему, но не делал из этого проблемы. Отвечал тем же.

— Я же не спрашиваю, где и с кем ты провела очередной вечер, Лана?

Она села за стол, глотнула кофе.

— Я тебе верна, — сказала Лана. — Если есть какие-то претензии — карты на стол.

— Аналогично.

— Ладно, не будем о грустном. Я закончила статью об этом идиотском мюзикле, бездарность полная! Да говорить об этом нельзя. Вроде бы выдержала политкорректность, которую требовали, но... не уверена. Тяжело писать положительный отзыв на полностью идиотское представление.

— Мои соболезнования, Лана. Ты в таком виде гораздо привлекательнее, чем на экране телевизора.

— Да? Извини, Боря, детей проводила в школу — и сразу за компьютер. Собой заниматься некогда было... А надо бы, мне ведь уже тридцать пять.

— Разве дело в этом? — спросил Романчук, внимательно глядя на жену. — Следить за собой — это значит по полчаса красить ногти, вместо того чтобы поговорить с мужем, поиграть с детьми? Штукатурить себя, ходить в парикмахерскую раз в месяц...

- Другие раз в неделю посещают парикмахерскую и даже чаще, — с вызовом ответила Лана.
- Каждую неделю подбривать лобок... — продолжал Романчук. — Кстати, может, скажешь, для кого это делается? Мне он в голом виде не нравится, и ты это прекрасно знаешь.
- Это делается для того, чтобы выглядеть современной женщиной, а не деревенской лахудрой!
- Там? — язвительно спросил Романчук. — А кто тебя там видит, кроме меня?
- Я хожу в фитнес-клуб, там вполне современные женщины принимают душ, парятся в сауне. И я не хочу быть...
- Ну-ну? Смелее! Там, по-моему, каждая уважающая себя женщина выглядит так, как нравится ее мужчине. Иначе многие давно бы лишились возможности посещать сауны.
- Лана хотел швырнуть в него чашку, но слишком горячим был кофе, ошпарит морду... Только это и остановило ее.
- Может, хватит? — с тоской спросила она. — У тебя есть причины подозревать меня?
- Есть, косвенные. Они описаны во всех учебниках по сексологии, да ладно. Жаль, что все так получается. Была красивая женщина, я любил ее, фирму назвал «РОЛАНА», еще помнишь, что это означает?
- Романчук ЛАНА.
- Именно. А теперь мне кажется, что мы два идиота, которые убивают свою любовь.
- Мне тоже... Но, Боря, что у тебя с этим Богдановым? Он согласен отсрочить платежи? Нам нужны деньги на проплату шоу Карена, где я буду играть главную гостью.
- Романчук тяжело вздохнул, глотнул кофе, медленно поставил чашку на стол.
- Знаешь, о чем я мечтал всю жизнь, ну, после того как женился?
- Скажи, Боря, жутко интересно.
- Что однажды ты поумнеешь и поймешь, что у тебя есть семья, муж, дети.
- А я не понимаю этого, да? Это ты Анжелку провожаешь в школу и Данилку? Встречаешь, кормишь, да?
- Я обеспечиваю все это. А ты?
- А я тоже... работаю!
- Твоих гонораров хватает на... Лана, не будем собачиться. Я жду телефонного звонка от Богданова. Если он согласится с тем, что я вчера ему сказал, твое шоу будет проплачено.
- Боря... По правде сказать, мне и на хрен не нужно то шоу, понимаешь? Я и без него уважаемый человек в театральных кругах, но... Так просто ничего не получается в этом мире. Перестанешь мелькать на телеэкране — забудут.
- Лучше б ты была торговкой на рынке или просто домохозяйкой толковой. Но эту остановку

мы проехали.

— Что верно, то верно. Хочешь видеть меня обыкновенной бабой, которая ходит в задрипанном...

Романчук засмеялся. Лана посмотрела на свой халат и тоже усмехнулась.

— Вот я и говорю, что такая ты мне больше нравишься, чем та... ну, не будем уточнять, которая мелькает на экране телевизора.

— Размечтался, — сказала Лана, втайне надеясь, что муж придвинется к ней, хоть на этот халат отреагирует, как мужчина, как муж, в конце концов!

Но нет, он по-прежнему смотрел на нее совершенно спокойно, даже с иронией. Она готова была сама проявить инициативу, но тут заверещала трубка радиотелефона, лежавшая на столе. Романчук схватил ее.

— Да? Добрый день, Ирина. Ну, замечательно... Замечательно! Да просто отлично. Ну, спасибо, спасибо. Желаю отлично отдохнуть, Илье Ильичу — моя искренняя благодарность, да. Еще раз — спасибо.

— Дорогая Ирина постаралась ради тебя? — с сарказмом спросила Лана.

— Еще как постаралась, — в тон ей ответил Романчук. — Позвонила и передала решение босса — он удовлетворил мою просьбу об отсрочке платежей до осени. Очень старательная девушка.

Лана согласно кивнула. А что оставалось делать? Желание проявить инициативу и соблазнить собственного мужа прошло. Не хочет — и черт с ним! Хорошо, что шоу будет проплачено, она появится там в качестве дорогой гостьи и будет о чем-то говорить (о чем, не важно), постоянно упоминая имена знаменитых актеров, с которыми встречалась, о которых писала. Чтобы у телезрителей к концу передачи возникло ощущение, что она каждый день обедает если не с Джеком Николсоном, то с Никитой Михалковым, Олегом Янковским и прочими отечественным звездами точно. За то и «уплочено».

И настроение явно улучшилось, о сексе она уже не думала, но хотелось как-то отблагодарить мужа.

— Боря, ты давно не приглашал Андрея Игошева, мы же с ним как-никак коллеги. И однокашники по Литинституту. Может, устроим шашлыки на даче? Пригласим Андрюшку с женой. Вы же вроде как друзьями были, а теперь он даже не звонит, и ты ему тоже...

По выражению его глаз поняла, что вряд ли это стало благодарностью за участие в шоу.

— И правильно делает, что не звонит. Мне одной пишущей личности, которая постоянно требует денег, хватает. Еще и Андрей станет просить займы — не выдержу. Так что пошел он на хрен, как любят выражаться некоторые критики... театральные.

— Ну, как знаешь, — пожала плечами Лана.

Глава 3

В ресторане «Барка-С» на Остоженке Кирилла Орехова считали своим, и более того — дорогим

гостем. Даже если свободных мест не было, для него держали свободный столик. И пару блондинок рассаживали так, чтобы Орехов мог к любой подсесть и завести разговор. Правда, в последнее время Орехов не хотел общаться с подставными девушками, которые заранее были на все согласны, подавай ему вполне нормальных москвичек, почему-то сидящих за столиком в одиночестве или в компании подружки. Нормальные не всегда реагировали на Орехова так, как должны были, но это входило в правила игры.

Официант мигом поставил перед ним тарелку с телячьей отбивной — крупным сочным куском мяса с золотистой корочкой, на гарнир — салат из овощей. Орехов знал, что мясо с макаронами или кашами — вредно для здоровья, поэтому ничего другого, кроме овощей, на гарнир не признавал. Помимо отбивной, на столе уже стоял запотевший графинчик с водкой.

— Кирилл Васильевич, во-он там, слева, сидит одна за столиком. Мы специально ради вас не подсаживаем к ней никого, по-моему, симпатичная.

Орехов скосил глаза, одобрительно кивнул.

— Спасибо, Костя. — Выдернул из внутреннего кармана пиджака стодолларовую купюру, придвинул по столешнице к официанту, сказал с усмешкой: — Сдачи не надо.

— Спасибо, Кирилл Васильевич, — поклонился официант. Понятно, почему поклонился, все, что стояло перед Ореховым, не стоило и тысячи рублей, а он платит больше трех тысяч. Ну просто замечательный клиент, как же не уважать такого?

Орехов налил себе водки, выпил, закусил овощами, потом отрезал кусок телятины, отправил в рот. Долго жевал, наслаждаясь вкусом хорошо зажаренного мяса. Потом снова наполнил рюмку, посмотрел в сторону блондинки за столиком слева. Очень даже ничего девица. Такая может кого угодно возбудить.

Он точно знал, когда это случилось. Восемь лет назад. Был он тогда простым менеджером при Богданове, но имел приличные деньги и много возможностей. И был знаком с девушкой Ланой, роскошной блондинкой, молодой критикессой. Он готов был бросить к ее ногам все прелести мира, а она взяла и ушла к некоему говнюку по фамилии Романчук, который заработал на издании дешевых книжонок приличные бабки и ударился в аптечный бизнес. Да сам виноват в этом, познакомил их на очередной пьянке в офисе, тогда всякая удачная сделка заканчивалась пьянкой, и откуда он только вынырнул, этот хренов Романчук? И Лана клюнула на роскошного блондина, который к тому же пользовался особым покровительством Богданова. Незадолго до этого в кабаке, где Богданов обсуждал с Романчуком очередной проект, ворвались автоматчики, и Романчук вроде бы свалил босса на пол, вроде бы прикрыл своим телом, короче — спас. И потом, когда увел Лану, тронуть его нельзя было.

Он женился, дочка родилась, думал, забудет Лану — нет, не получалось. Спустя три года вышел на нее, трахал два вечера подряд в хвост и гриву, как говорится, но это была уже не та девушка, которую он любил. Та погибла под натиском Романчука. Но два вечера кардинально изменили его жизнь. Он не мог спать с женой, если не пообщается с красивой блондинкой. У Оксаны были русые волосы, она перекрасилась в блондинку, но все это было не то.

«Сука он, этот Романчук, но теперь уж ничего не поделаешь. Дура Ирка и та клюнула на него».

Оксана любила его (или его деньги, какая разница) и с пониманием относилась к этой проблеме.

А проблема-то была, в общем, проста — пообщаться с симпатичной блондинкой, чтобы впоследствии, вернувшись домой, удовлетворить жену по полной программе. А если не получится... то и не получится.

Орехов выпил вторую рюмку, закусил, съел половину отбивной, встал и направился к столику одинокой блондинки. Она явно скучала без его внимания, ковыряла вилкой салат и пила сухое вино.

— Привет, — сказал он, присаживаясь за ее столик. — Меня зовут Кирилл, а вас?

— Тебе какое дело? — грубо ответила девушка.

Бывает и такое начало, ничего страшного. Девушка с амбициями, это даже интересно. В последнее время он понял, что «подсадные» блондинки, заранее готовые на все, что угодно, его не возбуждали, и запретил руководству ресторана использовать их. Только натуральный продукт.

— Я просто хотел составить вам компанию, вижу, вы скучаете в одиночестве...

— Я не скучаю.

— Что-нибудь хотите заказать? Все самое лучшее — в вашем распоряжении, я плачу.

— Ты платишь? Вали отсюда на хрен, придурок, — заявила девушка.

Бывали строптивые, но не настолько. Она не знает, с кем разговаривает и чем это может кончиться. Объяснить?

— Ты не очень вежлива, крошка, — жестко сказал Орехов. — Явно чувствуются пробелы в воспитании.

— Не понял, да? Ну так я тебе поясню... — Девушка посмотрела на соседний столик.

Из-за него тут же встали два амбала в черных похоронных костюмах, неприязненно уставились на Орехова. Понятно, еще чуть — и прибьют. Выходит, это он не знал, с кем разговаривает и чем это может кончиться.

— Извини, дорогая, — с улыбкой сказал Орехов. — Теперь все понял. Надеюсь, мы познакомимся, поговорим... но если ты не хочешь, приношу свои извинения.

Он вернулся к своему столику, доел отбивную, вытер губы салфеткой, зло швырнул ее на тарелку и шагнул к выходу. Вышел на тротуар, огляделся. Спустя пару минут рядом с ним остановился белый «мерседес», за рулем которого сидела его жена Оксана. Потянувшись, она распахнула переднюю дверцу, Орехов мрачно плюхнулся на пассажирское сиденье рядом с женой, со злостью захлопнул дверь машины.

— Поехали.

— Домой, или еще куда хочешь? — спросила Оксана, включая скорость.

Она поняла, что сегодня приятной беседы с блондинкой не получилось.

— Домой, куда же еще? И что за дерьмо такое — тупая телка ходит в ресторан с двумя телохранителями! Я просто предложил познакомиться, поговорить, тут же из-за соседнего

стола встают два шкафа, готовые смести все на своем пути!

— Наверное, дочь олигарха, — предположила Оксана.

— Да пусть хоть дочь!.. Я же ни слова плохого не сказал. А она, сучка, сразу на дыбы. Что за дела такие?

Оксана промолчала. Она знала, что этой ночью в их супружеской спальне будут царить холод и нервозность. Вроде бы уже привыкла к этому, но все равно, приятно мало. С одной стороны — можно и потерпеть, муж — человек богатый, молодой, симпатичный, энергичный, всем ее обеспечивает. Квартира в «Золотых ключах», что неподалеку от метро «Филевский парк», — сто пятьдесят квадратных метров. Гувернантка у дочери, домработница, о чем еще мечтать молодой женщине? О нормальной интимной жизни, но ее не было.

Такое впечатление, что мир сошел с ума. Вся литературная классика, да и реальная жизнь, наполнена историями о любви, когда мужчина домогается женщины, месяцами, а то и годами дарит ей цветы, ухаживает. «Дай, дай, дай!» — умоляет. А она ему кокетливо: «Нет, нет, нет». Не так прямо, конечно, но все же понятно. А тут она, красивая женщина, предлагает мужчине: «На, на, на меня», а он: «Нет, нет, нет... пока не пообщаюсь с блондинкой». Бред какой-то!

Она предлагала Кириллу лечиться, сходить к психотерапевту, но он с гневом отвергал все ее предложения. «Виагру» тоже не хотел принимать, считая, что все должно быть натурально. Оно-то ладно, он ей не изменяет, а после общения с очередной блондинкой в ресторане бывает нежным и ласковым и очень даже состоятельным мужчиной. Но если не хочет лечиться, значит... надеется встретить однажды ту, которая занозой сидит в его душе. А если встретит?

Она пробовала его напоить, пробовала растормошить, используя все свои женские средства, уж чего только не делала, да все впустую. Видимо, это у него на уровне подсознания. Может обцеловать ее всю, может удовлетворить ее, довести до белого каления языком и пальцами, но большего ничего не будет, если не поговорит с симпатичной блондинкой. А поговорит — ну прямо сексуальный монстр какой-то! И она смирилась с этим, более того, подыгрывала мужу. Если очередная блондинка готова была на все и они вместе выходили из ресторана, Оксана подъезжала, и муж с сожалением говорил, что жена застучала их...

Дурацкая игра.

Но иного выхода из этой ситуации она не видела.

Странное дело — муж не изменяет, он богатый, симпатичный парень, а жить приходится в постоянной тревоге. Даже не решалась сказать об этом своим подругам, точно знала — поднимут на смех: «Муж не изменяет, всем обеспечивает, ну так чего тебе еще надо, дорогуша?»

А нужно ей было — простого человеческого счастья, чтобы не «через назад», как говорили досужие подружки в школе, а просто и понятно.

А так не получалось...

— Бред сивой кобылы! — простонал Орехов. — Кто бы она ни была, могла бы вежливо сказать... Наглость!

— Пожалуйста, успокойся, Кирюша. Все будет нормально.

- Не будет! — заорал Орехов. — И мне досадно, что ты будешь страдать из-за этой сучки!
- Ты можешь сделать так, чтобы я не страдала... — загадочно усмехнулась Оксана.
- Ничего я не хочу, Ксюша. Домой, спать...
- Как скажешь, Кирюша.

Белый «мерседес» мчался по улицам Москвы. Многие жители столицы, провожая завистливыми взглядами роскошное авто, думали, что за его тонированными стеклами чуть ли не царствие Божие. Как же они ошибались!

* * *

- Прыг-прыг-прыг, мы скачем к замку, где нас ждет сказочный принц! — говорил Игошев, ползая на четвереньках по комнате, а на спине его сидела пятилетняя дочурка Настя.
- Принц пошел ужинать, и нам пора идти на кухню, — сказала Лена, входя в комнату.
- Мама у нас обладает понятийным мышлением, женским, а мы с тобой, Настя, образным, поэтому не будем ее слушаться! — провозгласил Игошев.
- Не будем! — закричала Настя.
- Интересно, как ты объяснишь дочери понятийное женское мышление и мужское образное? — спросила Лена.
- Очень просто. Мужик говорит жене: «Пойду проведаю больного соседа». А жена: «Опять будете пить?» Он ей образно объясняет причину ухода, а она ему — понятийно.
- Поняла, мамуль? — закричала Настя. — И не мешай нам с папкой! Мы же принцу хотим помочь.
- Ну хорошо, — с иронией сказала Лена, — поможете вы принцу, а потом что?
- А потом я стану его принцессой! — заявила девочка. — Но-о, лошадка, поехали быстрее, а то мы не успеем и дракон победит принца!
- Лена задумчиво наблюдала за тем, как Игошев «подскакал» к дивану, который, похоже, и был сказочным замком. Соображала, как бы ей образно объяснить, что пора ужинать. Наконец придумала.
- Все, прискакали, а дракона уже нет, — сказала она. — Испугался и убежал, вернее, улетел. Ты, Настя, стала принцессой и, чтобы управлять замком, должна подкрепиться.
- Да, папуль? — спросила Настя.
- Да, — сказал Игошев. — Лошадке тоже надо подкрепиться, устала скакать.

Мнение отца убедило маленькую принцессу. Она слезла с «лошадки», подождала, пока Игошев встанет на ноги, взяла его за руку и повела на кухню. Лена с улыбкой смотрела им вслед, качая головой — идиллия, да и только! Иногда она даже немного ревновала, казалось, уж

слишком сильно дочурка любит отца, на мать порой и внимания не обращает. Но ведь... было за что его любить. Им обеим... Андрей был просто замечательным мужем и отцом.

На кухне она наполнила тарелки, сама села за стол.

— Опять котлеты с макаронами? — недовольно спросила Настя.

— Вчера нажарила котлет, надо же их доесть.

— У тебя, мамуль, понятное мышление, — с серьезным видом сказала Настя.

Игошев улыбнулся, но поправлять дочурку не стал.

— А у тебя непонятное, вернее, непонятливое, — заметила Лена. — Ешь давай. А потом посмотришь мультик и — спать. Я тоже хочу поскакать на нашей «лошадке».

Как она собирается скакать на нем, Игошев знал, не выдержал, наклонился, чмокнул жену в щеку.

— К моему принцу? — насупилась девочка. — И даже не пробуй, потому что у тебя папуля есть.

— Он и для меня найдет подходящего принца, — не унималась Лена, лукаво поглядывая на мужа. — Мы с ним просто пообщаемся, и все.

— Лен, ты просто чудо. Но... давай потом поговорим о принцах, ладно?

Лена согласно кивнула и включила телевизор.

— Ой, смотри, кто там выступает! — воскликнула она. — Это же Лана Романчук!

— Ролана, — с иронией сказал Игошев.

«— После спектакля я спросила его: "Олег, вы уже много лет играете в этом спектакле, не надоело ли?" Янковский внимательно посмотрел на меня и сказал: "Лана..."»

— Вместе с тобой училась в Литинституте, а теперь ее по телевизору показывают, — с досадой сказала Лена. — А тебя туда не зовут.

— Ее позвали потому, что Романчук заплатил за это.

— У тебя все к деньгам сводится! Могли и просто так пригласить, интересно же послушать человека, который знаком с нашими звездами.

— Все заплачено, не сомневайся.

— Ты бы позвонил ей, раз уж знакома со знаменитыми артистами, может, что-то посоветует тебе? Сценарий пристроить или написать что-то нужное. Сколько можно прозябать в этой задрипанной газете?

Игошев недовольно поморщился:

— Перестань, Лена. Она сама-то живет за счет своего аптечного бизнесмена. Да и Романчук уже два года не звонит, сытый голодному не товарищ, слышала такую поговорку? Мы не

голодные, но и не такие богатые, как они.

— Кто эта тетя? — спросила Настя.

— Знакомая твоего папы, однокурсница. Она была у нас в гостях, и мы у них на даче были. Ты не помнишь этого.

— Она богатая, да?

— Ох, Настюша, — вздохнула Лена. — Она известная критикесса, а наш папа...

— У тебя самой непонятное мышление! — заявила девочка. — Мой папа самый известный и самый лучший, понятно?

Лена грустно улыбнулась. Ну конечно, папа вне критики, он самый замечательный на свете. Кто ж возражает? Если б еще денег зарабатывал хоть чуть больше...

Игошев обнял жену и дочку.

— Девушки! Перестаньте выдергивать друг дружке бакенбарды по пустякам, — сказал он.

— А что такое бакенбарды? — спросила Настя.

— Это как у Пушкина, вот здесь растут, — показал Игошев.

Настя сосредоточенно пощупала свои щеки и с недоумением посмотрела на отца:

— Папуль, а у меня тут ничего не растет.

Лена засмеялась:

— У тебя тоже понятнейшее мышление, доченька! Так что не зазнавайся, дорогая. И вообще, доедай котлету, хватит рассуждать над тарелкой.

— Мама права, ешь, Настюша, — сказал Игошев. — Мама тоже хочет покататься на твоей «лошадке». Или уже нет?

Он внимательно посмотрел на жену. Она ответила ему улыбкой. Плохо, конечно, что денег постоянно не хватает, но... любит его, до сих пор любит, шесть лет вместе, а каждый день ложится в постель как в первую ночь.

Познакомились на дискотеке, он тогда работал в «Известиях», печатал свои рассказы в дамских журналах вроде «Отдохни» и «Лиза», два детективных романа издал. Она читала и его романы, и его рассказы, потому и знакомство то посчитала просто удачей. Но когда он после пяти свиданий привел ее в свою коммуналку, испытала явное разочарование. Достаточно убогая комнатуха, никак не похожая на жилище писателя. Однако ж пришла и... потеряла в ней свою девственность. Но уходила из комнатухи, влюбленная не в писателя, а в мужчину, который был таким нежным и ласковым, столько счастливых минут доставил ей, что поневоле вспомнилось выражение «С милым рай в шалаше». Правда, в «шалаше», то есть в его коммуналке, им жить не пришлось, родители согласились разменять трехкомнатную квартиру и его коммуналку на две двухкомнатные, так у них появилось свое жилье, а потом и Настя. Шесть лет вместе, но, Господи Боже, она даже не смотрела на других мужчин. У нее был свой, такой, что лучше и представить невозможно. А деньги... Не голодают, и ладно. Она верила в него, последние годы Андрей писал сценарии сериалов, пока что не получалось, никто не

говорил, что пишет плохо, но везде были свои «команды». Рано или поздно он прорвется, а сейчас — она счастлива, это ведь за деньги не купишь. Она это точно знала, наслушалась исповедей своих подруг, некоторые уже развелись, другие тихо мучились в браке. А она все больше и больше любила своего мужа. И получала все, что хотела в личной жизни. Прямо-таки нонсенс на фоне современной жизни! Вроде бы все скромно, а на самом деле отлично!

— Андрюш, ты сегодня долго будешь катать меня, — с улыбкой сказала Лена.

— Только не очень долго, — сердито заявила Настя. — Ты тяжелая, мамуля, «лошадка» устанет.

— Ладно, я только до сказочного замка и обратно, — заверил ее Игошев.

А Лена вдруг подумала, что дочурка ревнует ее к отцу. Даже не понимая смысл их разговора, ревнует. Ну такой вот у нее муж. Все тут его любят.

Глава 4

Еще совсем недавно они были сотрудниками налоговой полиции, но вдруг их ведомство упразднили, хорошо, хоть не выгнали совсем, а зачислили сотрудниками нового ведомства, возглавляемого Виктором Черкесовым. Теперь, вместо того чтобы отслеживать бизнесменов, уклоняющихся от уплаты налогов, нужно было бороться с наркотиками. С настоящей наркомафией они были знакомы понаслышке, а вот с распространением психотропных препаратов могли совладать. Тем и занимались, сидя в своем прежнем кабинете, капитан Ольга Романова, красивая блондинка тридцати лет, разведенная (муж не выдержал постоянных ночных дежурств супруги и после двух лет скандалов ушел к другой женщине), и капитан Юрий Пылюков, его жена пока что терпела ненормированный график работы мужа.

— Оль, ты выглядишь усталой, — сказал Пылюков.

— Мало спала, думала о Богданове. То, что он контролирует незаконный оборот психотропных средств, ясно. Но как его, падлу, прищучить?

— Я не все сказал, Оля. Ты уставшая, но жутко красивая. Это без дураков.

— Да? Ну и что дальше, Юрик?

— А ты не знаешь? Ты страдаешь без мужика...

— Знаю, но и ты знаешь, что это исключено. Мы с тобой только коллеги по работе.

— Почему?

— Потому что, Юра! И забудь о моей личной жизни, тебя это не касается. Думай о своей жене и детях.

— Думаю... Ладно, Оль, не злись. Так что у нас есть на Богданова?

— Практически ничего. Но он скоро улетает на острова... Остается на хозяйстве Орехов. А этот...

— Я знаю. И проблемы его — тоже. Хочешь познакомиться?

— И понять, когда прибывает партия незарегистрированных психотропных препаратов. Нам нужен только адрес и время.

— Думаешь, он тебе скажет?

— А что остается, Юра? Партия прибудет рано или поздно. Она уже на подходе, но мы не знаем, на какой склад попадет. Может быть, мне удастся это выяснить.

— Начальство оплатит твой ресторан?

— Да ладно, потрачу свои сто рублей.

— Не думаю, что их хватит на чашку кофе. Ладно, раз уж решила, я тебя прикрою. Но... Слушай, не могу понять, как такая красивая женщина мучается в одиночестве?

— Юрик, мы ведь уже решили...

— Да понял я, понял... Оля, я его измордую, если позволит себе какую-то гадость по отношению к тебе.

— Он очень вежливо ведет себя с дамами в ресторане, интеллигентно. И вообще, интересный экземпляр.

— Ты думаешь?

— Вчера там была Рита с двумя оперативниками, она ему такой отпор устроила — и слова не сказал. Вообще был предельно вежлив.

— Теперь ты пойдешь в «Барку-С»?

— Рита проверяла его реакцию, вчера была там с двумя «физиками», так послала, что бедолага, наверное, всю ночь ворочался, вспоминая Ритку. Я специально велела послать его, чтобы разозлился...

— И сегодня точно клюнул на тебя? — перебил ее Пылюков.

— Точно.

— Ох, Оля, Оля... — вздохнул Пылюков. — Ни хрена он тебе не скажет. Ну ладно, раз ты решила, я с тобой.

— Спасибо, Юрик.

— Пойду к начальству, доложу о нашем плане, может, бабок подкинут.

Пылюков встал со стула и пошел к двери. Он ничего не понимал. Давно хотел се, красивую, пышноволосяную блондинку, а когда развелась с мужем, готов был бросить жену и ребенка, только бы рядом с ней быть. Вроде бы друзья, три года в одной упряжке, уже и тайн никаких между ними не было, но дальше — никак. Сколько раз друг друга выручали, хоть бы раз дала, ну хоть просто так, чисто технически... Нет! Живет одна, муж с другой бабой, а она... Только работа. Сумасшедшая баба, да и только. Хочет Орехова прищучить? Не знает, для чего тот с блондинками знакомится? Так он и сказал ей в ресторане что-то важное! Ну ладно, раз так, ничего не остается, как обеспечить ей безопасность. Лучше б нормальный мужик был на ее

месте, его напарником!

Нет, Ольга... Просто отдохновение для души, пусть и неприступна. Потому он рвется на службу, едва проснувшись дома, что там его ждет Ольга. Женщина-мечта...

А она уткнулась подбородком в ладони, лежащие на столе, стала думать, как себя вести в ресторане, чтобы Орехов обратил на нее внимание. Ну, проститутку играть не следовало, но и состоятельную даму — тоже. На светских вечеринках она не бывала, многое не знала, запросто может проколоться и насторожить его. Значит... солидный друг пригласил, но у него возникли важные дела, дождался, чтобы сказать — должен отлучиться, пусть подождет, и смылся. А она осталась его ждать.

Солидного друга должен сыграть Юрик, и значит... Нужно, чтобы оделся как подобает. Вернется, попросит его смотаться домой, переодеться в парадный костюм, не «капитанский», разумеется, а цивильный. Она вдруг подумала, что ни разу не видела Пылюкова в хорошем костюме, все — джинсы, кожаная куртка, зимой толстый свитер, летом футболка...

Злится, что не обращает на него внимания как на мужчину. Ну а что тут поделаешь? Мужа своего любила, красивый был парень, кареглазый шатен, сына родила — копия папы. Правда, только месяц сидела дома с ребенком, а потом опять с головой ушла в работу. Мать воспитывала Максимку, а Сергей злился, требовал, чтобы она ушла из налоговой полиции, он работал в банке, вполне мог обеспечивать семью. Но представить себя домохозяйкой она не могла. Часто задерживалась на службе, иногда и ночевала в своем кабинете на диванчике, Сергей каждый раз устраивал скандалы и в конце концов объявил, что устал от такой жизни, нашел себе другую женщину и уходит к ней. Она ушла из его квартиры и целую неделю была сама не своя, переживая его предательство. Она ведь ни разу не изменила Сергею, даже мысли такой не было, а что работа... Она-то и помогла ей снова встать на ноги. В родной квартире было две комнаты, не тесно им с Максимом и матери. От алиментов Сергея она категорически отказалась, сама неплохо получала, и, если не роскошествовать, денег хватало. А на роскошь просто времени не было. Но вспоминала Сергея, до сих пор вспоминала, хотя и точно знала — никогда не простит его. Он время от времени звонил, предлагал деньги, но тщетно, даже приходил навестить Максимку, но она в это время всегда была на работе.

Юрик совсем другой, такие мужчины ее абсолютно не интересуют. А вот Кирилл Орехов чем-то походил на бывшего мужа — такой же шатен, вполне симпатичный мужчина. Хотелось не просто выяснить у него какие-то секреты, но и действительно произвести впечатление на мужчину. Нет, никаких планов относительно его она не строила, это исключено, просто женщина хотела почувствовать себя женщиной в компании с мужчиной. Что же в этом странного?

Да ничего. Женщина, даже если она капитан, все равно прежде всего — женщина.

Романчук оставил свою «шкоду» на платной стоянке у станции метро «ВДНХ» и неторопливым шагом двинулся по аллее, ведущей к центральному входу выставки, название которой теперь отличалось от названия станции метро. Теперь уже ничего странного в этом не было, есть же Санкт-Петербург и Ленинградская область. На этой центральной аллее, ближе к входу на ВВЦ, у Романчука было два аптечных киоска, вот к ним-то он и направлялся, чтобы проверить, как идет торговля. Народу на аллее, несмотря на жаркий день, было много, значит, и торговля идет хорошо. Романчук лукавил, когда просил Иру уговорить Богданова отсрочить платежи по контрактам. Летом у него не было спада продаж лекарств, наоборот, шел подъем, ибо киоски были расположены в том месте, которое было оживленным именно летом, когда люди шли на

ВВЦ, чтобы поесть шашлыков, попить пивка, ну и заодно чего-нибудь посмотреть интересное. Шли целыми семьями и, минуя его киоски, вспоминали, что забыли купить — кто снотворное, кто прокладки, кто анальгин, и покупали. Сочетали, так сказать, приятное с полезным.

Лукавить-то лукавил, но нужно было подумать и о стабилизационном фонде, как он называл свой секретный (от Ланы) счет в Сбербанке, и о том, чтобы обеспечить жене имидж светской львицы, а это немалых денег стоило. Да и вообще, кто же в наше время не пытается отсрочить свои платежи, и если имеется такая вероятность, кто откажется се использовать? Он таких среди своих друзей не знал.

Первый киоск (белый вагончик с вывеской «РОЛАНА») находился справа по ходу. Романчук остановился, наклонился к окошку:

— Привет, Зина, как дела?

— Нормально, Борис Иванович, — заверила его бойкая продавщица, полноватая крашеная блондинка лет тридцати.

— Открой, поговорить надо.

— Только поговорить? — хохотнула Зина.

— Ты открой, а там видно будет.

Романчук вошел с тыльной стороны вагончика внутрь, запер за собой дверцу. Велел Зине закрыть пока окошко, когда она это сделала, включил лампочку под потолком.

Эта Зина приехала из Днепропетровска, из Украины, попала к нему по рекомендации другой женщины из Днепропетровска, которая нашла себе более хлебное место. Где она жила, Романчук не знал, но телефон имелся, значит, снимала квартиру, может быть, в компании других украинцев, так дешевле. Разведена и не очень строга, но аккуратна, такая продавщица его полностью устраивала.

Романчук сел на картонный ящик с лекарствами, внимательно посмотрел на Зину.

— Рассказывай, как дела.

— Да усе ж нормально, Борис Иванович. Торговля идет хорошо. Сегодня продала даже больше, чем вчера. А день еще не кончен. Так шо можно ожидать отличную выручку.

— По другим делам?

«Другими делами» была продажа без рецептов психотропных средств: реланиум, валиум, реладорм, — многие люди не в состоянии без них уснуть или ездить в общественном транспорте, а попасть на прием к невропатологу не могут — лето, врачи в отпусках, вот и приходится покупать необходимые для жизни лекарства у знакомых аптекарей, значительно переплачивая. А что делать? Правда, были и такие, кто глотал таблетки не для того, чтобы съездить на рынок, а чтобы поймать кайф, и не по одной раз в неделю, а по пять-шесть в день. А то и больше, смотря какое лекарство употреблял. Этот бизнес был самым прибыльным в аптечном деле, все промышляли им, даже государственные аптеки. И все рисковали. Но здесь у Романчука были свои клиенты, как среди наркоманов, которые покупали лекарства большими партиями, так и среди больных, которые зарекомендовали себя надежными клиентами. Цена упаковки была выше официальной, продаваемой по рецепту, минимум в пять

раз. Вот где начинался настоящий бизнес!

— По другим ишо лучше, — с улыбкой сказала Зина. — Пришел Валех и все скупил на корню. Другие приходили, но я обещала им завтра.

— Понял, завтра доставлю тебе со склада новую партию. Ну что, Зинок, молодец ты. Заслужила премию.

Романчук вытащил из внутреннего кармана пиджака бумажник, достал стодолларовую купюру, помахал ею в воздухе. Мог себе позволить такое. Продажа всей партии препаратов, которыми он не имел права торговать, сегодня принесла ему больше тысячи долларов чистой прибыли, и это — не считая прибыли по легальным продажам. Имел право премировать продавщицу. А главное, имел возможность.

— Ну спасибо, Борис Иванович, — кокетливо улыбнулась Зина, принимая купюру и пряча ее в кармане белого халата. — Вы просто мне праздник сегодня устроили.

Она лукаво посмотрела на Романчука. Он не стал медлить, развернул женщину лицом к стенке вагончика, задрал белый халат, под ним были синие джинсы. Романчук стащил их до колен, туда же отправил синие трусы и, наклонившись, замер, вглядываясь в мощные ягодицы.

— Ну, Зина, выглядишь просто потрясающе, — пробормотал он, сминая жадными пальцами белую кожу.

— Ой, Борис Иваныч... Боря... ой... — тихонько простонала Зина. — Та я ж уже то... готовая...

Романчук расстегнул ремень, спустил свои джинсы с трусами и, обхватив задницу женщины с боков, вошел в ее сладкое, липкое и теплое тело сзади.

— Ой, Боря-а-а... — застонала Зина.

Романчук энергично работал бедрами, вцепившись в ее бока жесткими пальцами. Потом, когда почувствовал, что пик сладострастия близок, резко повернул ее к себе лицом и наклонил ее голову вниз. Зина поняла, что нужно делать, и спустя пару минут они оба стонали, прислонившись к стенке вагончика. Зина в трансе размазывала по щекам липкую влагу, бормоча слова, которые не во всякой казарме услышишь, а Романчук, тяжело дыша, натягивал джинсы вместе с трусами, но руки дрожали, и не сразу это получилось.

На все это смотрели Джек Николсон с Ланой, запечатленные на крупной фотографии, приколотой к стенке вагончика.

Ко второму киоску Романчук подошел расслабленным и умиротворенным. Там работала пожилая женщина, заходить в вагончик он не стал, выяснил, что и здесь дела идут хорошо, партия запрещенных к свободной продаже препаратов ушла, пообещал завтра доставить со склада новую партию и зашагал в обратном направлении, к машине.

Такая вот она жизнь у мелкого предпринимателя. Четыре киоска, еще один — на Кутузовском и один на Киевском вокзале, но там сейчас ситуация не столь благоприятная. Жена сегодня встречается в Доме кино с известным актером, телеканал, где она была гостьей в популярном шоу, предложил ей контракт на пять интервью, за каждое — пятьсот баксов, вот Лана и старается. А после интервью будет дружеский ужин в ресторане, а потом... В двенадцать она

вернется или в два ночи, какая, на хрен, разница! Романчук давно уже решил для себя — жена ему нужна как вывеска, успешная светская львица, значит, и фирма солидная. А все остальное... Да ну его на хрен!

Глава 5

В Садовом переулке царило почти праздничное оживление. Праздничным назвать его, разумеется, никто не решался, потому что банкет организовывался по случаю отъезда босса в далекие края, но стол накрывался такой, что и матерый олигарх, глядя на него, оживился бы.

Работать под началом босса, который является криминальным авторитетом, конечно, опасно, всякое ведь может случиться. Но и приятного в этой работе много. Платят солидно, без задержек, хорошо выполняешь свою работу — и премию получишь к новым праздникам, христианским и государственным. А случится проблема, можно прийти к боссу и попросить ссуду приличную, чтобы избавиться от напастей. Три, пять, десять тысяч баксов — босс даст. И даже если не получается вовремя вернуть ссуду, а сотрудник на хорошем счету, можно прийти, поплакаться на стечение обстоятельств — босс поймет и простит долг. Потому что боссу нужны преданные сотрудники, свято блюдущие корпоративные интересы, без этого никакие боевики не помогут ему выжить. И он, мудрый, старый босс, прекрасно понимает это и старается быть отцом родным своего коллектива. Люди знают об этом и верны ему безгранично. Любой руководитель хочет быть отцом родным для своих подчиненных, но у руководителей нищих госучреждений таких возможностей нет. Им нужно самим выжить, детей, а лучше и внуков обеспечить, а что сотрудникам зарплату не выдают три месяца — ну так и хрен с ними. А у босса — много миллионов на счетах в западных банках, вполне легальных, «отмытых», ему не нужно ломать голову над тем, как отблагодарить честного, добросовестного сотрудника.

Бывший уголовник, в местах, не столь отдаленных, провел десять лет? Ну а что тут такого? Было время, громадной Страной Советов управляли сплошь бывшие уголовники. Они считали себя «политическими», но террор и убийства — уголовные преступления. Потом вышли на волю и давай управлять! И ничего, как-то пережили все это. Слава Богу, теперь во главе страны стоит первый в ее истории нормальный мужик, а уголовники только фирмами руководят. Ну так это просто замечательно! Мы и в мире выглядим вполне нормальным государством (правда, кое-какому миру, вроде ПАСЕ, это почему-то не нравится), и в фирмах люди работают с удовольствием, ибо знают, что их труд ценят. Босс может вызвать сотрудника и сказать:

— Что-то устал ты, Степа, много работаешь. Бери-ка две недели за мой счет и поезжай на Кипр с женой и ребенком. Путевки и билеты возьмешь завтра у Иры. Деньги на Кипр есть, или тебе зарплату двухнедельную выдать?

Степа заморгает светлыми ресницами, потом неуверенно скажет:

— Если можно, зарплату, Илья Ильич...

— Лады, — скажет босс. — Получишь четыреста баксов, но смотри у меня, отдохни как следует!

Если кто-то думает, что после этого бухгалтер Степа не будет гордиться тем, что работает на Илью Ильича, а его друзья не будут завидовать ему, — он глубоко ошибается. А босс, несмотря на все траты, становится все богаче и богаче. И, памятуя о всех невзгодах, пережитых им, как

бы невзначай говорит, что намерен построить дачный поселок для сотрудников, будут жить, пока работают в фирме, а кто проработал десять лет — становится собственником двухэтажного коттеджа. И чем занялись сотрудники, у которых были дачи, на следующий день? Оформлением дарственных па родственникам, чтобы не считаться владельцами своих дач и претендовать на место в хорошем коттедже.

Да такого босса на руках нужно носить!

Стол накрыли в конференц-зале фирмы. И любимая всеми россиянами рыба, которая долгое время отсутствовала даже в поваренных книгах, — семга, омуль, осетрина, стерлядь, и заморские деликатесы, знакомые по книгам Хемингуэя и других классиков, вроде устриц, мидий, омаров. И разумеется, российское мясо, говядина и свинина, приготовленные поварами «Праги» так, что слюнки текли от одного только вида. О соленьях, копченых и фруктах и говорить не стоит. Ну а питье — на все вкусы, кому французское вино, кому русская водка, а если нравится виски или джин с тоником — так пожалуйста.

В пять вечера все собрались за столом. Богданов сидел во главе стола, рядом с ним Орехов, дальше — менеджеры и все прочие сотрудники. Ира помогала накрывать на стол, ее место было на противоположном конце, среди второстепенных сотрудниц. Ни для кого не было секретом, что Ира — любовница босса, но в офисе Богданов свято соблюдал иерархию, и это безумно нравилось всем второстепенным сотрудникам, особенно женщинам. Вот уборщица, вот повариха, охранник, секретарша Орехова — а сидят в одной компании с Ирккой, самой любовницей босса, которая, говорят, может многое! И сидят как равные! Кому же это не понравится?

Богданов встал, поднял рюмку с коньяком «Хенnessи», бутылка стояла на столе, но никто не претендовал на дорогой коньяк. Зачем, если у всех было «нолито» то, что душе угодно? И под любимую закуску скоординировано.

— Друзья, я сегодня ночью улетаю на две недели, — усталым голосом сказал Богданов. — Решил немного отдохнуть. Оставляю вас на Кирилла Васильича, вы его не обижайте, он человек хороший, вас тоже не обидит. Надеюсь, за время моего отсутствия, как говорится, все будет нормально. На вахте есть ящичек, возникнут проблемы у кого-то — опустите свое послание, его передадут мне. Так что я буду с вами, и находясь вдалеке. Ну а теперь предлагаю тост — за нашу фирму. Надеюсь, никто не возражает?

Кто же мог возражать?

Выпили, но насладиться закусками не довелось. Кирилл Орехов торопливо наполнил свою рюмку по новой, жестами велел сделать то же самое и всем присутствующим. Встал, поднял рюмку с виски:

— Господа, я предлагаю выпить за нашего любимого босса, Илью Ильича Богданова! И это не простые слова. Я убежден, каждый сотрудник нашей фирмы поддержит меня, ибо Илья Ильич для всех нас — просто отец родной! Мы желаем ему хорошего отдыха и ждем возвращения отдохнувшего, загоревшего Ильи Ильича в родной офис. За него!

Все сидящие за столом в одном порыве вскочили со своих стульев, подняли рюмки и фужеры, потянулись ими к боссу. Надо сказать, что порыв этот был искренен и естественен, что вряд ли возможно в госучреждениях.

Богданов не поленился, обошел стол, чокнувшись со всеми своими сотрудниками. Потом

вернулся на свое место, глотнул «Хеннеси», и все другие разом опорожнили свои посудины, набросились на закуски. Минут десять после этого в конференц-зале слышалось только яростное чавканье, бульканье и прихлебывание. А потом Богданов снова встал с той же рюмкой коньяку, он с каждым тостом отпивал глоток, не больше, и сказал:

— Друзья, я предлагаю тост за вас. За всех наших сотрудников, невзирая на должности. Мы — одна семья, такой и останемся впредь. Я желаю вам всем прежде всего здоровья. А потом — мира и покоя в семье, это главное. Тогда и работа будет в радость для всех. За вас.

И снова все вскочили в едином порыве, заверяя босса, что так оно и есть и будет под его чутким руководством.

Богданов опорожнил свою рюмку, поставил ее на стол, оглядел собравшихся.

— Мне жаль расставаться с вами даже на две недели, но надеюсь... Пора мне, дорогие, нужно собраться, путь неблизкий, двенадцать часов лететь. Не обижайтесь. Все, что останется на столе, а там еще много чего есть, возьмите домой, устройте праздник своим близким. Берите, не стесняйтесь, я специально велел устроить так, чтобы всем хватило и здесь, и домой могли взять.

Он выходил из конференц-зала под аплодисменты всех сотрудников, они стоя провожали босса, благодарили его за заботу. И молили Бога, чтобы он вернулся живым-здоровым. Уж больно уставшим выглядел, уж больно хороший стол организовал и о родственниках позаботился, вон, поросенка молочного несут, осетра, целиком запеченного... Конечно, еще выпьют, но закуску уже пора делить, дома не всегда такие яства бывают на столе. И уже хочется порадовать близких деликатесами, и уже видится, как жены и мужья сотрудников фирмы отблагодарят их ночью...

Ира безмолвно встала со своего стула и последовала за боссом. Это все заметили, но никто ничего не сказал, даже соседу. Главное — не упустить дележ деликатесов на столе. А то ведь уборщицы и секретарши сметут все, глазом не успеешь моргнуть. А высокопоставленным сотрудникам тоже хотелось, какой же дурак откажется от таких продуктов? Бесплатных?

И только Орехов взирал на всю эту возню после ухода босса с высокомерной усмешкой. Он ничего не складывал на свою тарелку, не запихивал в полиэтиленовый пакет. Когда Богданов уехал, он вернулся в свой кабинет, набрал номер телефона.

— Але, Макс? Привет, Орехов. Как наши дела?

— Нормально, Киря, если ты считаешь, что это нормально. На хрена тебе такие приколы?

— Надо. Конкретно говори.

— Понял. Двое моих ребят, орлы, стриптизеры, любимцы баб, летят на Акулий остров день спустя после твоего босса. Третий, мой кореш, бизнесмен, да Славка Костромин, ты его знаешь, с ними. Киря, ты, конечно, классные бабки предложил и все оплатил, но я мандражирую. Этот старый волк нутром чует опасность. Если проколемся — он уничтожит и тебя, и меня.

— Не проколемся, и никто не узнает о нашем плане. Ты все правильно объяснил своим орлам? В сауне с богатыми телками одно, а тут совсем другое.

— Я все объяснил, но...

— Вот и нормально. Мы же хотим, чтобы телка была в тонусе и старик не впадал в депрессию. Собственно говоря, для него и стараюсь. Мужики твои как?

— Да они аж подпрыгивают от нетерпения! Ты им устроил такое путешествие, да еще и для того, чтобы охмурить симпатичную телку, это ж их работа... Но твой босс... Я его боюсь, если честно.

— Не дергайся, Макс, у меня тут все под контролем. Я хозяин, понял?

— Да понял. Ну, короче, что тут дергаться? Все сделал, как ты хотел.

— Отлично. Держи меня в курсе, пусть звонят тебе каждый день. Все понял?

— Киря! Достал ты меня уже! Не надо держать меня за дебила, кончай свои рассуждения. Все будет, как хотел.

— Отлично, Макс. Я твой должник. Помню это. Все.

Орехов положил трубку, довольно усмехнулся. Он доконает босса на его Акульем острове и сам станет боссом. И тогда тут будут совсем другие порядки! Все, можно и расслабиться, — поехать в «Барку-С» и познакомиться, поговорить с симпатичной блондинкой. Сегодня-то это должно получиться! Нельзя же два дня подряд нарываться на крутых девиц!

А то, что творится в конференц-зале, — по фигу. Пусть народ делит продукты с барского стола, гребет их в свои кошельки, то есть пластиковые пакеты, ему плевать на это. Слишком старый босс, слишком сентиментальным стал, нужно покруче с этими людьми. Ну вот это он и сделает.

Совсем другое настроение царило в редакции газеты «Вести недели». Банкир, который купил газету три года назад, похоже, разуверился в том, что она может конкурировать с популярными изданиями, и с явной неохотой выполнял свои финансовые обязательства. Сотрудники газеты были в панике, не зная, что их ждет в будущем. Продадут ли газету другому хозяину, а он поставит своих людей везде и продиктует свою политику, или обанкротят, что то же самое — новые хозяева, новые начальники, новые правила игры. О пресловутой свободе слова и говорить не приходилось. Тут бы зарплату вовремя получить! Вовремя уже не выходило, позавчера должны были дать, но не дали и сегодня, похоже, не собираются платить деньги.

Андрей Игошев сидел за столом, тупо глядя на монитор компьютера. Ситуация складывалась аховая, деньги кончались, Ленка хоть и не упрекала его, но чувствовалось, что злится втихомолку. Пока сдерживает себя, но когда прорвет... Сразу вспомнит все невыполненные обещания. А что же тут можно поделать? Ему тоже обещали и на службе, и в телекомпаниях, но пока только обещаниями дело и ограничивалось. Платить деньги в этом мире никто не хотел.

— Андрюха, зарплату дадут? — спросил Василий Калитин, отрываясь от своего монитора.

Они были ведущими обозревателями газеты и, чтобы спокойно думать и анализировать текущие события, занимали вдвоем один кабинет. Прочие сотрудники, двадцать пять человек, сидели все вместе в другой, большей, комнате. Со стороны она походила на американскую редакцию, какими их показывают в американских же фильмах, с той лишь разницей, что в Америке главный редактор издания сидел там же, отделенный стеклянной перегородкой. В России же главные редакторы подобной демократии не выносили, имели, как и прежде,

отдельные просторные кабинеты, с отдельной молоденькой секретаршей и комнатой для отдыха и приема пищи с кожаным диванчиком. Попасть к ним не так-то просто было, особенно теперь, когда сотрудники хотели точно знать, что с ними дальше будет, когда дадут деньги и какие перспективы газеты на будущее.

— Откуда я знаю, Вася? — хмуро сказал Игошев. — Спроси Медлинского, он хозяин газеты.

— Медлинский далеко и высоко, нефтью торгует, его хрена с два достанешь.

— Тогда потревожь Саврасова.

— Ты свихнулся, что ли? Ну пойду я к главному требовать зарплату, что он скажет мне?

— Пошлет на хрен, — предположил Игошев.

— Еще как пошлет, — согласился Калитин. — Но жить как-то надо. Что они вообще думают, эти долбаные боссы? Хоть бы сказали, так, мол, и так...

— Откуда я знаю? У меня статья в номере, а выйдет он или нет — понятия не имею.

— Я тоже. Слушай, Андрюха, у тебя есть связи? Хочу сдернуть отсюда, надоело, понимаешь? Звонил ребятам в «Комсомолке», но там все схвачено железно. Может, какие другие издания нуждаются в опытных журналистах?

— Может, и нуждаются, но я сам в такой же ситуации, Вася. Ничего перспективного пока не вижу.

— Тебе проще, зарядил своими сериалами все телеканалы, глядишь, да и клюнут.

— Сомневаюсь.

— Что так грустно? Я же читал, вполне прилично, а по сравнению с тем, что идет по всем каналам, — просто отлично.

— Объясняю на пальцах, Вася. На одном, кстати государственном, канале мне прямо сказали — пишешь хорошо, но у нас есть своя команда сценаристов, они реализуют наши проекты, других нам пока не надо. То есть сидит там человек главный, получает государственные бабки и распределяет их — на тебе, Федька, на тебе, Петька, на тебе, Митька. Все свои, все друзья-приятели. Писать немного умеют, в школе учились, а то, что сериалы говняные получаются, кого это интересует? В Бразилии и Мексике вообще полный бред снимают, и то смотрят. Ну и кому нужно платить деньги какому-то Андрею Игошеву, человеку со стороны? Люди прикармливаются, служат верой и правдой, может, и отстегивают что из своих гонораров человечку. Все довольны, все смеются. И никто свое место и свои бабки Игошеву не уступит.

— Да... — хмыкнул Калитин. — А еще ведь есть богатые папики, у которых молодые телки сохнут от тоски. Есть выход на такого, он даст бабки, чтобы телка снималась. Выходи на папиков, Андрюха.

— Не хочу.

— Правильно, не хочешь. И что за дерьмо кругом творится, а? Тот же Медлинский, он миллионер, чуть ли не миллиардер, ну дал бы побольше бабок на рекламу, на раскрутку, мы бы развернулись, я точно это знаю! А он жлоб, каких свет не видывал. Нефтяной коз-зел!

Игошев согласно кивнул:

— Деньги портят людей. Тут недавно видел Лану Романчук в каком-то дебильном шоу, мы с ней однокурсники по Литинституту, дружили и даже...

— Трахал ее?

— Не важно. Она выскочила замуж за бизнесмена, я женился, поначалу часто встречались семьями, шашлыки делали на даче. С мужем ее вроде как друзьями стали. Но года два назад пошел в гору его бизнес — и как отрезало человека. Теперь бедный журналист ему не компания.

— Тоже козел!

— Да Бог с ним, я не навязываюсь. Лана — театральная критик, знакома со многими актерами, режиссерами, могла бы помочь, но... не поможет. Я даже звонить ей не хочу по этому поводу.

Калитин тяжело вздохнул и уставился в окно. Минуты две в комнате царил тягостное молчание.

— Ну прямо зверинец какой-то, — сказал Калитин. — За что боролись, Андрюха? Все эти толпы, демонстрации, лозунги были для того, чтобы козлы нефтью торговали? И газом и были в шоколаде? Они, видите ли, много работают, талантливые менеджеры... А талантливый журналист Василий Калитин работает не меньше. Почему же он в дерьме оказался?

— Не бреди душу, Вася.

— Какой там хрен — не бреди! Я вот сижу и не знаю, работать над статьей или нет? Да и как работать, если башка занята другим — что будет завтра? Савраска, падла, не пропадет, его Медлинский прикармливал, а мы где окажемся?

Игошев только усмехнулся в ответ. Он не сомневался, что выберется из этой ситуации, но... выдержит ли ее Лена? Напряженное ожидание затянулось, на всех фронтах — полная тишина. Лена ждет, терпит, но... В любой момент его тыл может взбунтоваться. И это самое страшное. Черт возьми, хоть бы зарплату и гонорары дали! Он выключил компьютер, встал с кресла.

— Пойду к Саврасову, все-таки спрошу. Ты не знаешь, как можно работать в такой ситуации над статьей, я не знаю... Надо что-то делать.

— Давай, Андрюха! — оживился Калитин. — Только говори с ним вежливо, ты это умеешь. Надо же прояснить ситуацию. Сколько можно терпеть это дерьмо? Скажи, что я полностью солидарен с тобой. Но не груби, о'кей?

— Постараюсь...

Игошев постоял у кресла, а потом решительно направился к двери. Понимал, что Саврасов вряд ли примет его, а если примет, вряд ли скажет что-то внятное. Но если уж решил, нужно идти до конца. В конце концов, сколько можно ждать? Пора узнать, что думают начальники.

Глава 6

Ольга Романова остановила свою «копейку» у дома, торопливо включила сигнализацию и

побежала к подъезду. Операция утверждена начальством, и даже деньги, пятьсот рублей, выделены на ресторан. Нужно было переодеться, не в джинсах же идти туда! Ворвалась в квартиру, навстречу ей выбежал Максим, обнял ручонками ее ноги:

— Мама...

— Сыночек, родной мой, — забормотала Ольга, — мама очень занята, ей нужно быстро переодеться и уходить...

В фирме Орехова был сабантуй по случаю отъезда босса, но если новый босс, то есть Орехов, решит заглянуть в «Барку-С», она должна быть там. За ним плотно наблюдали, передавали данные Юрику, который ждал в машине у ресторана. Если все будет нормально — сыграет роль занятого друга.

Из своей комнаты в прихожую вышла мать.

— Сережа приходил, — сказала она. — Деньги оставил, тысячу долларов.

— Немедленно позвони ему и верни деньги, — решительно ответила Ольга.

— Он пообещал Максимке компьютер.

— Этого нам только не хватало!

— Ну, мамуля... — захныкал Максим. — Папа обещал, я хочу поиграть во всякие игры...

— Мам, ну зачем ты позволила ему искушать ребенка всякими дорогими штучками? — разозлилась Ольга. — Что из этого хорошего выйдет, ты подумала?

— Оля, знаешь, я уже не злюсь на Сережу. Он хороший отец, любит Максимку, балует его, а ты — плохая мать. И жена была такая же, плохая. Попросту — никакая жена! Никому я звонить не буду, разбирайся сама!

Мать ушла в свою комнату, чересчур громко хлопнув дверью.

Ольга посмотрела на сына, наклонилась, обняла его, поцеловала в щеку.

— Ладно, Макс, пусть будет у тебя этот компьютер. Завтра поедете с бабулей и купите, я не возражаю.

— Мама! — радостно завопил мальчуган, крепче обнимая ноги матери.

Он был очень похож на Сергея, а она... Да, наверное, и вправду плохая мать. Потому что хотела забыть предательство Сергея, работала до изнеможения. И инстинктивно старалась меньше общаться с сыном. Потому как разве можно забыть предателя, если сын похож на него? Она-то считала, что муж, у которого много свободного времени, будет ее надежным тылом, будет ждать со службы, встречать если не горячим кофе, то хотя бы поцелуем, ведь у нее такие важные дела, такая интересная работа! А он злился, ревновал, кричал, что она изменяет с погаными ментами, а потом ушел... К другой бабе. Такое не прощается, но... она все же была, наверное, не права. Да что теперь думать об этом?

— Макс, мне нужно переодеться, а ты иди к бабуле, договорись, когда вы поедете и купите тебе компьютер. Раз папа обещал, пусть он будет у тебя. Хорошо?

— Да, мама... — сказал малыш и вприпрыжку побежал в комнату бабушки.

Ольга пошла в свою комнату, была она совсем небольшой, девять метров квадратных, и помещались там диван да трехстворчатый гардероб с трельяжем в углу. Детская кроватка Макса стояла в комнате бабули. Они договорятся, как потратить тысячу долларов, которые дал Сергей, что-то останется, мать потратит их на одежду Макс, ну и ладно.

Она достала из гардероба голубой костюм (приталенный жакет, юбка чуть выше колен — подарок Сергея на день рождения, что поделаешь, придется надеть). Белая блузка вполне подойдет. Черные колготки, черные трусы и лифчик... А это еще зачем? Она ведь не на романтическое свидание собирается! Но... женщина взяла верх над капитаном спецслужбы, не важно, какое свидание, романтическое или по заданию, с бандитом, она во всем должна соответствовать... женщине. Опасаясь, что Макс может неожиданно войти в комнату, побежала в ванную, там надела черные кружевные трусики, лифчик, натянула колготки, встала на край ванны, чтобы увидеть себя ниже пояса в зеркале над раковиной. Обалденная женщина! Правда, кто ее увидит вот такой? Никто. Ну и ладно, главное, сама знает — обалденная она женщина, способная свести с ума любого мужика.

Побежала в комнату, торопливо надела юбку, потом блузку. Теперь можно было смотреться в зеркало на внутренней стороне дверцы гардероба. Тоже ничего. Правда, в трусиках и колготках она себе больше нравилась, и хотелось, чтобы кто-то увидел и оценил ее именно в этом виде, но... Оставалось только навести макияж, давненько она этим серьезно не занималась, уже забыла, как это приятно. Красить губы, ресницы, пудриться... От прошлой жизни с Сергеем осталась солидная коллекция отличной косметики, она ею долго не пользовалась. Теперь вот возникла такая надобность. Да и хорошо, приятно чувствовать себя женщиной.

И горечь возникла в душе, а ведь с Сергеем она вела себя совсем по-другому, не красилась ради него, не надевала сексапильное белье, все работала, трусы свои не успевала стирать... Бросала их в ящик для грязного белья и думала, что это нормально. А он и сдернул, придурок! Простить это невозможно, но... следует учесть на будущее.

Ольга надела жакет, еще раз посмотрела на себя в зеркало — вполне симпатичная дама, такая кого угодно может свести с ума. Но не сведет, а лишь постарается разговорить бизнесмена, который промышляет незаконной продажей психотропных препаратов. Может, он что-то скажет, а она поймет правильно! Но почему-то хотелось по-настоящему понравиться ему.

Вот мужчина! С женой спать нормально не может, если не поговорит с красивой блондинкой. Почему? Да потому, что у него такой же комплекс, как у нее. Она все работала и просра... свою личную жизнь, а он тоже работал и тоже получил какой-то комплекс. Станный мужик, но почему-то он очень волновал ее. Наверное, потому что сама была странной женщиной. Чем-то они похожи, оба ненормальные.

Он интересовал ее именно как мужчина. Не как миллионер или бандит, вот в чем вопрос. После развода столько мужиков вязались к ней, всех отфутболила. А этот интересовал. Наверное, потому что тоже странный.

Ну ладно, теперь остается только ждать. Юрик у ресторана, люди в Садовом следят за Ореховым. Как только он направится в «Барку-С», Юрик займет место за столиком, а она поедет на такси к ресторану. Жаль, если Орехов решит поехать прямо домой после сабантуйа в фирме. Очень жаль... Она ведь уже так настроилась на свидание с ним.

Ольга вздохнула, села на диван, включила телевизор. Полседьмого, почти на всех каналах дебилные сериалы или шоу для дураков. Ну нет, смотреть это — себе дороже. Выключила телевизор, положила рядом с собой трубку радиотелефона и замерла в ожидании. В соседней комнате, похоже, шел разговор о том, как потратить тысячу долларов, подаренную отцом Макса. Компьютер Максиму мать купит, постарается — не очень дорогой, чтобы остались деньги на многое другое.

Что ж тут сделаешь? Пусть решают, это не ее деньги, вернула бы их Сергею, но ребенка жалко. Ладно уж...

Черт побери, почему Юрик не звонит? Мог бы хоть что-то сообщить. Не сообщает. Обижается, что не дает ему? Наверное... И не даст, он ей не нравится как мужчина. Надежный друг, напарник, но это не значит, что они должны трахаться. У него с женой не очень, оно и понятно, какая женщина выдержит такое, что муж не ночует дома, а если ночует — то... только ночует и ни на что большее не способен? Она сама пережила такое, пусть и он терпит. Даст Бог — и сохранит семью. Мысль о том, что коллеги, понимающие друг друга с полуслова, могли бы и в личной жизни быть счастливы, ее не грела. Отдаваясь работе, иметь еще и в постели человека, который может говорить только об этой чертовой работе, — это уж слишком.

Чем бы заняться?

* * *

На звонок в дверь выскочили в прихожую Лена Игошева и Настя.

— Папа, это ты пришел? — крикнула девочка.

— Я, я, — отозвался Игошев.

Лена распахнула дверь, с удивлением уставилась на мужа. Не нужно было даже принюхиваться, чтобы понять — он сильно пьян. Игошев вошел в квартиру, протянул дочке плюшевого мишку, жене полиэтиленовый пакет с продуктами. Прислонившись спиной к стенке, принялся стаскивать туфли.

— Спасибо, папка! — обрадованно закричала Настя. — Я такого давно хотела, как ты угадал?

— Я... все знаю про мою принцессу, — пробормотал Игошев.

— Что случилось, Андрей? — встревоженно спросила Лена. — Ты... выпил?

— Ну да, с Калитиным... отметили получение мной зарплаты и гонорара. Шесть тысяч... было. — Он вытащил из внутреннего кармана летней куртки смятую пачку денег, протянул жене: — Вот... заплатишь за квартиру, ну... еще, что тебе надо... Купи, ладно?

Лена взяла деньги, отнесла их в комнату, положила в ящик гардероба, тут же вернулась.

— Ты будешь ужинать, Андрей?

— Да, отметим... А Настюшке там конфеты и шоколадка.

— Я буду с вами отмечать, — заявила девочка.

— Нет, моя хорошая, нам с мамой нужно серьезно поговорить. Ты бери свои конфеты, шоколадку и топай в свою комнату спать. Все малышки уже обязаны ложиться спать.

Он наконец-то стащил туфли и, пошатываясь, направился на кухню. Лена достала из пакета сладости для дочки и увела насупившуюся Настю в ее комнату.

На кухне Игошев плюхнулся на стул, вытянул ноги, мрачно усмехнулся. Он еще не знал, как жить дальше, хотел посоветоваться с женой. Лена пришла минут через пять, наполнила тарелку макаронами, положила котлету, поставила тарелку на стол перед мужем. Игошев со вздохом отодвинул тарелку.

— Спасибо, Лен, не хочу. Там есть колбаса, карбонад, бутылка водки, порежь... налей и давай... выпьем.

— А тебе не хватит ли пить?

— Нет, ну пожалуйста, Ленок. Сделай, как я прошу.

— Одну рюмку, Андрюша, тебе, не больше. Настюшка не спит, может прийти сюда в любой момент, я не хочу, чтобы она видела тебя таким пьянящим.

— Ладно, согласен. Одну так одну. Мы с Калитиным тоже выпили одну... почти без закуски.

Лена быстро порезала колбасу и карбонад, соленые огурцы, которые он купил, видимо, у бабульки возле метро, принесла из комнаты две хрустальные рюмки, наполнила их.

— Ты чем-то огорчен, Андрюша? Что случилось, можешь мне честно объяснить?

— Ты моя жена, Лена, ты моя вторая половина, так?

— Ну так, а почему ты говоришь об этом? Ты что... другую половину себе нашел?

— Давай выпьем... — сказал Игошев, поднимая рюмку. — За тебя. Ты самая красивая женщина в мире, ты моя единственная женщина. Какая, к черту, другая половина? Лучше тебя вообще никого нет.

— Я тебя тоже люблю, Андрюша. Но... что случилось?

— Да все нормально, разберемся.

Игошев чокнулся с Леной, залпом опорожнил рюмку, взял четвертинку соленого огурца, сунул в рот.

Лена только пригубила «Праздничную», поставила рюмку на стол, уставилась на мужа, ожидая разъяснений. Чувствовала: что-то случилось, и не очень хорошее, скорее, плохое, и хотела знать, что именно.

— Ты расскажешь или нет? — спросила она. Не выдержала, выпила рюмку водки, налила себе еще.

— Да, поэтому и сижу тут. Лен, меня выгнали из газеты, но заплатили все, что причитается, — зарплату, гонорар.

— Андрей? — Лена тяжело вздохнула, выпила водку, снова наполнила рюмку.

Игошев тоже плеснул себе, несмотря на обещание ограничиться одной рюмкой.

— Понимаешь, Лен... я дал по морде Саврасову, главному редактору. Ну, не сдержался. Ты на меня давишь психологически, а он ни мычит ни телится. Сам отговаривал Калитина идти к главному, сам же и пошел в конце концов... Ну, пришел, посидел в комнате секретарши...

— Как ты мог, Андрей? — испуганно спросила Лена. — Ты о нас с Настей подумал?

— Так ради этого и пришел. Надо ж было выяснить, когда я смогу обеспечить свою семью? Говорил с ним нормально, а он, козел, хамить стал. Ему-то хозяин, Медлинский, платит исправно, секретарше тоже. Говорит мне: «Андрей Владимирович, если вам не нравятся условия работы, мы тут никого не держим». Ну я и разошелся. Эта дешевка в подметки мне не годится, а практически угрожает, понимаешь?

— Андрей, ты соображаешь, что делаешь?

— Соображаю, Лен.

Игошев снова наполнил свою рюмку, Лена последовала его примеру. Выпили не чокаясь.

— Ну так вот... Я послушал его и сказал все, что думаю. Понятно, он расстроился, сказал, что видеть меня больше не желает. Я тогда встал и врезал ему так, что синяк под глазом останется еще и завтра.

— Дурак.

— Наверное, но что остается делать? Знаешь, после этого он успокоился, позвонил в бухгалтерию, потом достал из сейфа все бабки, которые положены мне, отдал и сказал...

— Что ты уволен.

— Именно.

— И что ты собираешься дальше делать?

— Писать, работать.

— А как мы жить будем? Стивен Спилберг тебе явно не позвонит. На что жить?

— Я же сказал...

— Что ты сказал, идиот несчастный?! — закричала Лена. — Хоть какие-то деньги были, как-то мы жили, а теперь что?! Полная пустота!

Игошев снова плеснул себе водки. Лена тоже наполнила свою рюмку, но бутылку убрала под стол.

— Хватит пить! — сказала она и опрокинула в рот жгучую жидкость, закусила соленым огурцом.

Игошев согласно кивнул и тоже выпил.

— Правильно, хватит, пойдем спать, — сказал он.

— Дурак! Зачем ты ударил главного редактора?!

— Ты могла бы гордиться поступком своего мужа. Не каждый способен на такое.

— Идиот!

— Иначе не мог... Лена...

— Да пошел ты!

— Ленка...

Лена выскочила из кухни, заперлась в ванной. Игошев еще выпил, понимая, что сегодня ночи любви не получится, и направился в их комнату. Разложил диван, постелил постельное белье, лег и тут же уснул.

А Лена, вместо того чтобы принять душ перед сном, как обычно, засела в ванне с горячей водой. Она любила своего мужа и... честно говоря, одобряла его поступок. Дал по морде сытому начальнику, который не платил деньги своим сотрудникам, — это и вправду не каждый сможет. Но что же будет дальше? Андрей — безработный, сценарии его все хвалят, но никто не собирается снимать по ним фильмы. Она получает в школе четыре тысячи рублей в месяц, этих денег хватает, чтобы за квартиру заплатить и... пару раз на рынок сходить. А на что жить, если Андрей стал безработным?

Охо-хо... Вот ведь дурак, что натворил! Никто другой на это не решился, а он...

Дурак, но приятно, что у нее такой муж. Она ведь читала его аналитические статьи в газете, она читала его сценарии, он лучше всех. Он умный, талантливый, но...

Через полчаса Лена выбралась из ванны, надела ночнушку и сначала заглянула в комнату дочери. Настя спала, прижимая к себе плюшевого мишку, подаренного отцом. Лена улыбнулась, поправила одеяло девочки и пошла в свою комнату. В их комнату, поскольку в двухкомнатной квартире была комната дочери и другая — их с Андреем.

А он уже спал без задних ног. Да это и понятно, пришел пьяный да еще выпил на кухне и почти не закусывал. Лена легла рядом, обняла мужа и закрыла глаза. Дурак — да, но свой, родной дурак.

Глава 7

К ресторану «Барка-С» Ольга подъехала на такси. Вышла из машины, уверенно направилась к тяжелой деревянной двери, у которой парился во фраке пожилой швейцар. Десятый час вечера, сегодня Орехов позже обычного приехал в ресторан, да оно и понятно — прощальная пирушка в фирме затянулась, так сразу и не уедешь, он ведь остался за главного, должен убедить народ, что вместе со всеми желает боссу отлично провести время и оправдает его доверие.

Заметив ее, швейцар оживился, ну еще бы! Черные туфли на шпильках, черные колготки, голубой костюм, голубые глаза, роскошные светлые волосы, похоже, натуральные, не каждый вечер сюда заглядывают дамы, на которых отставному полковнику приятно посмотреть.

— Добрый вечер, — с поклоном сказал он, впервые за последний год поклонился искренне и даже с удовольствием. — По правде сказать, сегодня у нас много народу...

— Здравствуйте. Меня ждет друг, он уже сидит за столиком, — с улыбкой сказала Ольга.

Ей тоже было приятно видеть реакцию пожилого мужчины. Значит, все сделала правильно. Юрий уже сидел в ресторане, более того, уже ему позвонил на мобильник капитан Стас Иголкин, и Юрий раз пять громко послал его, объясняя, что ждет свою девушку, приехать не может, но потом все же согласился. Наверное, убедительно сыграл, что ж тут сложного? Орехов тоже был в ресторане, пока один.

Швейцар открыл дверь, наклонился к Ольге, доверительно сказал:

— Я что имел в виду? Даже если б под завязку было, для вас нашли бы местечко, потому что вы точно будете самой красивой девушкой сегодня.

— Спасибо, — сказала Ольга.

В полутемном зале ресторана она остановилась, огляделась, заметила Пылюкова, скучающего в одиночестве за столиком. Он тоже ее заметил, призывно махнул рукой и замер, наблюдая, как грациозно она идет между столиками к нему. Успел подумать, что и походка у нее совершенно иная, чем на службе, да и туфли она там не носит, все кроссовки с джинсами. Выглядел он, в общем, ничего в своем коричневом костюме, но на солидного бизнесмена явно не тянул. Ольга подошла к столу, успев заметить, где сидит Орехов, села напротив Пылюкова.

— Ты просто фантастика, Оля, — восхищенно сказал Пылюков и одними губами добавил: — Может, ну его на хрен, этого козла? Посидим вдвоем, потанцуем?

— Работай, Юрий, работай, — тихим шепотом сказала Ольга, улыбаясь.

Боковым зрением успела отметить, что Орехов смотрит на нее явно заинтересованным взглядом.

— Прости, дорогая, прости, — сказал Пылюков. — Позвонил этот чертов Стас, проблема на складе, нужно срочно ехать. Это на час, не больше, ты подождешь меня? Пожалуйста, подожди, я мигом вернусь!

— Юрий, ты пригласил меня в ресторан, а сам уходишь? — обиженно сказала Ольга. — Как же так?

— Черт возьми, ну надо ж так случиться! — сердито сказал Пылюков и в сердцах грохнул кулаком по столу. Его ярость была вполне искренней, причина ее понятна. А ей нравилась эта игра, тем более что чувствовала на себе внимательный взгляд Орехова. — Это просто кошмар какой-то! — продолжал неистовствовать Пылюков. — Но я вернусь... Заказал тебе салат, кофе, ты подожди меня, очень прошу. — Он придвинул к ней тарелку с нетронутым салатом, чашку кофе.

Она неуверенно пожала плечами, делая вид, что не знает, как вести себя в такой ситуации. Пылюков вскочил со стула, торопливо чмокнул ее в щеку и удалился. Ольга призадумалась. Что дальше-то делать? Есть салат, в надежде что кавалер вернется? Или изобразить обиду? Долго думать ей не пришлось, не успел Пылюков скрыться за дверью, как Орехов поднялся со своего места, неторопливо подошел к ее столику, сел напротив Ольги. Красивый шатен в белом костюме и голубой рубашке с золотыми запонками. Карие глаза смотрели внимательно, она

выдержала этот взгляд, более того, смотрела с неприязнью и вынудила его опустить глаза.

— Что вам угодно? — холодно спросила Ольга.

— Вы прекрасны, Оля, — с улыбкой сказал Орехов. — Можно, я сегодня поухаживаю за вами?

— Я сюда пришла не ради ваших ухаживаний, — решительно сказала Ольга.

— Ну, если ваш друг предпочел ваше общество деловым проблемам... Кстати, такой красивой девушке не стоит делать ставку на подобных бизнесменов. Это даже не бизнесмен, а судя по прикиду — мелкий лавочник.

Ольга презрительно фыркнула:

— А вы — крупный лавочник?

— Нет, не лавочник совсем. Да это не важно. Позвольте представиться, меня зовут Кирилл.

— А меня, допустим, Ольга. Ну и что дальше? — более спокойно спросила она.

Он оставил ее вопрос без внимания, требовательно щелкнул пальцами в воздухе, и у столика тут же появился официант, услужливо согнул спину перед Ореховым.

— Костя, тащи все самое лучшее, — негромко, но жестко приказал Кирилл. — И быстро, немедленно! Мой вкус ты знаешь. Я надеюсь, дама оценит его. А эту дрянь унеси. — Он брезгливо посмотрел на тарелку с салатом и чашку с кофе.

— Кстати, эта «дрянь» была оплачена, — настороженно сказала Ольга.

— Другая тоже, — с мягкой улыбкой ответил Кирилл. — Ну что вы, Оленька, это же просто еда. Кстати, ваш знакомый вряд ли вернется, судя по разговору, телефонному, разумеется, у него возникли серьезные проблемы. Такие за час не решаются.

Обилие деликатесов на столе удивило ее. В принципе она догадывалась — он скорее всего не станет скупиться на угощение, этому есть две причины: боится потерпеть фиаско второй вечер подряд и не хочет испортить настроение, явно приподнятое после того, как стал хозяином фирмы. Пусть на две недели, но все же — босс. Однако о том, что появилось на столе, она и думать не могла. Между тем Орехов, приятно улыбаясь, рассказывал ей довольно глупый анекдот, сам же и улыбался при этом. Розовое мартини слегка затуманило восприятие, и Ольга успокоилась, почувствовала себя увереннее. Она видела перед собой высокого, красивого парня в белом костюме и чувствовала его запах — соблазнительный запах абсолютной свежести, какую чувствуешь в сосновой роще на берегу моря. В детстве она отдыхала в Геленджике и на всю жизнь запомнила упоительный запах свежести.

— Ну и что все это значит? — спросила Ольга. — Вино, деликатесы всякие...

— Ничего плохого. Я хочу угодить красивой даме, это ведь не предосудительно?

— Зачем?

— Сложный вопрос. И не очень корректный.

«Да просто идиотский», — подумала Ольга.

— Ответить на него можно, но для этого следует совершить длительный экскурс в историю отношений мужчины и женщины, — продолжил Орехов. — Вспомнить Дафниса и Хлою, Ромео и Джульетту, Мастера и Маргариту... Может быть, не стоит?

— Не стоит, — согласилась Ольга.

— Потанцуем? — предложил Орехов минут через десять после знакомства.

— Не рано ли?

— По-моему, в самый раз, — уверенно сказал он, встал, протянул руку.

— Ну, если так... — озадаченно пробормотала она, вставая из-за стола.

Теперь этот запах окружал ее, завораживал, и немного кружилась голова. Она чувствовала его сильные ладони на своей талии, и это тоже, как ни странно, нравилось. В какой-то момент Ольга поняла, что совсем не играет роль подсадной утки, а ведет себя так, как ей хочется.

— Он тебе очень дорог? — спросил Орехов. — Извини, что на ты, но, по-моему, так удобнее.

— Кто? — не сразу сообразила Ольга.

— Тот, кто заказал тебе столик и так быстро смылся.

— А-а... Просто знакомый. Пригласил меня сюда, но теперь... я даже не знаю, что думать.

— Если вернется, я его просто вышвырну отсюда. Можешь не сомневаться — никогда он здесь не появится, этот придурок.

«Слышал бы Юрик твои слова, он бы тебе устроил веселую жизнь», — подумала Ольга, но, разумеется, вслух этого не сказала. Пылюков, если разозлится, о правилах и инструкциях забывает, поэтому до сих пор и капитан, мог бы уже подполковником быть. А он уже зол, как черт.

— Не надо так грубо, может, у него действительно какие-то проблемы возникли? — предположила она.

— Хорошо, не будем. Ты веришь в любовь с первого взгляда? — спросил он, ласково глядя в ее огромные голубые глаза.

— Нет... То есть — не знаю, — прошептала она.

— А я верю. Как только увидел тебя за другим столиком, сразу понял — это и есть она, девушка моей мечты. Та, которую искал всю свою сознательную жизнь. Почему ты раньше не приходила в этот ресторан?

— Да мне, по правде сказать, не нравятся рестораны. Особенно теперешние. Юра пригласил, и я... просто приняла его предложение, потому и оказалась в идиотской ситуации. Учту на будущее.

— Нет-нет, ситуация просто прекрасная. То, что ты здесь и что твой Юра смылся, — это знамение свыше, это перст Божий, я так понимаю.

Ей не понравилось, что упомянул Бога, но мимолетное раздражение скоро прошло.

Во внутреннем кармане его пиджака зазвонил сотовый телефон. Орехов выхватил миниатюрный аппарат, негромко сказал:

— Потом. Минут через десять перезвони. Все.

— Тебя тоже достают деловые проблемы даже вечером в ресторане? — спросила Ольга.

— Бывает, но это мелочи. Из-за них я не бросаю любимую девушку на произвол судьбы.

— Какой пафос! — сказала Ольга. — Любимую девушку на произвол судьбы... Да где они, любимые, где произвол?

— Ты — любимая девушка, — серьезно сказал Орехов. — Оставить тебя здесь одну — это и есть произвол судьбы. Твой Юра сделал это, и я ему благодарен. Он просто козел, да это видно было по его убогому прикиду. Но я не оставлю тебя, Оля. Никакие дела не заставят меня это сделать.

Она даже разозлилась на себя — он говорил так уверенно, смотрел так убедительно, что хотелось верить. При том, что прекрасно знала, кто он и с какой целью заигрывает с ней!

— Потому что прикид у тебя лучше? — с усмешкой спросила Ольга.

— Нет, потому что влюбился.

— Господи, перестань говорить глупости. Так не бывает, — вырвалось у нее.

— Бывает. И хорошо, что ты не веришь, — улыбнулся он. — Мне есть что доказывать тебе, в чем убеждать. Чем радовать тебя, Ольга!

Такой улыбчивый, приятный парень! Таким ясным, ласковым взглядом смотрит...

Музыка смолкла. Орехов, обняв Ольгу за плечи, повел ее к столику. Галантно отодвинул стул, усадил ее и лишь после этого сам сел напротив. Какое-то время они молча наслаждались искусством поваров ресторана.

— Тебе понравился судак а-ля меньер и устрицы с шампиньонами под соусом бешамель? — спросил Орехов.

— Да, — кивнула Ольга. — Все было жутко вкусно, ни разу такого не пробовала. Только я сперва думала, что устрицы живые, даже боялась их есть...

— Нет, их слегка отварили, — улыбнулся он и достал из внутреннего кармана пиджака стодолларовую купюру. — Я хочу, чтобы ансамбль исполнил твою любимую песню. Какую?

— Ансамбль... И ты... столько заплатишь им? — с недоверием спросила Ольга.

Знала, что для него это не деньги, и все же не могла понять, зачем платить сто долларов за одну песню, если ансамбль с удовольствием исполнит ее и за двадцать, в крайнем случае за пятьдесят. Имидж свой поддерживает? Его и так уважают. Ее хочет поразить? Ну и дурак!

— А, пустяки. Скажи, какую песню ты хочешь услышать?

— Ну, если тебе некуда деньги девать...

Ольга задумалась, наморщив лоб, а потом, наклонившись к Орехову, с коварной усмешкой прошептала название песни. Он кивнул, сходил к возвышению, на котором стояли музыканты, и спустя минуту невысокая певица объявила, что исполняется песня для прекрасной девушки Ольги. И затянула: «Провожал ты меня до тенистого сада...»

— Намек понял, — сказал Орехов, когда прозвучали слова: «Ты скажи, ты скажи, чё те надо, чё те надо, может, дам, может, дам, чё ты хошь...» — И сразу отвечаю: мне нужна ты, Ольга. Надолго, навсегда. Выходи за меня замуж.

— Мы ведь с тобой почти не знаем друг друга, — растерянно пробормотала Ольга. — Я... Нет, так не бывает.

Поскольку она не играла роль, а вела себя вполне естественно, и вправду растерялась, не зная, что ответить на такое скоропалительное предложение.

— Бывает, — уверенно сказал Орехов. — Это любовь с первого взгляда. Ты согласна?

— Не знаю... Ох, я совсем ничего не соображаю. Это мартини... Ты смеешься надо мной, Кирилл?

— Нет. Завтра пойдем в загс, регистрируем наш брак, и ты увидишь, что так бывает.

— Завтра? Но это невозможно! Нужно вначале заявку подавать, потом ждать...

— Эта проблема легко решается, — улыбнулся Орехов, доставая из кармана сотовый телефон. Он быстро набрал номер, уверенно сказал: — Але, Изольда Ефимовна? Да, это я, Орехов, извините, что побеспокоил вас в такой поздний час. Всех друзей женил, а теперь вот решил и сам... Да, нашел. Завтра в три часа хочу покончить с холостяцким существованием. В три часа, Изольда Ефимовна. Девушку зовут Ольга. — Он посмотрел на нее: — Как твоя фамилия?

— Романова.

— Ольга Романова. Номер паспорта... У тебя есть с собой паспорт? Нет? Завтра скажу, вы пока оформите все документы. В долгу не останусь. Спасибо, я надеялся, что вы не откажете мне. — Он убрал телефон, улыбнулся Ольге: — Ну вот и все, завтра в три.

— Но у меня... у меня даже нет платья для свадьбы... — пробормотала Ольга.

Все это было не только странно, но и необычно, даже интересно. Орехов вел себя абсолютно непрогнозируемо и напористо, ей оставалось только соглашаться. Кстати, она не испытывала при этом дискомфорта. И хоть знала отлично, что все его слова — чистейший блеф, но испытывала удовольствие от игры. Однако показывать его, конечно же, не следовало.

— Купим. Все купим. Завтра лучшие магазины Москвы — к твоим услугам. А после регистрации поедем ко мне, и ты станешь хозяйкой моей скромной квартирки.

Снова зазвонил его мобильник, Орехов, достав трубку, недовольно сказал:

— Какого хрена, Миша, ты мне трезвонишь? Отправь в Чертаново. Да, я так сказал! Почему — объясню позже. В Чертаново, и все, не доставай меня! Извини, Оля. Больше звонков не будет. Так что ты скажешь насчет моей скромной квартиры? Мне будет приятно видеть ее хозяйкой такую прекрасную женщину. Оля, милая, пожалуйста, не отказывай мне. Я этого не перенесу.

Ну он был просто сумасшедшим парнем. Врал напрапалу, но так, что даже если знаешь — это вранье, приятно было слушать. Главное она узнала, крупная партия психотропных препаратов завтра прибудет на склад в Чертаново. Где этот склад, выяснить несложно, и после этого Орехов вряд ли отвергнется. А пока... Почему бы не соглашаться? Это же интересно.

— Так уж и скромной? — сделала вид, будто не верит, Ольга. — У тебя — и скромная квартира?

— Всего четыре комнаты в «Олимпийской деревне», но — два яруса. На первом кухня, столовая, санузел, подсобки, а на втором две спальни и мой кабинет. Завтра все это будет твоим. Мне жутко скучно там, не хватает хозяйки.

— Я не верю, не верю, не верю... — пробормотала Ольга.

Можно было встать и уйти, но эта сумасшедшая игра захватила ее. Он был красив, умен, ироничен, богат, и... почему бы не пообщаться еще? Такой фантазер, просто невероятный! И главное — говорит именно то, что так нравится всем женщинам. Они ведь чем любят, женщины? Ушами, как известно.

Пассажирский «боинг» прыгнул в еще светлое подмосковное небо, круто набирая высоту. Ира вдавила свое тело в кресло, стиснула влажными пальцами подлокотники, испуганно посмотрела на Богданова.

— Илья, как ты думаешь, мы не разобьемся?

— Боишься умереть? — с усмешкой спросил Богданов.

— Нет, но... я высоты боюсь. Как представлю, откуда падать придется, так прямо ужас... Слушай, а почему он так резко нос задрал, а? Не кувыркнется назад?

— Пока я на борту, не кувыркнется.

— Почему ты так думаешь?

— Мне еще в детстве цыганка нагадала, что я доживу до солидного возраста и умру не в авиакатастрофе.

— Нашел кому верить, цыганке какой-то! Я тебя серьезно спрашиваю!

Богданов внимательно посмотрел на девушку, ласково погладил сухими пальцами по щеке.

— Я серьезно отвечаю, детка. Все, что она предсказала, помимо этого, сбылось.

Он говорил так спокойно и уверенно, что Ира даже бояться перестала.

— А от чего ты умрешь, Илья? — спросила она, склоняя голову ему на плечо. — Можешь сказать?

— Могу, но не хочу. Когда это случится, прочтешь в некрологе. А сейчас... зачем думать о грустном?

— Сам не думай о всяких там... некрологах. Живи еще сто лет, Илья, мне с тобой хорошо.

И вправду хорошо было. Вот, на Акулий остров летит, второй раз уже. Разве могла даже мечтать об этом земном рае, не будь рядом Ильи? Она знала, что он был раньше бандитом, много лет провел в тюрьмах, но... Наверное, кого-то невзгоды озлобляют, а кого-то делают добрее. Илья был добрым, если у сотрудника случалась беда, помогал без разговоров и условий. В церковь ходит, деньги жертвует, батюшка его очень уважает. Много перенес страданий, да много и зла, наверное, совершил, но теперь хочет помогать людям — и делает это. Хороший человек, не то что Орехов — молодой, злой, хитрый... Этот не страдал, не сидел в тюрьме и вообще — сын дипломата, МГИМО окончил, циник и странный мужчина, без разговора с блондинкой жену удовлетворить не может. А зачем тогда женился на ней? Выбрал бы себе блондинку, поговорил вечером за ужином — и порядок. Или все равно пришлось бы допинг искать?

— Илья, ты веришь Орехову? — спросила она.

— Нет.

— А почему тогда оставил его за себя?

— Он первый зам, толковый менеджер, думаю справится.

— Я тоже не верю ему. А если какую-то гадость задумает?

— Волчонок присмотрит за ним.

Ох уж этот Волчонок! Миша Волченков, начальник службы безопасности фирмы, — страшный человек. С виду вроде ничего, но посмотришь ему в глаза — и аж мороз по коже. Ну прямо натуральный убийца. Даже она его боялась. И предан Илье безоговорочно. Но Орехов — умный финансист, может и Волчонка подставить так, что не выкрутится. Будь ее воля — выгнала бы Орехова, кстати, если что с Ильей случится, он тоже ее выгонит в первую очередь, в этом Ира нисколько не сомневалась. Поэтому пусть Илья живет подольше.

Глава 8

Ольга понимала, что пора уходить, чувствовала, как злится в своей машине Юрик, ожидая ее. Но как уйдешь, если такое представление разыгрывается и она в нем принимает участие? Хочешь не хочешь, а приходится терпеть, дабы не насторожить и не спугнуть Орехова. По правде сказать, не особо она и терпела, самой было интересно, чем же все это закончится.

Она уже почти вышла замуж, почти стала хозяйкой четырехкомнатной двухуровневой квартиры, теперь они обсуждали свадебное путешествие. А вино наполняло приятным теплом ее тело, а сказочные перспективы завораживали душу, и еда была такой вкусной! Стерлядь, раковые шейки в каком-то обалденном соусе, икра... Поест в свое удовольствие, хотя главное удовольствие она получала не от еды, а от общения.

— Значит, так, послезавтра мы полетим с тобой в Турцию, в Анталию. Свадебное путешествие, — с жаром говорил Орехов. — Будем жить в пятизвездочном отеле на берегу, гулять под пальмами, купаться в бассейне и в Средиземном море. Извини, я предпочел бы Гавайи, но туда нужна виза. А в Турцию можно без визы, и за сервис я отвечаю. Потом, через месяц, махнем в Париж и в Швейцарские Альпы, мне там нравится. У тебя есть заграничный паспорт?

Ольга пожала плечами, мотнула головой. Был заграничный паспорт, они с Сергеем ездили во

Францию, но это было давно, и срок действия паспорта закончился. Так она и сказала, только про бывшего мужа не упомянула. Орехов снова достал из кармана телефон, быстро набрал номер, улыбкой показывая, что и эта проблема решаема.

— Валера? Это Орехов. На послезавтра мне нужны два билета в Анталью и номер в лучшем тамошнем отеле. На две недели. Да, вот еще что. У девушки нет загранпаспорта, сделай, пожалуйста. Ее зовут Ольга Романова, остальные данные завтра тебе сообщу. Я понимаю, что трудно, но надо, понял? Твои труды — мои деньги. Договорились? Ну, давай, завтра увидимся. И ее увидишь, приглашаю на вечеринку. Да, поймешь, ради кого я на все готов. Пока.

— Ты делаешь это для того, чтобы соблазнить меня, — тихо сказала Ольга. — Заманишь к себе, а завтра выгонишь... Зря стараешься.

Она говорила это на полном серьезе. Орехов положил телефон на стол, в упор посмотрел на девушку.

— Ты обижаешь меня, Ольга. Я к тебе с самыми искренними чувствами, а ты ко мне — с подозрениями. Это нечестно. Может быть, все, что я делаю, смешно, но я делаю это от чистого сердца и только потому, что влюбился.

— Так уж сильно влюбился? — не поверила Ольга.

— Я сам себя не узнаю. Кстати, до свадьбы между нами ничего не будет, — твердо сказал Орехов. — Чтобы ты не сомневалась, я даже провожать тебя не стану. Посажу в такси, заплачу водителю, он отвезет тебя. А вот завтра, после того как ты станешь моей женой, моей единственной, любимой женщиной... — Он мечтательно закатил глаза.

Потом Ольга танцевала с ним, вдыхала аромат абсолютной свежести и думала о том, что ее жизнь — дерьмо. Вернувшись к столику, она не стала допивать мартини, сказала, что ей пора домой. Надо же показать себя порядочной девушкой! Тем более все интересные и важные проблемы уже были решены, и сам он сказал, что сегодня между ними ничего не будет. Пора бы и о Юрике подумать, который сидит за рулем своей машины и тихо матерится. Орехов с пониманием отнесся к ее желанию, проводил к выходу. Он обнимал ее за плечи и с жадностью вдыхал аромат ее волос, беспрестанно повторяя, что сегодня — самый счастливый день в его жизни. Но даже не заикнулся о том, чтобы Ольга задержалась, продлила хотя бы на час этот счастливый день. Наверное, полагал, что она сочтет это за домогательство, а он ведь клятвенно обещал, что до свадьбы — ни-че-го!

Когда они миновали швейцара, почтительно склонившего голову перед Ольгой, и вышли на улицу, к бордюру причалила красивая белая машина, «мерседес». Передняя дверца распахнулась, из нее выглянула симпатичная крашенная блондинка со вздернутым носиком. Она уставилась на Орехова, а потом насмешливо сказала:

— Дорогой! Я, кажется, вовремя тебя разыскала! Ты собираешься домой или хочешь погулять с этой куклой?

— Ох, черт, жена... Выследила! — Орехов повернулся к Ольге, виновато развел руками: — Извини, крошка. К сожалению, ничего у нас не получится. Но все равно, спасибо за прекрасный вечер. — Он повернулся к жене, потом снова взглянул на Ольгу, прошептал: — Прости, ты и вправду очень красивая...

Не успела Ольга ответить, как он проскользнул в открытую дверцу, и машина стремительно

рванулась вперед.

Швейцар, видевший все это, подошел к Ольге, ободряюще улыбнулся.

— Не обижайтесь, он больной человек, — сказал пожилой мужчина. — Хотите, я вызову вам такси?

— Спасибо, не надо, — сказала Ольга.

Сама себе удивлялась. Вроде не дура, знала, что все этим кончится, Орехов просто играл с ней в довольно-таки циничную и пошлую игру, но как-то незаметно втянулась в нее, увлеклась, а теперь — прямо хоть плачь.

Она стояла у края тротуара, растерянно теребя край своей сумочки. Через пару минут рядом остановился «жигуленок». Юрий Пылюков открыл переднюю дверцу, насмешливо спросил:

— Мадам, вас подвезти?

— Подвези, — со вздохом сказала Ольга, усаживаясь рядом с Пылюковым.

— Ну и как она, красивая жизнь?

— Действительно красивая, — усталым голосом ответила Ольга. — Чуть было не стала хозяйкой четырехкомнатной квартиры. И чуть не уехала в Турцию, в пятизвездочный отель на берегу Средиземного моря.

— Понятно, — усмехнулся Пылюков. — Что-то конкретное выяснила по делу?

— Да. Завтра на склад в Чертаново прибывает крупная партия лекарств. Я уверена, что, если ее досмотреть как следует, выяснится, что анальгина и цитрамона там в десятки раз меньше, чем указано в накладных, а психотропных препаратов в десятки раз больше.

— Отлично, вот и возьмем его за жопу, козла этого! Кстати, не могла пораньше уйти?

— Не могла. Он почему-то выбрал именно этот склад, хотя тот, кто звонил, был недоволен его решением.

— Разберемся. Найдем склад и возьмем груз. Ты свое дело сделала, капитан Романова. Но какого черта так долго торчала с этим поганцем? Что, раньше не могла послать его и уйти? Я тут, понимаешь, торчу...

— Не могла.

Ольга всхлипнула, достала из сумочки носовой платок, приложила его к влажным глазам.

— Что случилось? Он обидел тебя? — встревожился Пылюков. — Да я ему завтра!..

— Нет... Просто подумала... В Турции сейчас, в пятизвездочном отеле на берегу Средиземного моря... наверное, хорошо, да?.. — сказала Ольга.

Пылюков изумленно посмотрел на нее и рванул с места на второй скорости. Ну дуры они, бабы, дуры! Если уж Ольга Романова где-то в глубине подсознания мечтает о сказочном принце, что говорить о жене, которая постоянно пилит за то, что он вроде бы мало зарабатывает. Служба непростая была, неоднозначная, случалось, приходил домой с пятью тысячами баксов, так

через пару месяцев от них и следа не оставалось, и все начиналось по новой: «Мало ты зарабатываешь...» Ох, дуры!

— Я в управление, домой тебя подбросить не могу, — с досадой сказал Пылюков. — У метро выйдешь.

— Хорошо, доберусь на метро. Спасибо тебе, Юрик, и извини, что заставила ждать.

В прихожей огромной квартиры в двумя санузлами и семью комнатами Ореховых встречала гувернантка.

— Феонка спит, — сказала она, — все нормально.

— Спасибо, Саша, можете быть свободны. Извините, что задержали вас, были с мужем в ресторане. Вот вам тысяча рублей на такси, уже поздно. Завтра, как обычно, к девяти.

— Спасибо вам, Оксана, — сказала женщина, взяла сумочку и вышла из квартиры.

Орехов снял туфли, приспустил узел галстука.

— Может, хочешь еще выпить? — спросила Оксана. — Что это за блондинка, она понравилась тебе?

— Не бери дурного в голову, Ксюша. Телка нормальная, но тупая до невозможности, слушала мои басни с раскрытым ртом. Я уже... но вначале выпьем.

— Иди в спальню, я все сделаю, Кирюша.

Орехов согласно кивнул и пошел в спальню. Непосвященному пришлось бы долго плутать по квартире, чтобы найти нужную комнату, но Орехов был все-таки хозяином здесь. В спальне он разделся догола, бросив свои вещи на пуфик, лег на просторную кровать с балдахином, вытянул ноги, прикрыв их одеялом, призадумался.

Странная она была, эта Ольга. Красивая, сумасшедшая баба и совсем не дура, он это чувствовал. Наверняка знала, что за два дня загранпаспорт сделать невозможно? Но верила, согласно кивала головой... А ведь у нее был уже загранпаспорт, значит, не простая девица, ездила за границу и явно не в роли челнока! И в разговоре проявила себя вполне умной, интеллигентной женщиной. Вспомнилось...

«— Был такой философ, Сократ, он сандалии только по праздникам надевал...

— А еще любил спорить и всегда выигрывал, за что его не любили. Как-то раз один завистник пнул его, люди посоветовали подать на него в Афинский суд. Но Сократ сказал: «А если меня пнет осел, я тоже должен подать на него в суд?»

— Откуда ты знаешь это, Оля?

— В институте проходили...»

И такая женщина поверила в его бредовые предложения? Даже не подвергла их сомнению, не постаралась выяснить детали — просто поверила?!

А какая она красивая, танцует, он вдруг почувствовал, что хочет ее, но, играя в благородство,

вынужден был даже чуть отстраниться от ее упругого, возбуждающего тела, чтобы ничего не заметила... Она заметила, он это понял по ее глазам, но ничего не сказала, даже виду не подала. Почему? Странная женщина, очень странная... Именно поэтому он перевел очередную партию лекарств на склад в Чертаново. Кто она? Не дура, это ясно, и такая сексапильная...

В спальню вошла Оксана, на ней был короткий шелковый халатик, облегающий красивое тело, в руках — поднос с бутылкой виски и двумя бокалами.

— Мой повелитель, я принесла тебе волшебное снадобье! — провозгласила Оксана.

Присела на край кровати, поставила поднос на одеяло. Халатик немного распахнулся, не все предстало перед взором Орехова, только край бритого по моде лобка, где топорщились неумолимо вырастающие волосинки, но и это выглядело чертовски возбуждающе. Оксана открыла бутылку, наполнила бокалы.

— Кирюша, за тебя, хозяина фирмы. Пусть это ненадолго, но я надеюсь, что скоро это станет реальностью навсегда.

Более приятного тоста Орехов и представить себе не мог. Он поднял свой бокал, чокнулся с женой, залпом опорожнил емкость. Оксана сделала то же самое.

— Иди ко мне, Ксюша, — пробормотал Орехов.

Поднос с бутылкой и пустыми бокалами оказался на полу, его накрыл шелковый халатик Оксаны. Орехов яростно целовал обнаженное тело жены, груди, живот, снова груди, она хотела, чтобы его губы опустились чуть ниже, но нет, чуть ниже пришли не губы. Он резко ворвался в нее, яростно заработал бедрами.

— О-о, Кирюша, трахай меня, трахай, я хочу с тобой трахаться до посинения, — забормотала Оксана, а потом стала грязно материться, называя вещи своими, не самыми печатными, именами, а Орехов все работал и работал бедрами, он молчал и лишь в самом конце, когда близок был миг сладостного упоения, хрипло простонал:

— Оля-а-а...

Оксана выгнула спину, матерясь, как армейский прапорщик, вздрогнула всем телом и затихла. Затих и Орехов, все еще двигая бедрами и чувствуя свою возбужденную плоть в сладостно-липком теле женщины. Она должна была согнуться, добавить своими губами новые ощущения и пробудить его для новых сексуальных подвигов, но этого не случилось. Оксана откинулась на подушку, тяжело вздохнула и спросила:

— Оля — это кто? Новая твоя знакомая?

— Сегодняшняя, — нехотя признался Орехов. — Тупая до невозможности, но очень сексапильная. Да ты же ее видела, Ксюша.

— И со мной ты представлял себе ее?

— Нет, но... отчасти да. У тебя все нормально? Ты кончила со мной?

— Да. Знаешь, мне не нравится все это. Ты с кем трахался, со мной или с ней? Полагаю, половые органы у нас одинаковы, и ты...

— Да перестань, Ксюша.

— Что — перестань?! — закричала Оксана. — Тебе нужно лечиться, Кирюша! Я не хочу быть с мужиком, который в это время видит перед собой какую-то другую сучку! Не хочу!

— Успокойся, Феонку разбудишь.

— А мне плевать, понял?! Ты с кем трахаешься, со мной или с ней?!

— Пока что с тобой, — неожиданно жестко сказал Орехов. — Но скоро я стану главой фирмы, и тогда посмотрим. Если я тебя не устраиваю, можешь искать другие варианты. Не возражаю.

Оксана хотела ответить, но слова застряли в горле. Не могла понять причину столь резких слов мужа. То ли действительно скоро станет главой фирмы, то ли новая блондинка вскружила ему голову... В любом случае следовало себя успокоить, что она и сделала. Наполнила бокалы виски, протянула один мужу. Он смотрел на нее с явным удовольствием. Когда голая женщина сползает вниз, наполняет бокалы, выставив на обозрение мужчины свои упругие ягодицы и все, что прячется между ними, только мертвец не среагирует на это.

— Ксюш, все нормально, перестань дурить, — сказал Орехов, лаская груди жены.

— Но, Киря, ты бормотал...

— Забудь, проехали эту станцию. Выпьем за тебя, самую красивую бабу, и... Ты еще что-то можешь?

— Ну-у... не знаю.

— Давай, покажи. Но сначала выпьем. За тебя, моя красивая баба!

— За тебя, мой мужик! — сказала Оксана, опорожня бокал.

А потом нырнула под одеяло. Орехов блаженно зажмурился и даже легонько застонал. Но видел он в своих мечтах совсем другую женщину, представлял, что это она целует его, и изо всех сил крепился, чтобы не простонать ее имя — Ольга, Оля, Оленька... Это она была рядом с ним, это ее губы терзали его плоть, доставляя несказанное удовольствие.

Загадочная женщина, непонятная, но невероятно красивая и желанная... Как ее найти, как снова встретиться, попытаться разгадать эту загадку? Да просто увидеть ее, почувствовать на себе взгляд этих обалденных синих глаз!

Оксана мурлыкала, упиваясь действием. А Орехов лежал и думал о другой.

Глава 9

Склад в Чертанове оказался серым двухэтажным зданием за бетонным забором. Со стороны выглядел как склад — железные двери, решетки на окнах, подъездные пути для грузовиков. Но если тут хранились лекарства фирмы «ФармаБосс», должны подъезжать машины, чтобы развозить товар по аптекам, частным и государственным, Богданов официальный поставщик лекарств в государственные аптеки, да и многие частные связаны с ним договорами, какое-то оживление должно же быть! Но нет, ничего похожего. Абсолютно пустое, заброшенное здание.

Капитан Пылюков сам руководил группой оперативников и не мог понять, почему этот склад выглядит как бесхозное строение, предназначенное на снос. Да нет, не совсем бесхозное, сторож там ходит, крепкий парень, наверное, с газовым пистолетом, а может, и боевым. Но — ни единой машины! Аптек в городе много, представить, что ни одной из них именно в этот день не нужен товар, сложно. Правда, и складов у Богданова много, но такого безжизненного быть просто не могло.

— Что-то здесь не так, — сказал Пылюков командиру оперативников Саше Бессарабову.

Они сидели в «жигуленке» Пылюкова, стоявшем метрах в двадцати от ворот склада. Микроавтобус с бойцами застыл неподалеку, на окнах — шторы, чтобы снаружи нельзя было разглядеть людей в масках, с автоматами. Правда, сейчас они сидели без масок: жарко и душно. Машин с кондиционерами им никто предоставлять не собирался, приходилось терпеть. И тихо материться, ожидая, когда командиры что-то прикажут.

— Если это склад, то явно бывший, — сказал Бессарабов. — Ты думаешь, сюда доставят товар?

— Но другого склада в этом районе нет, — раздраженно пробурчал Пылюков.

— Ладно, подождем.

— Не нравится мне все это, ох как не нравится! Чует моя печенка — он что-то намудрил, этот Орехов, падла! Или она, дура, неправильно поняла...

— Кто, Юра?

— Не важно. Осведомительница моя, — с досадой сказал Пылюков. — Познакомилась с ним в кабаке, выяснила, что сегодня товар поступит именно сюда.

Он был зол на Ольгу, и не только потому, что склад оказался каким-то странным. Это мелочи, в их работе такое часто случается, ведь по ту сторону стоят совсем не дураки, умные, талантливые люди. Но она слишком долго торчала вчера в ресторане с этим говнюком, а потом еще хныкать стала, что в Турции сейчас, на берегу моря... Размечталась, дура! Вот уж чего не ожидал от нее, так этого! Мужа не простила, а уж он-то мог обеспечить ей всякие Турции, от алиментов отказалась, а тут поплыла. Да от кого? От козла, которого давно пора прихлопнуть, как тварь вредную! Дура баба, что тут еще можно сказать? Какое разочарование! Уж ее-то он всегда считал умницей, жесткой и решительной женщиной, и вдруг — такое... Просто в голове не укладывается. Уж если Ольга Романова способна пустить слезу по несбывшейся поездке в Турцию, то что же думать о других бабах вроде его жены? На нее и обижаться грех!

— Ты уверен в ней?

— Был уверен...

— Юра, а вот и рефрижератор, слушай, они в таких машинах перевозят лекарства?

Пылюков напрягся. Действительно, рефрижератор остановился у ворот склада, водитель посигналил, охранник открыл ворота, и машина въехала во двор, остановилась у товарного подъезда.

— А как их еще перевозить по такой жаре? — сказал Пылюков. — Рефрижератор — это же не только морозильник, как в «Кавказской пленнице», можно регулировать температуру.

Оба внимательно следили за машиной, замершей у склада. Грузчики не спешили разгружать ее, да и вообще, странный склад...

— Пошли, — сказал Бессарабов. — На месте и разберемся, что там за склад такой. Надоело сидеть и ждать.

— Они не спешат разгружать ее, — задумчиво сказал Пылюков. — Ты видишь грузчиков, Саша?

— Я — нет. А ты, Юрик?

— Тоже. Охранник будет сам таскать коробки, или...

— Думаешь, еще одна машина подскочит? Сомневаюсь.

Пылюков хотел сказать, что машина может стоять тут до ночи или вообще пару суток, она ведь — рефрижератор. А потом перегонят на нужный склад. Но, взглянув на Бессарабова, понял, что терпение того на пределе.

— Ну ладно, пошли.

Бессарабов вышел из машины, махнул водителю микроавтобуса, и тут же из него выскочили парни в масках, ринулись на территорию склада.

Охранник, увидев стволы автоматов, безропотно поднял вверх руки. Когда Пылюков подошел к нему, газовый пистолет уже был извлечен из кармана кожаной куртки и находился в руках оперативника.

— Капитан Пылюков, Управление по борьбе с незаконным сбытом... сам понимаешь чего.

— Какие проблемы, капитан?

— Этот склад принадлежит фирме «ФармаБосс»?

— Понятия не имею. Мне поручили его охранять, вот и охраняю. Кстати, разрешение на газовый пистолет имеется, оно внутри, в моей комнате.

— Что хранится на складе?

— Да ничего, пустой. Первая машина за месяц, который я тут работаю.

— Что в ней?

— Откуда я знаю? Мое дело пропустить, пусть разгрузят, и охранять, а что привезли — не положено знать.

— А если — наркотики? — крикнул Пылюков.

— Да хоть атомная бомба, капитан. Я просто охраняю объект. И не ори на меня, в суд подам за хамство, понял?

— Я тебя засуну в «обезьянник», посмотрю, что запоешь! — сорвался капитан.

— Бывали там, знаем. Посмотрим, что ты запоешь после этого. Я сопротивления не оказывал, с документами порядок. Тебе нужен груз? Ну так и разбирайся с ним. Я к нему никакого

отношения не имею.

Понятно, что это тертый калач, на испуг не возьмешь. Ну а что с поставщиками груза? Пылюков махнул рукой, охранника отвели в сторону, подвели двух перепуганных людей — водителя и товароведа, сопровождавшего груз. По накладным это были сердечно-сосудистые препараты, противоревматические, жаропонижающие и противопротозойные средства Новобуковского химкомбината.

— Проверить груз! — приказал Пылюков.

Оперативники с явным удовольствием забрались в рефрижератор, там было прохладно, стали вытаскивать коробки.

— Реланиум, реладорм, тазепам, клоназепам, седуксен, сибазон, зуноктин, — докладывали они.
— Почти все импортное производство.

Пылюков тоскливо усмехался. Вот тебе и «сердечно-сосудистые» и «противоревматические» препараты. Сплошь психотропы. И явно произведены в России, несмотря на импортные упаковки. Умельцам с Новобуковского химкомбината не составило труда организовать их производство. Формула известна, материалы под рукой, изготовить нужные упаковки тоже особого труда не составляет. Зачем тратить силы на производство анальгина или валокордина, когда можно заработать на психотропах? Да еще и выдавая их за импортные? Выгодно заводу: себестоимость минимальная, отпускная цена высокая, и налоги платить не надо; выгодно Богданову: покупает в два раза дешевле, чем за границей, а продает как импортные лекарства. Выгодно аптекам, которые продают нужным людям психотропы без рецепта по цене в три раза выше официальной. Всем выгодна эта криминальная цепочка. Прервать ее невероятно трудно, если учесть, что новобуковцы отстегивают районным и областным властям, а тут, в Москве, у аптечной мафии есть солидная крыша.

Но главная-то проблема остается нерешенной. Кто хозяин этого склада? Богданов? Или нет? Кто хозяин этого груза? По накладным значился адрес этого склада и фамилия покупателя — некий Мелконян П.С.

Склад действительно оказался пустым. Кроме того, что прибыло сегодня, в нем не было ни единой упаковки с лекарствами. Понятно, почему Орехов отправил груз именно на этот склад. Что-то заподозрил, гад! Склад, набитый товарами, можно было опечатать и прикрыть, а это большие убытки. А тут и опечатывать нечего. А за груз он может и не платить — его ведь не доставили, перехватили. Химики новобуковские вряд ли станут возражать, им проще новую партию контрафактной продукции наштамповать.

После часа разговора с товароведом и водителем Пылюков распорядился обоих задержать для выяснения обстоятельств, каким образом в машине оказался совсем не тот груз, который значился по накладным, да еще и явная подделка под импортные лекарства. Охранника пришлось отпустить под подписку о невыезде. Груз — на склад ФСБ.

Но ведь Орехов назвал именно этот склад, значит, имеет к нему прямое отношение! Возможно, знает, кто такой этот Мелконян П.С.

— Саша, возьми часть людей, поедem в фирму «ФармаБосс», поговорим с Ореховым, он теперь заправляет всеми делами.

— А смысл, Юра? У нас нет санкции.

— Зато есть контрабандная партия психотропных средств, которая предназначалась этой фирме.

— Из чего это видно? — сомневался Бессарабов.

— Из моих данных. Груз пришел? Пришел. А его заказывал именно Орехов, сука такая!

— Ладно, как прикажешь, Юра. Но если что, сам будешь отдуваться.

— Буду-буду...

Даже Бессарабову, с которым не первый год работал вместе, Пылюков не мог сказать, что больше всему ему сейчас хочется наказать Орехова. За вчерашний вечер, за то, что, по сути, увел у него красивую женщину, пусть это была спланированная операция, работа, но во всякой работе много личного есть. Увел, чтобы нагло поиздеваться над Ольгой, обещая ей черт-те что, над ним, и вообще!..

Ярость обуревала капитана. И хоть понимал, что без санкции прокурора допрашивать Орехова нельзя, решил на этот шаг. Не самый толковый в схватке с умным противником, но... если нельзя, но очень хочется — то можно. А поговорить с этим козлом ох как хотелось!

В одиннадцать Орехов приехал в свой офис, как приятно, черт возьми, думать, что это — «твой» офис, даже если и ненадолго, всего на две недели. Первым делом вызвал к себе менеджера Михаила Баранова, того самого, который звонил ему вчера вечером в ресторан.

— Ты, Миша, баран самый настоящий! — с тихой яростью сказал Орехов. — Какого хрена беспокоишь меня вечером?!

— Кирилл, но ты же знаешь, с этой партией проблема была, машина накрылась в дороге, пока отремонтировали, пока то да се, график изменился. Вот я и решил посоветоваться, как быть, — забормотал Баранов.

— А то, что я в кабаке с телкой, меня могут прослушивать, следить, там же до хрена народу и полумрак, мать твою, ты подумал!.. Один неверный шаг, и босс, когда вернется, бошки нам обоим отвернет!

— Ну сказал бы, что перезвонишь сам, когда удобно будет... Не пойму, зачем именно в Чертаново отправлять груз? — насупился Баранов.

Они ведь вместе начинали, два блестящих выпускника двух престижных вузов страны — МГИМО и Плехановского, но, более решительный, жесткий, иногда просто жестокий, Орехов скоро вошел в доверие к боссу и стал его правой рукой, а Баранов дослужился лишь до должности менеджера.

— А сам решить не мог? Миша, Миша, потому и не растешь, что такой перестраховщик, хочешь, чтобы все щекотливые проблемы начальство решало.

— На то оно и начальство. Ты, Киря, свои бабки получаешь и процент с прибыли, а я — свои. Мое дело организовать сделку, провести ее так, чтобы комар носа не подточил, а твое — обеспечить все остальное.

Орехов подумал, что он так и остался наивным идиотом, который не понял, что пять

министерских окладов ему платят не за то, что организует поставки, а за риск и способность в случае чего прикрыть начальство. Без этого — на хрен он тут нужен? И за куда меньшие деньги найдутся люди, которые организуют работу, во всяком случае, не хуже Баранова. Такой идиот, что говорит о нежелании рисковать ему, без пяти минут боссу компании!

Уйдет Богданов на покой — вылетит в два счета! Хотя...

Вот ведь парадокс, а! Взять молодого, наглого, похожего на себя, который будет рисковать по максимуму и брать ответственность за свои действия — значит в скором времени увидеть рядом с собой человека, который будет относиться к нему так же, как он сейчас к боссу. Что он будет думать — Орехов знал прекрасно. Вот и получается, что предсказуемый, нерешительный Миша Баранов намного надежнее молодого наглеца. И такой именно зам нужен будет ему, когда станет боссом.

Интересно, а знал ли это Богданов? Наверное, знал, но тогда время было другое, шла жестокая борьба за рынок, за право поставок в государственные аптеки, и он был нужен. Теперь все устаканилось, конкуренты отодвинуты и можно работать спокойно. Расслабляться, понятное дело, нельзя, но и устраивать разборки с автоматной стрельбой и десятками трупов тоже не нужно. Теперь главное — бдительность и контроль за своим бизнесом. Тщательно выверенные бухгалтерские схемы и нужные люди во всех госструктурах, которые могут наехать. А могут и прикрыть.

Страшновато стало, когда представил себя на месте босса. Что бы он теперь сделал с молодым и наглым? Убрал бы к едрене фене! А если Богданов тоже так думает?

— Ты чего замолчал? — спросил Баранов.

— Иди, достал уже своей простотой! — рявкнул Орехов. — Ответственность за эту партию — на тебе. За связь с новобуковскими тоже. Если их накроют — у тебя большие проблемы будут. Вопросы есть?

— Ох, Киря... — тяжело вздохнул Баранов. — Я-то все понял, но ведь именно ты приказал доставить товар на этот склад. Чего ж на меня сваливать-то?

— Ни хрена ты не понял, идиот! — разозлился Орехов. — Поговори с Волчонком, пусть проконтролируют эту партию. Если за мной вчера следили — мы потеряем только эту партию, и хрен с ней. Все, иди!

— Ладно, — сказал Баранов, пожал плечами и вышел из кабинета.

Схема рискованных поставок в последние месяцы выглядела так — товар адресуется на склад в Чертанове, к господину Мелконяну, которого давно уже не было в живых, а на самом деле переправляется на один из складов фирмы «ФармаБосс» и тут же расходится по частным аптекам. На какой именно из четырех складов отправится партия незаконного товара, трудно было угадать, это знали только Орехов и менеджер, ведавший определенным направлением. Помимо одной незаконной партии, приходило пять-шесть партий в день вполне законных из всех концов России и из-за границы. Тысячи аптек работали с фирмой Богданова, получая нужные лекарства по оптовой цене. И если кто-то решит наехать на Богданова, должен будет угадать, куда прибудет криминальный груз. Если не угадает, блокирует работу «чистого» склада — проблем не оберется. Ему быстренько вменяют в вину отсутствие лекарств в аптеках, смерть людей, которые не смогли своевременно купить нужные лекарства, и многое другое. Пресса и свои депутаты в Госдуме раздуют скандал.

Но вчера возникла сложная ситуация. Он инстинктивно чувствовал опасность, а Миша хотел знать, на какой склад отправить партию лекарств. Ни один из четырех реальных нельзя было назвать. Только — Чертаново, что он и сделал.

Ну что ж, там видно будет, прав или нет.

Утром Оксана с нервной усмешкой спросила: помнит ли он об этой Ольге или нет? Ответил, что забыл, она красивая блондинка, заряда хватит на неделю, теперь после работы будет мчаться домой, к ней, любимой и дорогой Оксане. Кажется, она не поверила.

Наверное, права была, ибо мысли об этой Ольге не давали ему покоя все утро. Вечером все было нормально, легко, элегантно и красиво. Ночью думал о том, что с такой женщиной ему не нужно заряжаться, беседуя с блондинками, Ольга сама заряжала его невероятной энергией. А утром... Она же умная женщина, черт возьми, как могла поверить, согласно кивать, слушая полную ахинею, которую он нес? На простужку, которая не сомневалась, что за деньги можно сделать все, даже загранпаспорт за сутки, явно не похожа, но верила... А еще это чувство опасности, которое не покидало его...

Да кто же она такая, эта Ольга?

И желание снова увидеть ее. Такое яростное, неистребимое, что он готов был использовать все свои возможности, чтобы встретиться с этой женщиной, и... без Оксаны. Но это потом, когда босс вернется.

Орехов приказал секретарше принести кофе, а когда чашка с ароматным напитком появилась на столе и секретарша вежливо спросила, не нужно ли еще чего, намекая на «прочие услуги», властно махнул рукой, выгоняя ее из кабинета.

Блондинка блондинке рознь. Это ясно, как дважды два. Откинувшись на спинку кресла, Орехов хлебнул горячий кофе и блаженно зажмурился. Но не потому, что напиток был таким уж приятным, нет, он снова увидел Ольгу, представил, что это ее губы ласкают его. Вчера это были губы его жены, голый, красивой женщины Оксаны, но это уже было много раз, а он хотел Ольгу. Хотел и, как ни старался, не мог представить ее голый, не мог представить, какое на ней белье...

Странная женщина. Вроде блондинка, ну, красивая, да мало ли их таких сейчас? Пруд пруди в престижных кабаках! Но эта была из разряда неберущихся ударов. Почему?! Всех других блондинок он мог себе представить голыми и махнуть рукой так же, как секретарше, — не надо, Оксана лучше. Эту — не мог. Хотел, но не мог. И уже хотел се по-настоящему, но... Где ее теперь искать? Он даже телефон не спросил... Где ее искать... Надо, надо найти, чтобы... И вправду увезти на какой-то хренов остров, хотя бы на неделю, какие дела? Но где она? Потом, когда вернется босс, Волчонка подключит, Макса с его службой охраны. А как смотрела, как улыбалась, когда он нес откровенную ахинею!

Что-то вроде угрызений совести колыхнулось в черствой душе Орехова. Он вел себя неправильно... Эта женщина достойна лучшей участи, совершенно ясно. Но кто она? И нужен ли ей он в действительности, вот в чем вопрос.

Глава 10

Вокруг трехэтажного офиса фирмы «ФармаБосс» в Садовом переулке стоял невысокий металлический забор с бетонными тумбами, ворота были закрыты. Пылюков вышел из «жигуленка», шагнул в железную калитку. Навстречу показался крепкий парень в камуфляже, с суровым видом посмотрел на капитана, но сказать ничего не успел, потому что суровый его вид окончательно разозлил Пылюкова.

— Ты чё так смотришь, козел? — сквозь зубы процедил он, доставая удостоверение. — Капитан Пылюков, Управление по борьбе с наркотиками, слышал про такое? Открывай ворота и не вздумай что-то вякать, вопросы есть?! Нет?! Выполняй!

И решительно зашагал к зданию, не сомневаясь, что ворота откроются, Саня Бессарабов заедет на его «жигуленке», а следом за ним проследует микроавтобус с оперативниками, которые знают, что делать. Так оно и случилось.

Охранник внутри офиса смотрел более приветливо, да это и неудивительно: следом за Пылюковым вошли Бессарабов и его люди. Как тут не быть приветливым.

— Орехов здесь? — спросил Пылюков и, не дожидаясь ответа, спросил еще: — Где его кабинет?

— На втором этаже, вторая дверь направо, — сказал охранник, даже не спросив документы.

А зачем? Люди в масках и с автоматами — это не шутка. Скорее всего госструктуры, а может, и нет, но... против автоматов — что он может со своим газовым пистолетом?

Пылюков решительно зашагал вперед, к мраморной лестнице на второй этаж. Люди Бессарабова вместе со своим начальником остались в просторном вестибюле. Поднявшись на второй этаж, Пылюков резко толкнул нужную дверь, сунул под нос перепуганной блондинке свое удостоверение и вошел в кабинет.

Орехов ждал его, видимо, охранник у ворот успел позвонить и предупредить босса. Но, увидев Пылюкова, немного растерялся, ибо узнал в нем вчерашнего бизнесмена, который вынужден был оставить красавицу даму... Понятно, для чего.

Так, значит, вот она какая, загадочная Ольга! Не зря он чувствовал опасность и правильно все сделал. «Ментовка», но какая красивая...

Он уже знал о том, что товар, прибывший на склад в Чертаново, арестован. Баранов уже работал с новобуковскими химиками, чтобы они законсервировали подпольное производство, с бухгалтерией там все нормально, весь арестованный товар для господина Мелконяна отправлялся с дочернего предприятия, которое уже не существует. Все он сделал правильно, концы, ведущие к фирме, обрублены. А что касается остального — у них с Новобуковским химкомбинатом вполне легитимные торговые отношения, там комар носа не подточит.

Ну и на что он надеялся, этот сыщик? Хорошо, что пришел, наверняка без санкции, без ордера. Очень хорошо. Во всяком случае, он знает, где искать Ольгу.

— Господин Орехов? — с порога спросил Пылюков, хотя этот вопрос и был лишним — на двери в «предбанник» висела табличка с соответствующей фамилией. Но так уж положено — идентифицировать личность, с которой имеешь дело.

— Именно, — холодно сказал Орехов. — А вы тот самый липовый бизнесмен, который вчера бросил красивую девушку? Я ее накормил, напоил, ну, хоть немного дамой себя почувствовала. Знаете, ей понравилось. Честно скажу — мне тоже: красивая женщина, она и в органах

красивая.

— Заткнись, Орехов, — мрачно сказал Пылюков. — Ты вчера переправил партию контрабандного товара на склад в Чертаново.

— Не знаю о таком складе.

— Знаешь, у нас есть документальные подтверждения, что товар предназначался именно для вашей фирмы!

— Предъявите их, господин чекист.

— Я не чекист, Орехов. Товар предназначался для вашей фирмы. У нас есть сведения.

— Ну так предъявите, — усмехнулся Орехов. — На вашей даме были микрофоны? Но в суде эти факты рассматриваться не будут, хотя... я сомневаюсь в этом. Дама была так счастлива, что в кои-то веки познала настоящую жизнь... Я тоже был рад, что могу доставить красивой женщине удовольствие в отличие от вас.

— Предлагаю вам, господин Орехов, чистосердечно признаться в своих преступных деяниях, иначе...

— Что?

— Будет совсем другой разговор.

— Дождемся его, ладно? А сейчас извините, у меня дела. Я понимаю, что у вас нет ни ордера, ни разрешения врываться в наш офис, но не обижаюсь и жаловаться не стану. — Орехов встал из-за стола, наклонился к Пылюкову и добавил: — Вали отсюда, капитан, иначе у тебя будут большие неприятности. За одно это вторжение ты запросто можешь стать безработным. Пресса позаботится об этом.

Пылюков скрипнул зубами, но... понимал, что проиграл. Пока что. Рано или поздно он возьмет эту тварь, и тогда будет совсем другой разговор.

— А кто такой Мелконян? — по инерции спросил он.

— Откуда я знаю? Вообще в первый раз слышу об этом складе. Ну так что, капитан?

— Но ты же вчера переадресовал товар на эту базу! — сорвался на крик Пылюков.

— Даже если у нее был микрофон в трусах, это не довод для суда. Кстати, если еще раз отправишь ее ко мне — не откажусь. Красивая женщина. И что она делает среди всяких там задрипанных капитанов — понятия не имею.

Большого оскорбления Пылюков и представить себе не мог. Но и ответить, как полагается, набить морду наглому козлу тоже не мог. Ошибся, да, не следовало приезжать сюда сегодня. Но на будущее ясно, кто у него враг номер один. Кого нужно уничтожить в первую очередь.

— Ладно, Орехов, живи пока что. Но я до тебя доберусь, понимаешь, да?

— Если сможешь... добраться, капитан. Я думал, ты хоть что-то понял, но оказывается — нет. Ну и обижайся тогда на себя самого! — жестко сказал Орехов.

Пылюков мрачно хмыкнул и вышел из кабинета.

Когда опергруппа покинула территорию офиса фирмы, Орехов вызвал Баранова.

— Миша, товар арестован, база засвечена. Что сделано?

— Все нормально, Кирилл. Новобуковские приняли меры, документацию привели в порядок. Все свалено на товароведа, который принимал и сопровождал товар со странной базы, ничего не имеющей общего со складами комбината. База эта уже не существует. Будет задействована другая точка. Они себя обезопасили полностью. Но хотят, чтобы убытки разделили пополам.

— Перебьются, — сказал Орехов. — И вот что еще, Миша, усиль контроль за нашими нормальными базами, понял?

— Там все в порядке.

— Было, Миша, было! — заорал Орехов. — А теперь возможны провокации. Смотреть нужно в оба! Понял? С рискованным товаром придется повременить.

— Так точно, господин босс, — с иронией отрапортовал Баранов.

— Ну давай, Миша, вперед!

Орехов сложил ладони на столе, склонился к ним головой. Так вот кем она была, эта Ольга, сотрудницей спецслужбы! Ну и что? Она выполняла свое задание, действовала, как ей прикажут, но глаза-то не врал. Они смотрели так призывно! Они хотели... А он, дурак, лгал ей напропалую, но и это она проглотила, согласна была... Он ведь это видел, чувствовал это. Ольга...

Ну что ж, нет худа без добра, теперь он знает, где ее искать. Выждет недельку — и найдет. Как ни странно, он совершенно не обижался на нее. А вот этому капитану следует указать его место. Прискакал без ордера, угрожать стал... Ревнует, что ли? А это интересная мысль. Может, он спит с ней? Не исключено, да только... как она смотрела! Хотела поехать с ним в Турцию. Эх, черт возьми, да и поедут, почему бы и нет? Вернется Богданов со своей пигалицей, он, Орехов, возьмет недельку за свой счет, и махнут! Наверное, не откажется, не должна, он извинится за свой треп, пригласит в ресторан, что-нибудь подарит... А Оксане скажет, что едет в командировку. Эх, черт побери, что это будет за поездка! Орехов поднял голову, сжал кулаки и тихо застучал ими по столешнице, закусив губу. Приятно было даже думать о ней!

Ольга сидела в своем кабинете, еще раз изучая материалы оперативных данных на фирму Орехова. Фирма принадлежала Богданову, но Ольгу после вчерашнего вечера интересовал прежде всего Орехов. «Кирилл Васильевич Орехов, сын карьерных дипломатов, окончил МГИМО по специальности «Международные экономические отношения». С 1995 года работает в фирме «ФармаБосс», принадлежащей криминальному авторитету Богданову И.И. Начинал рядовым сотрудником отдела сбыта, потом быстро пошел вверх, стал менеджером, генеральным менеджером, в настоящее время первый заместитель Богданова и фактический глава фирмы. Умен, энергичен, способен принимать нестандартные решения. С подчиненными обращается жестко и бесцеремонно. Любит проводить вечера в ресторане «Барка-С». Женат, имеет дочку. В связях с проститутками не замечен, но...»

Тяжело вздохнув, Ольга захлопнула папку. Про это «но» она знала. Да и вообще, читала эти

скупые материалы вчера, готовясь ко встрече с Ореховым. Ничего похожего она в ресторане не увидела. Вечер провела с симпатичным парнем, почти одногодком (он всего-то на пару лет старше ее), несусветным болтуном и выдумщиком, таким, что, даже зная, кто он есть, невольно поддалась его обаянию, увлеклась игрой настолько, что как-то незаметно поверила...

Поплыла девушка... А все потому, что давно с мужчиной не встречалась, все в делах, в заботах. Любовника себе завести, что ли? Юрик на эту роль никак не подходит, да и все остальные коллеги тоже. Наизусть знает, что может сказать каждый в той или иной ситуации, наслушалась, насмотрелась. Не интересно. С Ореховым все было совсем по-другому... И не потому, что он богат, швыряет деньги направо и налево, просто... завел ее своей болтовней. И если бы пригласил куда-то на одну всего лишь ночь — наверное, согласилась бы.

А он, значит, помчался улаживать свою женушку... Наверное, улажил по полной программе, ибо расставался с ней вполне довольный. Но как-то странно смотрел на нее, когда сказал: «Извини, крошка, ничего у нас не получится...» А потом: «Прости, ты красивая...»

«Чушь! — сказала она себе. — Перестань дурить. Вот сядет лет на десять, будет ему и «крошка», и все остальное. Найди себе нормального мужика... А где его искать-то?»

Ольга посмотрела на часы, огорченно качнула головой. «Что-то долго не звонит Юрик. Товар прибыл в Чертаново или нет? Тот или вполне официальный груз? Ох, не натворил бы Юрик глупостей, он такой злой был с утра, собирался в порошок стереть Орехова и его фирму. Мог бы позвонить, сказать, что там за дела творятся.

Или задержал Орехова, отправил уже в КПЗ?»

— Черт, черт, черт! — раздраженно сказала она, стукнув кулачком по столу.

Не хотелось видеть Орехова в КПЗ. Первый раз объект расследования, криминальный деятель заинтересовал ее как женщину. Плохо это, очень плохо. Но что поделаешь? Перестать быть женщиной? Уже почти перестала, но... Как только увидела симпатичного ей мужчину, так вновь и почувствовала себя женщиной, да еще какой женщиной! Жадной до любви, пусть даже и глупой, и лживой... Вот до чего доводит воздержание!

Пылюков вошел в кабинет, когда она уже не на шутку стала беспокоиться. Юрик мог сорваться и натворить глупостей, не дождавшись нужной партии товара или убедившись, что она вполне легальна. Судя по его мрачному виду, что-то такое и случилось.

— Юрик? — спросила она. — Не было груза?

— Был, — мрачно сказал Пылюков, усаживаясь за свой стол.

— Легальный?

— Если бы! — Он мрачно хмыкнул. — Полностью контрафактная продукция, психотропы.

— Так чего такой грустный?

— А того! Весь товар — сплошные психотропы, накладным не соответствует на девяносто процентов. Да еще и подделка под иностранные фирмы! Вот он, рассадник распространения наркотиков в Москве!

Ольгу эта новость не очень обрадовала.

— Ну и? Да рассказывай, чего ты мнешься!

— А чего рассказывать, Оля? Склад кому принадлежит?

— Богданову. Или кому-то из людей, связанных с ним.

— Ни хрена подобного! Склад принадлежит некоему Мелконяну, кто такой — понятия не имею, каким образом связан с фирмой — тоже.

— Но Орехов приказал отправить товар именно на этот склад, — сказала Ольга. — Я сама слышала.

— Он пустой, понимаешь? Даже арестовывать ничего не пришлось, кроме рефрижератора, который привез лекарства. Этот козел Орехов перестраховался, сука, или почувствовал неладное, или... Но он с Мелконяном никак не связан, с хозяином склада. Я даже охранника задержать не мог! Хотя груз — вот он! Но предназначен для Мелконяна. А кто это?

— Я не знаю. Данных на этого человека у нас нет.

Ольга с облегчением вздохнула. Значит, Орехов обвел их вокруг пальца. Ну что ж, он ведь умный, способен принимать неординарные решения, вот и принял...

— Я поехал к этому козлу...

— Без санкции? Ты свихнулся, Юрик?! — воскликнула Ольга. — Ты что, совсем сдурел?!

— Нет, хотел посмотреть ему в глаза, послушать, что он скажет в свое оправдание.

Она снова вздохнула, на сей раз — тяжело.

— Ты соображаешь, что сделал?

— Конечно, но после вчерашнего... Оля, он не просто издевался над тобой, а скорее всего понимал, кто ты. Не случайно велел отправить груз на пустой склад.

— Погоди, Юрик, погоди. А кому был адресован груз?

— Да я же сказал... Или нет? Мелконяну. Давай, поднимай всю базу данных, я тоже этим займусь, нужно срочно выяснить, кто он такой, этот Мелконян. Если хоть как-то связан с фирмой Богданова, я этого козла Орехова возьму сегодня же!

— А если нет?

— Такого быть не может. Отправлять товар на сотни тысяч рублей незнакомому человеку глупо.

— Он может быть знакомым, но официально никак не связан с фирмой Богданова.

— Возьмем, поговорим — свяжется, куда он, на хрен, денется, козел! — зло сказал Пылюков.

— А что Орехов?

— Да он, падла, наглый, как танк! Давай, Оля, срочно ищи этого Мелконяна, я тоже займусь этим. Я ему, козлу, покажу, что к чему!

Но ничего найти и тем более «показать» Орехову Пылюков не успел. В кабинет заглянула секретарша начальника отдела, холодно сказала, что капитана Пылюкова ждет не дожидается начальник, полковник Барсуков.

— Найди мне Мелконяна П.С., Оля, — сказал Пылюков, выходя из кабинета.

— Не нервничай, Юрик, — сказала Ольга. — И главное, не перечь начальству.

Она включила компьютер, поставила лазерный диск со служебной базой данных, ввела фамилию, инициалы. Компьютер вывел на экран монитора данные, которые она, честно говоря, знала заранее: «Мелконян Петрос Самвелович, хозяин склада фармацевтических препаратов в Чертанове. Погиб в автокатастрофе в 1999 году». И — ничего больше. С кем он был связан — поди разберись теперь! Орехов просто может сказать, что знать не знал такого и к партии товара не имеет никакого отношения.

Действительно умный парень. Ну почему такие мужчины, с прекрасным образованием, работают на криминальные структуры? Ответ был ясен как дважды два — потому что там они имеют полную свободу действий, реализуют свой потенциал на все сто и получают бешеные деньги. Здесь, в России, дома, не уезжая в какие-то Штаты. Вот так...

Значит, он вчера знал, что она подсадная утка? Или просто чувствовал и при посторонних, даже если это женщина, на которой «собирался жениться», принял все меры предосторожности? В любом случае — достоин уважения, как сильный соперник. И красивый, обаятельный мужчина. А Юрик — дурак. На кой хрен он поперся к Орехову без санкции прокурора? Что хотел доказать, имея только фальшивый товар, с фальшивыми документами, на фальшивого адресата? А у фирмы Богданова солидные связи, и Орехов, наверное, воспользовался ими. Бедный Юрик! Но сам виноват в этом. Не надо было лезть без санкции. Ольга тяжело вздохнула, выключила компьютер.

Пылюков вернулся через двадцать минут.

— Что, Юрик? — взволнованно спросила Ольга.

— Выговор и неполное служебное соответствие, — мрачно сказал Пылюков. — Что у тебя? Нашла что-то?

— Нашла. Мелконян погиб в 99-м, никаких связей с фирмой Богданова нет, и вряд ли что-то удастся доказать.

— Полный привет! — с тоской сказал Пылюков. — Значит, человека нет, а склад, принадлежащий ему, существует. И товар на его имя поступает... Ну полный бред!

— Разберемся, Юрик, ты только не дергайся и не переживай, ладно?

— Оля, ты такая красивая, может... я бы сразу забыл это дерьмо... Ну что тебе стоит, Оля? — с мольбой сказал Пылюков, глядя в ее красивые глаза.

Последняя надежда. Он ведь пострадал за нее, хотел отомстить, рисковал... Может, поймет, почувствует?

— Нет, Юрик, я не могу так, — потупив взор, тихо сказала Ольга.

— А с каким-то козлом веселиться можешь, да? Пошли вы все на хрен! — заорал Пылюков и выскочил из кабинета.

Ольга только вздохнула. А что она могла сказать?

Глава 11

Богданов проснулся и долго лежал не двигаясь, задумчиво глядя в белый потолок гостиничного номера. Это был вполне приличный номер пятизвездочного отеля на небольшом, сказочно красивом тропическом острове. Окно и широкая лоджия выходили на океан. Поначалу ему нравилось стоять на лоджии и с высоты восьмого этажа смотреть на пальмовую рощу, за которой до горизонта простиралась величественная и великодушная стихия — океан. В это время года он был спокоен, и даже белые барашки не вздрагивали на масляных волнах. А ночью, когда на темной воде вспыхивали огоньки прогулочных яхт и целые гирлянды огней на круизных теплоходах, которые регулярно заходили в небольшую бухту, океан казался особенно загадочным и притягательным. Черная тайна.

Но три дня назад Ира вернулась с дискотеки слишком поздно и, наскоро приняв душ, мгновенно уснула. Он полночи просидел рядом с ней, глядя на красивое, юное лицо, на заметно припухшие губы и слушая ее нервное, пьяное дыхание. Ну провела вечер с какими-то щенками, он в общем-то был не против, но могла хоть как-то объяснить это, все же... Кто ее привез сюда?

Не пожелала. Думает, что совсем все может? Зря так думает. Или голова пошла кругом от тропического воздуха? Дура девка, молодая, красивая, совсем крыша поехала, думает, что ей можно совсем все? Зря так думает.

Богданов еще раз взглянул на красивое лицо спящей секретарши, а потом выключил светильник и пошел на лоджию, чтобы услышать другое дыхание — могучее, спокойное, чистое и честное, дыхание океана за пальмовой рощей. Но не услышал, а то, что увидел, ужаснуло его. Океан подступил к зданию отеля, прозрачная вода колыхалась в метре под лоджией. В ней можно было разглядеть черные окна нижних этажей и верхушки пальм чуть поодаль, они колыхались в воде, словно водоросли. И — ни единого огонька на мягкой черной поверхности. Отель казался тонущим «Титаником». Плеснула волна, забрызгав соленой влагой его лицо, и ступни босых ног почувствовали ее прохладу.

Остров погружался в океан, но никто, похоже, не замечал этого — ни криков, ни команд, ни спасательных судов, вертолетов, ни малейшего движения. Полная тишина. Богданов попятился в номер, метнулся к тумбочке со своей стороны кровати, включил светильник. На красном ковре остались влажные следы ног. Ондостал из бара бутылку виски, сделал несколько глотков, а потом напряженно уставился на открытую дверь, ожидая, что волны вот-вот хлынут через порог. Потом подошел к двери и увидел, что вода плавно уходит вниз, как из ванны с хорошим стоком. Уходит, обнажая верхушки пальм и окна отеля, в некоторых тут же вспыхивал свет. Он выпил еще, лег в кровать, обнял спящую Иру и скоро уснул.

А утром долго стоял на лоджии, пытаясь отыскать следы воды на стене или разрушения в пальмовой роще, где было немало всяких ресторанчиков, не нашел и подумал, что это приснилось. Но бутылка виски, наполовину опорожненная, стояла на тумбочке как доказательство того, что ночное видение не было просто сном.

Это видение продолжалось каждую ночь, вода поднималась все выше и выше, минувшей ночью

она плескалась у самого края его лоджии и казалась реальной, как никогда. Прошла неделя с того времени, как они прилетели на Акулий остров.

Вот о чем он думал, глядя в белый потолок, — этого не могло быть, но и таких видений тоже быть не могло.

Ира крепко спала. Каштановые волосы прикрывали часть ее красивого, как никогда, лица. Последняя любовь? Наверное, последняя. Дура, просто симпатичная телка, каких он мог иметь сотни, если б захотел. Но хотел только ее, прощал измены, ибо понимал: страстной юной девушке нужно нечто большее... Ладно. Но главное внимание она должна уделять ему. Похоже, забыла об этом. Надо бы напомнить. Он наклонился к ней, поцеловал в плечо и негромко сказал:

— Дорогая, уже девять. Пойдем позавтракаем?

Ира открыла глаза, даже спростонья они были ясными и красивыми, посмотрела на него, сладко потянулась и отрицательно покачала головой.

— Ты иди, Илья, а я потом, ладно? Хочу еще поспать. Жди меня на пляже, пока...

— Ладно, — с досадой сказал он.

Поймал себя на мысли, что мир вокруг меняется, и не в его пользу. Разве могла она, эта пигалица, раньше сказать ему такое? Пусть бы только попробовала! А она, не совсем уж дура, и пробовать не пыталась, любое его желание исполняла — мухой. Не она изменилась, он стал другим. Однажды, где-то год назад, вдруг понял, что жестокость — это плохо, это совсем не то, что хочет от людей Бог. Есть ли Он на самом деле или нет, неизвестно, но с годами хотелось верить, что есть, и там, когда он придет, Бог поймет его раскаяние и простит. Поэтому и терпел даже наглые выходки Иринки, а ведь запросто мог бы наказать ее, отдать на недельку «обсаженным» неграм, поняла бы, что к чему. Но не хотел.

Он много чего повидал — воровская юность, красивые телки, драки на ножах, лагеря, снова «красивая жизнь», снова лагеря, где он постепенно наращивал свой авторитет, убирая даже авторитетных воров со своего пути. Сам стал авторитетным, признанным лидером преступного мира. Зона стала чуть ли не домом отдыха, где его слово было законом, а любые желания исполнялись, будь то сигареты или пара классных телок. Потом наступила перестройка, и кому, как не ему, было организовывать частный бизнес? Тем более в 89-м вышел на волю? Он выбрал фармацевтику, ибо четко понимал — без хлеба люди могут обойтись, а без лекарств — никак. Сложное было время, «стрелки»-перестрелки автоматные, с десятками трупов, разборки с молодыми наглыми отморозками, которые не признавали авторитетов. Было, но он переиграл всех. Создал классную фирму, убрал всех конкурентов, собрал классный коллектив, один Орехов чего стоит! Похож на него в молодости, но — другой. Современный. Наглый, жестокий, бесцеремонный, когда это надо, но и вежливо-интеллигентный, и культурный... Другое поколение!

А он вдруг понял, что устал от борьбы. Все уже есть, всего достиг. Денег — куры не клюют, телок — каких хочешь, только сил на них не хватает. Уже не хватает. Семья, дети? Ему, старому вору в законе, это запаadlo. Есть Иринка — и ладно.

Она-то есть, но уже понемногу перестает его уважать. Делает что хочет, а он... Должен наказать телку, да не может. Не желает Бога гневить своей жестокостью. Терпит... Мог бы, ох, как мог бы, но не хочет. А тут еще и океан достает каждой ночью... Что ему нужно от него?

Понять бы, да — не понимается...

В ресторане он съел йогурт с кукурузными хлопьями, выпил стакан свежавыжатого апельсинового сока, а потом пошел на пляж, где уже всюду трудились служащие отеля, устанавливая разноцветные зонты и пластиковые лежаки.

Он искупался, далеко не плавал, сердце уже не то, мало ли что может приключиться, если отплывешь далеко от берега? Барахтался на мелководье, вода была мягкой и приятно освежала. Вернувшись к своему лежаку, он стал думать: нужно ли рассказать Иринке о своих ночных видениях или нет? Конечно, она не могла объяснить, что это значит, почему океан неумолимо приближается к их номеру, но хотя бы знала...

Через полтора часа Ира пришла на пляж, села на свой лежак, накрыв пространство в радиусе двух метров почти видимым облаком французских ароматов. Ее глаза были не так ясны, как спросонья, и не слишком охотно смотрели на него. Он подумал, что ей не стоило бы сильно душиться, собираясь на пляж, это ведь не театр и не банкет в солидном офисе, но говорить об этом не стал.

— Представляешь, я вышел ночью на лоджию, и показалось, океан затопил все пространство, вода плещется под ногами, — сказал Богданов. — И поднимается все выше и выше.

Она быстро взглянула на него, потом, опустив глаза, с минуту морщила лоб, пытаясь понять, что это значит. Потом неуверенно спросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Океан все затопил и плещется под нашим окном.

— Как это затопил?

— Ну так, от пола нашей лоджии и до горизонта — вода.

— Я совершенно ничего не понимаю. Ты хочешь сказать, эта пальмовая роща тоже была затоплена, да?

— Естественно.

— Но там же куча соломенных ресторанчиков, кафе, я только что шла мимо — все стоят на месте. Если их затопить, они бы уплыли... Илья, дорогой, по-моему, ты слишком много пьешь в одиночку, а это очень вредно для здоровья.

— Извини, я не хотел тебя огорчить, — со вздохом сказал Богданов.

Простота ее суждений давно уже не раздражала его.

— Пойду искупнусь, — сказала она. — Вода теплая?

— Ночью была холодней...

Он смотрел, как она шла к воде, глядя по сторонам, потом кому-то помахала и, разом оживившись, бросилась в океан — красивая, грациозная. Трое парней в длинных разноцветных шортах бросились в воду следом за ней.

Он невесело усмехнулся и снова стал думать, почему океан медленно, но верно подбирается к

нему ночью? И о том, что Иринка могла бы представить ему своих новых знакомых. Загадка океана была все так же непостижима, а насчет Иры он в конце концов решил: зато она красива.

Дождь за окном как нельзя лучше соответствовал его настроению. Не просто пасмурному, а откровенно паршивому. Да и как могло быть иначе, если... А он, дурак, не верил, что такое могло случиться! Но вот же, случилось! Как они могли?!

— Папуль, пойдём поиграем, — сказала Настя, потянув Игошева за рукав. — Ты будешь лошадкой, а я поеду к принцу...

— Отстань, Настюш, иди смотри мультики.

— Ну папуль, я хочу поиграть с тобой... — захныкала девочка.

— У меня нет настроения играть, извини, малышка.

— Почему? Ты теперь все время дома сидишь, можешь поиграть со мной!

В прихожей хлопнула дверь, вот и жена вернулась с работы. Игошев чмокнул Настю в щечку и вышел из комнаты.

— Привет, какие новости у тебя? — спросила Лена, отряхивая с волос капли дождевой влаги, зонтик не взяла, но хоть плащ надела.

— Самые отвратительные, — сказал Игошев. — Как тебе анонс сериала на кабельном телевидении: «Если поменять местами бизнесмена с криминальным прошлым и школьного учителя...»

— Но ведь это же твой сериал, — сказала Лена. — И что? Они заплатят?

— Я послал им сценарий седьмого июля 2001 года. Главному продюсеру понравился, но хозяин канала забраковал, продюсер даже расстроился, но что поделаешь? Деньги ведь платит хозяин. И вот теперь я слышу эту рекламу...

— Они украли твой сценарий?

— Нет, я посмотрел одну серию — бред сивой кобылы, все другое. Но идея-то моя! Что ж они, падлы, не сказали — хорошая идея, но нужны изменения, сделать больше серий, что-то подправить... Я бы сделал! А они...

— Ты просто неудачник, Игошев, — сердито сказала Лена. — Тебя облапошили, как последнего дурака, а ты и сказать ничего не можешь.

— Я говорю, тебе.

— Мне не нужно этого говорить, я и так кручусь, деньги зарабатываю, ты позвони им, пригрозь, что подашь в суд, что-то сделаешь, они же рекламу дают — копия твоего анонса к сценарию, я это помню! Я же читала этот сценарий, знаю, что ты написал к нему: «Если поменять местами...» Нет, они просто нахалы, а ты — лопух! Иди в суд!

— Какой суд, Лена? Они наймут адвокатов, размажут меня по стенке. Что я могу сделать, если люди оказались бессовестными?

— Ты меня спрашиваешь?

— Кого ж мне еще спрашивать? Не Романчука же.

— Но и не меня! Раз ни фиги не можешь, не капай на мозги, придурок! Надоела твоя беспомощность! Ты мужик, в конце концов, или кто?

— Лена! Это я — придурок? Я — не мужик?

— Именно!

— Ну спасибо на добром слове! Утешила, женушка дорогая! А я думал — поймешь...

Настя вышла из комнаты, широко раскрытыми глазами смотрела на родителей, пытаясь понять, почему они ругаются. Не поняла и снова захныкала.

— Пойдем, дочка, я покормлю тебя, — сказала Лена.

Игошев, стиснув зубы, пошел в их комнату.

— Я не хочу есть! — заявила Настя.

— Пойдем, дочка, пойдем, что-нибудь придумаем вкусное, ты же знаешь, я умею придумывать, а что остается делать, если папа у нас... — Лена обняла девочку за плечи. — Пошли.

— Ты злая и плохая, — объявила Настя. — Папа у нас самый лучший, поняла? — Вырвалась из рук матери и побежала в другую комнату, за отцом.

Там легла на диван, прижалась к Игошеву.

— Папуль, ну и пусть эти козлы воруют твои сценарии, — сказала она. — Ты все равно самый лучший.

— Настюша, откуда ты знаешь такие слова? — удивился Игошев. — Воспитанной девочке нельзя говорить «козлы».

— В садике все так говорят.

— А ты не должна. Ты ведь интеллигентная девушка, должна говорить соответственно. Я тебя очень прошу об этом. И на маму не злись, она... устала на работе.

— А почему она ругается на тебя?

— Я же сказал — устала. А у меня ничего не получается, как ни стараюсь. Но это пройдет, Настюша. Понимаешь... бывают в жизни черные полосы, когда ничего не получается.

— Да ну... Я же ничего не прошу, мне и так хорошо с тобой, папуль.

— Я знаю, моя хорошая, но хочется же сделать для тебя что-нибудь... невероятное.

— Ну что, скажи. Ну, папка, скажи, ну!

— Допустим, купить тебе электрический автомобиль. Ты бы «зажигала» у подъезда...

— Я бы так «зажигала»!.. — мечтательно сказала Настя.

— А я бы бежал следом и кричал: «Настюшка, сбавь скорость, не то куда-то врежешься!»

— А я бы тебя и не думала слушаться! Ехала бы на полной скорости, а ты бы запыхался и отстал.

— И не надейся. Я бы из последних сил прыгнул вперед, уцепился бы за хвост твоей машины и остановил ее. Чтобы моя дочурка не пострадала в ДТП.

— Ага! Я бы так газанула, что ты бы брякнулся на асфальт! — заявила Настя.

— И разбил себе нос?

— Ну, папка!..

Игошев обнял дочурку, а она прильнула к нему. Вот кто настоящий друг, кто безоговорочно верит ему. Но как же больно думать, что ничего не можешь сделать для своего родного человечка! Настя как будто угадала его мысли.

— Папуль, да ладно, — деловито сказала она. — Мне с тобой говорить даже интереснее, чем если бы это и вправду было. Мы же с тобой одинаковые... Как ты говорил?

— Единомышленники, Настюша.

— Вот именно!

Лена на кухне сварила макароны, пожарила котлеты, купленные на рынке. Паршивые котлеты, а что поделаешь, на всем приходится экономить. Было бы хоть чуть больше денег, накрутила бы свои, из говядины и свинины, с луком и чесноком, но... Увы! Котлеты с рынка и макароны — это все, что они могли позволить себе на ужин сейчас. И виноват в этом... Да нет, не Андрей, она погорячилась, дала волю эмоциям, но... Он не виноват, что наглые телевизионщики крадут его идеи. Такие они подлые люди, говнюки, а он талантлив, она всегда это знала. И то, что талантливым людям выжить в этом мире дикого бизнеса очень сложно, тоже понимала. Уже сожалела о том, что наговорила Андрею. Надо было как-то загладить свою вину, но как?

— Какая идиллия! — сказала она, войдя в комнату. — Прямо друзья не разлей вода!

— И не разольет, — серьезно сказала Настя.

— Идите ужинать, я вам котлеты пожарила. Не самые вкусные, но если с соусом, то ничего. Ну давайте, давайте.

— Пап, ты как? — спросила Настя.

— Пойдем, мама старалась, не следует ее обижать, — шепотом сказал Игошев.

Ночью Лена придвинулась к мужу, погладила его плечо. Игошев недовольно дернулся, сбросил ее руку.

— Андрей...

— Я устал, извини, Лена, ничего не хочу.

— Ну ладно... — со вздохом сказала она.

И рада была бы чем-то помочь мужу, да что она может? И хотела бы поддержать его в трудную пору, да не получалось. Голова шла кругом от бытовых проблем, а теперь вот и в личной жизни возникли проблемы... Лежит, отвернувшись, и даже не пытается... А ей так нужно, чтобы он хотел ее! Ей тоже несладко, ну, сказала сегодня не то, что нужно, обидела, но... Она ведь его любила. И любит, а он обиделся, похоже, не на шутку.

Вот ведь дерьмо какое! И даже в постели приходится страдать из-за него!

Глава 12

На обед обещали суп из акульих плавников. Богданов обожал это блюдо и хотел насладиться им на берегу бассейна под апельсиновыми деревьями. Поэтому попросил Иру пойти чуть пораньше, занять столик у бассейна. Она скривилась точно так же, как в тот раз, когда по незнанию куснула жгучий маринованный перчик, минут пять молчала, а потом тяжело вздохнула и вышла из номера.

Через полчаса он был готов к обеду. Из овального зеркала на него глянул высокий седовласый мужчина в тщательно отутюженных белых брюках, белоснежной рубашке с красным носовым платком в кармане. Глаза скрывали темные очки. У пояса висит мобильный телефон.

— А кто-то подумает, что все это ради супа, — с тоскливой усмешкой сказал он себе и пошел в ресторан.

Она заняла столик у бассейна, но сидела за ним не одна, а все в той же компании трех веселых парней. Были они в мокрых шортах, двое в мятых футболках, третий с голым торсом. Увидев его, Ира захихикала, молодые люди понятливо заулыбались: мол, экое ископаемое! Богданов знал, что все будет именно так. Да, собственно, и оделся ради этого.

Свободного стула у стола не было.

— Дорогая, ты заняла столик для нас? — с холодной улыбкой спросил он.

— Ну конечно, бери стул, присаживайся. — Ира уже не хихикала, настороженно смотрела на него.

Поняла, что компания не состоится по причине слишком разного отношения к своему виду, но не могла понять, почему он сегодня так вырядился. Вчера ведь обедал в шортах и футболке! А ее знакомые ничего не хотели понимать. Они были молодые, энергичные, веселые.

— Да вы садитесь, — сказал тот, что был с голым торсом. — Вместе-то веселее. Я слышал, суп из акульих плавников — это вроде как стерляжья уха у нас, блюдо для аристократов.

— Молодой человек, представьтесь, пожалуйста, — холодно сказал Богданов.

— Слава... В смысле — Вячеслав Костромин, Москва, работаю в фирме. А вы?

— Это не важно. Извините, что выбор пал на вас, это совершенно случайно. Спасибо, дорогая, приятного аппетита.

Он успел заметить, как она побледнела, и с достоинством зашагал в зал ресторана. Только там оставались свободные столики. Несмотря на мощные кондиционеры и приятную прохладу в зале, народ предпочитал располагаться за столиками под апельсиновыми деревьями и

пальмами у бассейна. Через пару минут Ира прибежала, плюхнулась за столик.

— Он хороший парень, просто знакомый, между нами ничего не было! — сказала она. — Илья, я люблю тебя, а они... просто друзья. Ты же не сделаешь этого!

— Я нет, все должны заниматься своими делами, — холодно сказал Богданов.

— Но я поняла! Не надо звонить Волчонку, он же... самый настоящий волкодав, ну пожалуйста, Илюша, я прошу тебя!

— Пожалуйста, не нервничай, — с холодной усмешкой сказал Богданов. — Я тебе предоставил полную свободу. Как ты ей воспользовалась — твое дело. Как я отреагирую на это — мое. Что непонятно, детка?

— Все понятно, Илья, но прошу тебя... Не надо, пожалуйста, я тебя очень прошу, не звони Волчонку! — взмолилась она.

— Хорошо, поговорим об этом, когда вернемся в номер. Извини, дорогая, но я передумал есть суп. Пойду прогуляюсь, а ты можешь вернуться к своей компании.

Подумал, что Ира могла бы дать понять своим знакомым, что его следует уважать. Разумеется, говорить, кто он, ей не следовало, иначе они бы и на пушечный выстрел не подошли, а искать знакомых среди местных негров опасно, не хотелось, чтобы она подцепила неизлечимую заразу. Но намекнуть, что посторонним, прежде чем садиться за их стол, стоит спросить у него разрешение, могла бы. Но она уже успела привыкнуть к мысли, что может делать все, что хочет, тем более здесь, где сам воздух был пропитан ароматами любви. Что ж... зато она красивая.

Ира, понурив голову, вышла, а Богданов достал сотовый аппарат, быстро набрал номер. Космическая связь — она и на Акульем острове космическая.

— Миша, здравствуй, Богданов. Немедленно выясни, кто такой Слава Костромин. У меня есть подозрение, что он — человек Макса, из его сауны. Если так, нужно будет особо присмотреть за Кирюшей.

— У него проблемы, босс, наехали люди из службы Черкесова, но вроде выкрутился.

— Вот и присмотри за ним. И данные по Костромину — я жду звонка. Все понял?

— Есть, босс!

Богданов выключил связь, довольно усмехнулся, сунул крохотный аппарат в футляр на поясе. Он ничуть не сомневался, что Волчонок бросился выполнять его приказ.

Выйдя из ресторана, Богданов пересек холл отеля, похожий на тропические джунгли, где между живыми лианами скользил лифт с прозрачными стенками, вышел с другой стороны и углубился в пальмовую рощу, отделяющую отель от океана. Там, в соломенной хижине, заказал мясо, жаренное на углях, и двойное виски. Мясо аппетитно шкварчало на железной решетке, но на вкус оказалось жестковатым. А вот виски вполне нормальное, ну и за то спасибо.

Он ничуть не жалел, что не отведал супа из акульих плавников, пробовал его не раз, в том числе и там, где акулу только что вытащили на берег, разделявали и варили суп на его глазах. Этим занимались грязные, потные рыбаки и их толстые жены, не менее грязные и потные, но

супа подобной вкусноты он не пробовал потом ни в одном ресторане мира.

После обеда Богданов отправился прогуляться по берегу океана, песок там был чистый, белый, одно удовольствие брести по нему, разувшись. Народу в это время было немного, и можно было надеяться, что хоть немного удастся понять океан.

Суп Ира все же съела, а вот потом аппетит разом пропал. Да и суп показался не очень-то вкусным. Трое состоятельных друзей из Москвы заметили, что настроение девушки испортилось, попытались развеселить ее, да без толку.

— Ты чего раскисла, Ириша? — спросил Костромин. — Из-за этого старикана, да? Слушай, плюнь ты на него, отрывайся с нами. А будет возникать, мы его попросим заткнуться. Вернемся в Москву, я тебя в свою фирму возьму.

Ира еще больше помрачнела. С ними было жутко интересно и весело, но... Знал бы Слава, с кем имеет дело, попридержал бы язычок за зубами, да и вообще — и смотреть бы в ее сторону не стал.

— Никогда не говори о нем плохо! — отрезала она. — Иначе посоримся. Он очень хороший, добрый человек, и я его уважаю. Понял?

— Да ты чего, Иришка? Я ж просто так...

— И просто так не смей. — Она промокнула губы салфеткой, встала из-за стола.

— Ладно... — разочарованно пробормотал Костромин. — На дискотеку подскочишь? Я буду ждать тебя, Иришка.

— Я приду с ним, а ты не вздумай грубить, понял? Если хочешь пригласить на танец — спроси разрешение.

Костромин еще более погрузился, согласно кивая, а Ира торопливо пошла в свой номер. Богданова там не было, и она, присев на кровать, задумалась.

В последнее время Илья был каким-то странным, отрешенным, что ли. Может, переживал, что она с Романчуком встречается? Так сам же сказал: «Я тебя ни в чем не ограничиваю, но если заразишь меня какой гадостью, ответишь. Я уже не в том возрасте, деточка, чтобы позориться. А Романчук — мужчина женатый, симпатичный, значит, все в порядке». Илья уважал его... Тогда что с ним происходит? Про океан говорит, который у лоджии плещется, у восьмого-то этажа! Да это же просто параноя. И ее совсем не хочет, получалось, просто так привез секретаршу на экзотический остров, чтобы она резвилась тут вовсю с другими парнями. Но... так ведь не бывает.

Что-то вдруг холодно стало. Ира зябко поежилась, встала, выключила кондиционер. В конце концов решила, что нужно больше времени уделять боссу. Но как это сделать, если он совершенно равнодушен к ней? А Славка... ох, дурак! Так разговаривать с Ильей... Один звонок Волчонку, и тот башку оторвет парню. Илья добрый, заботливый, но хамства не прощал, это она точно знала. Позвонил он Волчонку или нет?

Богданов вошел в номер, включил кондиционер, спросил:

— Тебе понравился?

— Что? — не поняла Ира.

— Суп из акульих плавников.

— А-а... Да что-то не очень. Илья, ты меня огорчил своим уходом, просто жуть. Если хочешь, я даже смотреть на этих парней не стану, клянусь тебе.

— Нет, ну зачем же? Ириночка, ты моя последняя любовь. Ради тебя я готов даже нанять мужика, чтобы сделал тебя счастливой. А если не справится — отрежу ему все причиндалы, и все дела.

— Илья, пожалуйста, не злись на меня.

Она обняла его, прижалась горячими губами к его сухим губам. Он вежливо отстранил ее, разделся, лег в постель. Ира легла рядом, снова обняла его.

— Илья, хочешь...

— Нет, Иринка, я гулял на берегу океана, жарко сейчас... Извини, но хочу покемарить пару часиков. Тебе тоже советую, время сиесты.

— Расскажи мне про океан, я хочу послушать.

— Не бери дурного в голову, деточка.

— Ты злишься на меня, да? Думаешь, я изменяю тебе с ним, да?

— Нет, — сказал он.

Если бы она спросила, что означает «нет», он бы ответил: «Нет, меня это абсолютно не интересует». Но она не спросила.

— Пожалуйста, пойдем сегодня вместе на дискотеку, и ты сам все увидишь. Я буду с тобой танцевать, и вообще, повеселимся вместе. Пойдем, Илья?

— Хорошо, я подумаю.

— Ты какой-то странный в последнее время, я тебя совсем не интересую... — насупилась Ира и даже всхлипнула. — А мне что делать? Ну я с этими ребятами, потому что... с кем же еще мне на дискотеку ходить?

Богданов поцеловал девушку в губы, похлопал по спине, отправляя на свою кровать.

— Но ты пойдешь со мной на дискотеку?

— Возможно, спасибо за приглашение. А сейчас давай отдохнем, ты тоже поспи, деточка.

Ира легла на кровать, но уснуть так и не смогла. Что-то творилось с Ильей, и она не могла понять, что именно. И страшно было за свое будущее. Где она окажется, если у него и вправду поедет крыша? А может, надо поближе познакомиться с этими богатыми ребятами? Со Славой Костроминим? Позволить ему не только поцелуи, но и кое-что большее и — уйти от Ильи? Ну, когда это станет возможным, просто так уйти нельзя! Мелькнула эта мысль и тут же исчезла.

Предавать Илью она не хотела.

Богданов пообещал, что придет на дискотеку, пусть она займет столик, закажет выпивку. Когда Ира ушла, он выпил виски и услышал зуммер мобильного.

— Да?

— Илья Ильич, это Миша.

— Говори, Миша.

— Вячеслав Костромин, 30 лет, хозяин фирмы, торгующей недвижимостью, довольно успешный биз...

— Короче. Кто его послал сюда?

— Он давний приятель Макса, с ним отправились два телка из сауны Макса, работают стриптизерами в отделении для баб, поэтому мы их не видели. Я так понимаю, что это затея Макса, а он — кореш с Кирей. Что там случилось, Илья Ильич?

— Костромин оскорбил меня. Смекаешь, что это значит?

— Понял. Когда вернется — сделаю.

— Этим стриптизерам тоже сделай, чтобы жизнь медом не казалась. Но оставь. Крайние меры излишни. Понял, Волчонок?

— Понял. А с Кирей что?

— Его не трогай при любом раскладе. Сам разберусь. И еще. Что бы со мной ни случилось, ты всегда будешь начальником СБ фирмы, я об этом позабочусь.

— Илья Ильич! Обижаете. Я работаю только на вас.

— Придет время, на себя поработаешь тоже. Спасибо, Миша. Если что, об Иринке позаботься.

— Что за дела, Илья Ильич? — не выдержал Волченков.

— Всяко может быть, не мальчики уже... Делай то, что надо, только аккуратно.

Закончив разговор, Богданов достал ноутбук, через мобильник вышел в Интернет и принялся уверенно составлять сообщение для электронной почты. Разбирался в этом деле. А что тут странного? Если даже священники общаются посредством Интернета, то и воровским авторитетам не запахло это.

Вечером пальмово-апельсиновая роща возле бассейна превращалась в храм не любви, но страсти. Волнующие ароматы тропических растений, огоньки в кустах и деревьях, громкая музыка, свечи в стеклянных банках на столах, загорелые красавцы и красавицы в возбуждающих одеждах и море всяческого питания. Тут и не хочешь, а захочешь.

Ему же все это казалось шоколадным тортом, о котором он мечтал в полуголом детстве. Чтобы не кусочек, а весь ему, и есть его, и есть, и есть... Но в последние десять лет он питался исключительно «шоколадными тортами». Надоели, мать их за ногу, хлебца бы черного с

селедочкой! И лучок зеленый с салом, да под рюмку водочки!

Ира ждала его за пластиковым столиком, на котором стояли два бокала — с вином для нее и виски для него. Он улыбнулся девушке, сел на стул. Выпили, потанцевали, но все было как-то... искусственно. Ира чувствовала растущее напряжение, но что она могла сделать?

Полногрудая негритянка в белом передничке, покачивая широкими бедрами, подошла к их столику, склонилась над ним, пропела мягким, грудным голосом:

— Сеньор — американа? — Но когда он поднял голову и посмотрел ей в глаза, запнулась, а потом пробормотала: — Но американа... раша?

— Не просто раша, а сеньор раша, — сказал он. — Двойной бурбон, сеньоре кампари. Ферштеен?

— Си, си, — залопотала негритянка и торопливо удалилась.

— Ты смотрел на нее, как Ельцин на коммунистов, — сказала Ира. — Илья, у тебя опять плохое настроение? Хочешь, еще потанцуем?

— Подожду, пока исполнят заказ, — сказал он.

Слава Костромин не заставил себя долго ждать.

— Добрый вечер, — предельно вежливо сказал он. — Простите, Илья Ильич, можно пригласить вашу подругу?

— Подруга не вещь, спроси у нее сам, — жестко ответил Богданов.

Ира внимательно посмотрела на босса, но взгляд его был совершенно спокоен, и она приняла приглашение молодого кавалера. Богданов только раз посмотрел на них, заметил, что Ира слишком тесно прижимается к парню, а потом они исчезли из виду. Ему стало интересно, станет ли она предупреждать парня, чтобы он вел себя осторожно по возвращении в Москву, или предпочтет не говорить об этом? Решил, что промолчит. Знает, что Волчонка и его людей ничто не остановит, да и Слава для нее не вариант на всю жизнь, а просто курортное увлечение. Знал бы об этом раскладе Слава. Дурак.

Негритянка принесла напитки, поставила на стол украшенные российскими флажками бокалы. Что-то шевельнулось в душе, когда он вновь посмотрел на эту роскошную женщину, наверное, страстную невероятно... Богданов развернул стул, жестом приказал официантке присесть. Она села спиной к танцующим, вопросительно глядя на него. Он достал сто долларовую купюру, показал негритянке и стал медленно просовывать под вырез белой блузки. Его пальцы касались ее мощной груди, вместе с купюрой ползли вниз, к соску, потрогали его, помяли... Он надеялся, что она вздрогнет, ахнет, вздохнет, не притворно, а по-настоящему, и тогда, может быть, что-то изменится в нем. Женщина должна вести себя адекватно, когда чужие пальцы касаются ее роскошной груди. Но она смотрела совершенно спокойно и глупо улыбалась.

Он вытащил руку, оставив купюру на груди официантки. Наверное, и здесь мир пропитался слухами о богатых и тупых новых русских.

— Спасьеби, сеньор раша, — сказала она.

— Пошла ты на хрен, — сказал он, властным жестом отсылая официантку прочь.

Потом залпом выпил виски и пошел в отель.

Не обнаружив босса на месте, Ира загрустила.

— Я же с ним говорил вежливо, — недоумевал Слава. — Ириш, все сделал, как ты сказала.

Она и сама это видела, слышала. Она сама предлагала Богданову еще потанцевать или вернуться в номер и заняться любовью. Он ушел один. Ну и что тут делать? Пугливая мысль о своем будущем снова прорезалась в ее голове. Какое оно будет, черт его знает! Придется ли снова побывать на этом сказочном острове — неизвестно. Ну так чего она себя ограничивает? Не хочет — не надо! Тем более он сказал, что она может делать все, что угодно. Вот и будет делать!

— Закажи мне еще выпивку, а потом пойдем танцевать, — сказала Ира.

— Какие проблемы? Ты просто чудо, Иришка!

Этой ночью Богданов проснулся от того, что вода с грохотом заполняла комнату. Она лилась в дверь лоджии, за которой колыхались прозрачные воды океана — от двери и до бесконечности. Он вскочил, встал на постели, а вода поднялась метра на полтора над полом и замерла. Она доходила ему до пояса, а под метровой толщей воды спала Ира, сегодня она вернулась очень поздно, и от нее особенно пахло французскими духами. Ее короткие волосы плавали в воде, как темные водоросли. Он лег на живот, подплыл к девушке, замер прямо над ней, потом нырнул, тронул ее за холодное плечо, желая разбудить, но она раздраженно дернула плечом и повернулась на другой бок.

— Я хочу спать...

Тогда он решил, что это ему снится, а раз так, тоже нырнет и ляжет рядом с ней. Почему бы нет, если она может спать под водой? Он нырнул, лег рядом и скоро почувствовал, что задыхается. Открыл рот, хлебнул соленой воды и в ужасе понял: он утонет там, где она спокойно спит! Вынырнул, стал с жадностью глотать воздух, плавая над кроватью.

В это время вода плавно пошла на убыль, опустила его на мокрые простыни. А потом они прямо на глазах стали сухими, как и весь номер.

Утром Ира, голая, забралась под одеяло к Богданову, уверенно стала возбуждать его.

— Не надо, деточка, я не хочу, — недовольно сказал Богданов.

Она капризно усмехнулась:

— Илья, что я должна сделать для тебя? Почему ты не обращаешь на меня внимания? Вчера убежал... Ну скажи, что ты хочешь, я все сделаю.

— Я знаю. Ты умница, деточка, но — иди на свою кровать.

— Илья, мы сегодня идем на яхте, будет очень интересно и весело, — сказала Ира. — Ты не возражаешь?

— Нет.

— А хочешь присоединиться?

— А ты хочешь этого? — спросил он.

— Ну-у... если ты будешь вести себя нормально, почему бы и нет? — неуверенно сказала она.

— Нормально — это как твои друзья?

— Это просто нормально. Отдыхать и веселиться. Ну почему ты стал таким странным, Илья?

— А если я тебя попрошу вести себя нормально, с моей точки зрения, то есть быть солидной, любящей, заботливой женщиной, которая думает только о своем пожилом друге?

— А я какая, по-твоему?

— Извини, я не хотел тебя обидеть. Просто сегодня ты спала под водой.

— Хочешь сказать, что я тебе изменила? Опять твои дурацкие подозрения? Мы просто гуляли, развлекались, пели песни, а ты ушел и даже не предупредил меня!

— Хочу сказать, что этой ночью комнату затопил океан, и я плавал над тобой, а ты спала.

— Илья, но это... очень странно все.

Он ничего не сказал, собрал пляжные принадлежности в сумку и пошел завтракать. Где-то в глубине души трепыхалась глупая надежда, что она откажется от путешествия на яхте, найдет его на пляже, попросит прощения и останется с ним. Хотя бы потому, что он ведет себя странно, сама же сказала. «Это ведь так просто — чтобы человек рядом был таким, каким хочешь его видеть, восхищал и восторгал знакомых, вызывал зависть подруг, надо иногда быть такой, какой он хочет тебя видеть, пусть даже тебе это не нравится (а ему нравится быть в угоду тебе клоуном?), понять, помочь, а потом снова радоваться жизни. Так просто...» Но эта надежда потому и была глупой, что скоро исчезла.

На яхте путешествовать с молодыми самцами, конечно, приятнее. Дура она, ничего не понимает... Это же все Киря организовал, чтобы его достать окончательно, а она думает, мужики и вправду без ума от нее. Глупая девка... Киря, которого он сделал состоятельным человеком, предал его. Романчук, который всем обязан ему, тоже предал. Как он мог трахать его телку, козел?! Ну да, ей нужны острые развлечения, молодая, страстная, пусть, но — Романчук! Он же, падла, пользуется такими льготами, которые другим и не снились! А никакого уважения. Иринка что? Она глупенькая, а эти козлы пользуются ею, чтобы свои делишки делать. Еще пару лет назад он бы поотрывал бошки козлам за такие дела, а теперь смотрел на все это как бы со стороны и грустно усмехался. На зоне были понятия, и тех, кто уважал их, не трогали. Он за этим следил. А козлов, которые никого не хотели уважать, опускали в два счета. Порядок был, умные люди понимали это, их он не давал в обиду. И все было правильно и понятно. А здесь... нет. Не уважают, считают, что можно трахнуть его телку, чтобы она позаботилась об отсрочке платежа. Да он бы и так отсрочил Романчуку, пусть бы пришел и прямо сказал о своих проблемах. Но нет, ему еще и Иринка нужна. За такой базар нужно отвечать, и ответят все, козлы паскудные! Он об этом уже позаботился.

Весь день Богданов провел на пляже с бутылкой виски в руке, а потом вернулся в номер и уснул, не помнил даже, когда она вернулась. Проснулся ночью и увидел ее рядом — она спала в грязных шортах и грязной футболке, видимо, тоже так устала, что не могла даже помыться и переодеться перед сном. Тошнотворный запах французских духов заполнял номер.

Он хотел разбудить ее, чтобы спросить, все ли нормально, тронул за плечо, но она лишь оттолкнула его руку и пьяным голосом пробормотала:

— Хватит, Слава, я больше не могу... Отстань от меня, пожалуйста...

И тут в дверь лоджии хлынула вода. Она поднималась все выше и выше, и он барахтался в пенных бурунах, поднимаясь под потолок и захлебываясь соленой влагой. А она все прибывала и прибывала.

Когда вода поднялась под самый потолок, он, чтобы не захлебнуться, нырнул в дверь лоджии, вынырнул на поверхность над лоджией, жадно вдыхая влажный воздух. И подумал, что надо отплыть в сторону, а потом вместе с водой опуститься на землю, может быть, это позволит понять, почему океан все время приходит к нему? Зовет, предупреждает, пугает?

Он отплыл метра на два от лоджии, и тут вода мгновенно исчезла. Между ним и асфальтовой дорожкой, отделяющей отель от пальмовой рощи, было восемь этажей.

Глава 13

Ира сидела в своем «предбаннике», растерянно хлопая длинными ресницами. Все здесь было как обычно, только... за дверью, обитой черной кожей, нет и никогда уже не будет босса. Ильи... Что с ним творилось в последнее время, она так и не поняла и, наверное, никогда уже не поймет. А вот то, что здесь долго не задержится, абсолютно ясно. Орехов уже вел себя как настоящий хозяин, хотя завещание Ильи должно быть оглашено через неделю после его смерти. Значит, через четыре дня. Да и что ей ждать от этого завещания? Даже если достанутся какие-то акции, Орехов все равно обдурит... Она ж в этом абсолютно ничего не смыслит...

Тоска прямо-таки жуткая. И Слава Костромин не звонит, уже должен был прилететь с Акульего острова. Да, наверное, он просто хотел получить... ее, получил и забыл обо всех своих обещаниях. Кошмар какой-то...

Орехов вошел в «предбанник» с сигаретой в зубах, остановился напротив ее стола.

— Хотите кофе, Кирилл Васильич? — испуганно спросила Ира.

— Ты совсем тупая, что ли, детка? У меня своя секретарша есть, она сделает все, что надо.

— Но вы ж теперь босс... — робко предположила Ира.

— Это верно. Поэтому и прошу тебя освободить место для моей секретарши.

— А как же я?

— Понятия не имею. Ты не нужна мне, детка, и не будешь работать в этой фирме. Это все, что я хотел тебе сказать.

— Кирилл Васильич... но на похоронах вы говорили совсем другое... — залопотала Ира.

— То — на похоронах. Ты угробила босса, шлюшка, тебя здесь больше никто не желает видеть. Думаешь, это я такой злой? Все так считают!

Ира чувствовала это. Люди в фирме смотрели на нее как... на врага народа, того народа, который трудился в офисе. Понятно, почему они все настроены против нее — Илья был добрым, помогал всем, кто просил, от Орехова ждать такого не следовало, потому народ и залился. Но ведь она не виновата, что Илья выпрыгнул из окна! Она пыталась, старалась, но он... Или все-таки виновата?

— Кирилл Васильич... может, разрешите мне пожить в его квартире или на даче? А то где ж мне... Дома однокомнатная квартира, у матери новый мужчина, я там совсем не нужна...

— Перебьешься. Живи где хочешь.

— Но Илья Ильич обещал мне...

— Я знаю, мы вместе обсуждали условия его завещания. Его семьдесят процентов акций делятся так — тебе двадцать, чтоб не бедствовала, мне сорок, чтобы прославлял его имя, десять сотрудникам, которые проработали не менее пяти лет. Про имущество я ничего не знаю, это его личное дело. Но я позабочусь о том, чтобы ты ни хрена не получала с этих акций. Продашь их мне, и по той цене, которую скажу.

— Кирилл Васильич... а куда ж мне теперь идти?

Красивый Слава Костромин, похоже, вряд ли позвонит... А Орехов, ну прямо злодей какой-то... И раньше чувствовала, что врет, когда говорит ей комплименты, но поступать так жестоко... Мог хотя бы позволить ей жить в квартире Ильи или на даче, пока не решит свои проблемы. Не позволяет... Гад самый настоящий!

— Скотина ты, понял?! — истерично выкрикнула она. — И не будет тебе удачи, потому что — подлый!

— А это уже не твоя забота, — усмехнулся Орехов. — Тебя тут нигде нет, насчет акций — договоримся позже. А сейчас — освободи помещение и сдай свой пропуск!

— В конце рабочего дня я швырну его тебе в морду, понял?! А пока... досижу! Ты еще не босс, так что — пошел вон, дурак! Завещание будет оглашено через неделю после смерти!

— А все и так ясно. Хочешь продлить агонию — попробайся. Сегодня я могу руководить фирмой из своего кабинета. Но ты все поняла. Тебя тут нет.

Орехов усмехнулся и вышел, а Ира растерянно смотрела по сторонам. Вот ведь как оно все получилось! Нет Ильи — и нет жилья, нет работы, нет будущего. Почему он выпрыгнул с лоджии их номера? Мог бы сказать хоть что-то, она бы позаботилась о нем, постаралась успокоить... Но он же абсолютно ничего не хотел! Раньше и танцевал, бывало, и пел в компаниях, а там, на острове, совсем ушел в себя. И что ей оставалось делать? Сидеть рядом и тоже молчать? А теперь все смотрят чертом, Орехов так прямо и сказал, не соврал... Скотина! Но что тут сделаешь? Теперь он хозяин.

Ира взяла трубку телефона, набрала номер.

— Боря, хорошо, что застала тебя. Знаешь, меня тут гонят, не знаю даже, где жить. Можно у тебя на даче перекаптоваться дня три, пока не огласят завещание Ильи?

— Иринка, я тебе сочувствую, извини, не мог приехать на похороны... Но этот козел Орехов!

Что он о себе возомнил? Звонит, требует, чтобы я немедленно вернул деньги за товар. Но ведь мы договорились с Богдановым — осенью, когда прибыль пойдет. Как это можно — нарушать договоренности?! Откуда я возьму эти деньги?

— Боря, мне жить негде. Потом решим твои проблемы. На даче у тебя можно четыре дня...

— Да как ты себе представляешь это? Живешь на моей даче, а туда вдруг приезжает жена... И что мне говорить в свое оправдание?

— Нельзя, да? Хотя бы сегодняшнюю ночь, завтра я постараюсь что-нибудь придумать.

— Я бы рад, но ты же понимаешь...

— Все понимаю, Боря, спасибо.

— Ира, а почему Орехов наглеет? Он уже точно босс, или есть варианты?

— Откуда я знаю, Боря... — с тоской сказала Ира.

Она положила трубку, задумалась. Деньги у нее были, снять квартиру не проблема. А сегодня-завтра можно переночевать в квартире матери. Придется, а что поделаешь? Ира опустила голову на свои ладони, лежащие на холодном столе, и горько заплакала. Открылась дверь, но она даже не подняла голову. Все ее тут ненавидят, ну и пусть!

Тяжелая рука легла на ее плечо. Ира подняла заплаканное лицо, увидела рядом с собой Мишу Волченкова.

— Кончай хныкать, Ирка, — сказал он. — Все будет нормально.

— Откуда ты знаешь, Миша? — зарыдала Ира. — Орехов сказал, чтобы я убиралась, даже на даче не разрешает пожить, пока найду себе квартиру...

— До оглашения завещания дача и квартира Ильи Ильича опечатаны. Тут я ничего не могу поделать. Поживешь на моей даче, там жена сейчас, ребенок, но уж потерпи. И сиди тут, до оглашения завещания ты хозяйка, понятно?

— Но Орехов приказал мне...

— Перебьется. Сиди и ничего не бойся.

— Как это, Миша? — захлопала ресницами Ира.

— Молча. Я сейчас поговорю с Кирей, все объясню ему. Он поймет, можешь не сомневаться.

Может, Орехов и поймет, но Ира ничего не поняла из того, что сказал Волченков. Однако была благодарна ему, хоть один человек предложил ей помощь, хоть один не смотрел на нее как на исчадие ада. Спасибо...

Волченков еще раз легонько хлопнул ее по плечу и вышел. Какая-то сила исходила от этого человека, но... что он может против хитрого Орехова? Тот, когда станет боссом, а в этом она не сомневалась, да собственно, никто в фирме не сомневался в этом, просто уволит Волченка или хуже того — подставит. Он это может запросто...

Между тем Волченков, шагая по коридору к кабинету первого зама фирмы, и сам не все понимал в теперешнем раскладе. Но в одном был уверен на все сто — босс его не подведет. И даже теперь, когда он погиб, все будет так, как сказал босс. Поэтому Волченков уверенно, игнорируя высоко поднятые ресницы роскошной блондинки, вошел в кабинет Орехова.

— Какие дела привели тебя сюда, Волчонок? — развязно спросил Орехов.

— Михаил Степанович меня зовут, будем взаимно вежливы, Кирилл Васильевич.

— Хорошо, будем. Ну и?

— Ира останется на своем месте до оглашения завещания.

— Это ты так считаешь?

— Да, я.

— Ну и зря. До оглашения завещания я тут главный, а ты уволен с сегодняшнего дня. Извини, Михаил Степанович, но я в твоих услугах не нуждаюсь. Как и в услугах той сучки, которая довела босса до гибели.

— Это не совсем так.

— Да? Свободен, Михаил Степанович, — с издевкой сказал Орехов. — Ты мне тут не нужен.

— Ошибаетесь, Кирилл Васильевич, позвоните нотариусу, у которого завещание босса...

— А что тут звонить? Все предельно ясно. Что бы там ни было в завещании, сейчас я хозяин компании. И ты — уволен.

— Все-таки позвоните, чтобы у нас тут никаких проблем не возникало.

— У нас?! — Орехов встал из-за стола, уперся взглядом в глаза Волченкова, но тут же отвел взгляд. — Хорошо, я позвоню. Но что это меняет?

Он взял трубку, нервно набрал номер. Волченков сел в кресло, с мрачной усмешкой наблюдая за Ореховым. Он верил боссу, как Господу Богу, и ничуть не сомневался, что теперь, выполняя его поручение, поступает правильно.

— Але, Мирослав Иосифович? — нервно сказал в трубку Орехов. — Добрый день, да, это я, Кирилл. Тут какие-то проблемы возникли... Да понимаю, четыре дня еще, но есть нахалы, которые... Что? Вот так, да? Но этого не было... Понимаю, понимаю. Да, не я составлял завещание, да... Но это же!.. Понял. Ничего не имею против, понял. Четыре дня потерплю. Спасибо вам, Мирослав Иосифович.

Волченков продолжал усмехаться. Он уже понял, что босс не обманул его, и он его не обманет, все сделает как надо. И все будет как надо, босс — он и после смерти босс, великий человек! А все эти Ореховы... фуфло.

— До объявления завещания ты остаешься начальником службы безопасности. Но только на четыре дня! — зло крикнул Орехов.

— Иру тоже не трогай, это моя просьба, — хмыкнул в ответ Волченков. — На четыре дня.

— О'кей, — согласился Орехов. — За это время подготовь документы для передачи новому начальнику службы безопасности фирмы.

— Нет проблем. Скажешь его имя?

— Потом скажу. Ты все подготовь, Михаил Степанович, а там разберемся.

— Какие возражения? Конечно, разберемся, — согласился Волченков. — Но Иру пока что не обижай, Кирилл. Это моя просьба, понимаешь, да? — еще раз, с нажимом, сказал он.

Орехов понимал. Раз уж босс внес изменения в свое завещание, еще и не те сюрпризы следует ожидать. Но в главном он был уверен — босс не мог оставить фирму ни на кого, кроме него. Это означало полный крах и банкротство, босс это понимал отлично. И решиться на такое просто не мог. Да и не имел права.

Волченков встал с кресла, ушел из кабинета, как уходят победители — без лишних слов. А Орехов призадумался, глядя ему вслед.

Ведь не случайно этот потенциальный убийца вел себя так уверенно. Знал об изменениях, которые босс сделал в завещании. Какие еще изменения сделал этот долбаный старикашка? Поди знай...

И даже не посоветовался с ним, с первым замом, которому всецело доверял! Ну и что это означает? Доверял, а потом перестал? Почему? Догадался, что это он, Орехов, организовал поездку симпатичных мужиков на Акулий остров? Чтобы окончательно достать босса? Откуда? Да нет, это уж слишком. Но придется потерпеть четыре дня этого Волчонка и эту сучонку в «предбаннике» кабинета, который он скоро займет. А ничего другого просто быть не может, фирма держится на нем одном. А эти козлы... ну пусть помаячат тут еще четыре дня. Он потерпит, а вот потом... Ну да это их личное дело.

Глава 14

Тихой мышкой Лана Романчук скользнула в квартиру, заперла дверь. Сначала заглянула в комнату детей — они спали, потом приоткрыла дверь спальни — муж лежал в кровати, смотрел телевизор.

— Все нормально, Боря? — спросила Лана.

— Нормально... — пробурчал Романчук. — За исключением того, что у детей нет матери, а у мужа — жены.

— Боря, ты же знаешь, что у меня контракт, я зарабатываю деньги...

— Ночью? О, власть искусства! Коварная, обольстительная власть. Нам, абсолютно простым и скромным аптекарям, лишенным воображения, ее не понять, — усмехнулся Романчук.

— Перестань паясничать, Боря. Это не смешно.

— Твои гонорары меня не интересуют, Лана. Я эти деньги зарабатываю за один день, — сказал Романчук, теперь уже серьезно. — И между прочим, сильно рискую. Ты могла бы внимательнее относиться к своему мужу, детям, семье.

Его назидательный тон разозлил Лану.

— Боря? Что все это значит?

— То, что слышала. Уже одиннадцатый час. Интервью твое давным-давно кончилось, а где ты была?

— Ты, аптекарь, много знаешь, как делаются интервью со звездами, да? — раздраженно спросила Лана. — Это тебе не аптечные киоски, посложнее будет!

Романчук презрительно усмехнулся:

— Лана, дорогуша ты моя, все твои интервью и гонорары на аптечных киосках держатся, так что... Не плюй в колодец, из которого пьешь. Хочешь возразить — попробуй.

— И не подумаю! — крикнула Лана. — Но то, что ты себе воображаешь, — полная чепуха, понял?!

Она закрыла дверь спальни и пошла в ванную. Он не имел права на свои гнусные намеки. Во всяком случае, сегодня. Да, она брала интервью у известного артиста, но тот оказался примерным семьянином, даже в ресторан потом не пригласил. Так почему же она дома вынуждена выслушивать от мужа всякие гадости? Это уж слишком!

В ванной было хорошо, упругие струи душа ласкали ее обнаженное тело, но в голове роились смутные мысли. Возвращаясь домой, она придумала отличное шоу на телевидении, что-то смутное крутилось в голове месяца два и вдруг обрело конкретные очертания, да такие конкретные, что хотелось тут же поделиться с кем-то своими идеями, может быть, поспорить, в споре не всегда рождается истина, но детали уточняются и конкретизируются — всегда. Хотела поговорить об этом с мужем, заодно и намекнуть, что для этого проекта нужен начальный капитал, разумеется, он вернется в виде денег от рекламы, и не просто вернется, а по меньшей мере утроится...

Поговорила! И надо ж такому случиться — именно сегодня, когда вела себя как образцовая супруга, он вздумал высказывать свои претензии! А раньше молчал!

Идиот. Все настроение испортил. А она размечталась: расскажет о своем проекте, потом устроит настоящее сексуальное пиршество, потом и о деньгах можно поговорить...

Лана выключила душ, вытерлась махровым полотенцем, надела ночнушку, халат и пошла в спальню. Еще злилась, но уже понимала: ссориться с мужем себе дороже. Значит, нужно как-то успокоить его. Непростая задача! Просто обнять — оттолкнет, он упрямый, и весь вечер будет окончательно испорчен.

Романчук мрачно смотрел на экран телевизора, и было понятно — все, что там говорят и показывают, его абсолютно не интересовало. Лана сняла халат, легла под одеяло.

— Борь, сегодня я беседовала с таким семьянином, он даже меня в ресторан не пригласил. Зануда жуткий. А поздно вернулась потому, что съемки были после спектакля. Он сова, понимаешь? До двенадцати спит, во второй половине дня репетиции, потом спектакль, и только после этого может выкроить час для интервью. Пришлось ждать, заодно и спектакль посмотреть, я его уже видела, но освежить детали никогда не мешает.

— Я понимаю, Лана.

— И все-таки злишься? Только честно, Борь.

— Нет.

— Знаешь, у меня появилась отличная идея...

— А у меня отличная головная боль.

— Проблемы? Расскажи.

— Богданов погиб, я тебе говорил об этом...

— Ну и? У тебя ведь там все схвачено.

— Да? Ты так думаешь?! — заорал Романчук, но тут же успокоился. — Ты с кем флиртовала до меня, не с Ореховым ли? Так он теперь хозяин. И знаешь, чего требует?

В любовном сериале героиня бы немедленно подумала, что отвергнутый любовник хочет вернуть свою даму, и оказалась бы права, но это был не любовный сериал, а обыденная российская действительность, поэтому Лане долго не пришлось раздумывать над ответом.

— Срочно заплатить по контрактам?

— Именно.

— Скотина! Богданов обещал ведь тебе отсрочку! — Лана и вправду негодовала, забыв о личных обидах.

Да кто он такой, этот Орехов?! Богданов ей всегда комплименты говорил, даже статьи ее почитывал, приятный был мужчина, а Орехов... Ну, встречались когда-то, и что? Она влюбилась в Бориса, честно сказала об этом Орехову, и они расстались по-хорошему. Что ж он теперь гадости делает?

— Богданова теперь нет, есть Орехов.

— Хочешь, я позвоню ему?

Сказала и тут же поняла, что сморозила глупость. Лет пять назад они встречались на его даче, но это было... совсем не то. И он тоже понял это. Дурацкое было свидание, и сама никакого удовольствия не получила, и поняла, что он тоже не в восторге. Что было — прошло.

— Себя предложишь, что ли? — усмехнулся Романчук.

— Нет, но у меня есть знакомые на телевидении, да и в прессе...

— Ну и что? По контракту я должен платить. Богданов пошел мне навстречу, но теперь это ничего не значит. Все договоренности с Богдановым аннулированы.

— То есть отправлены в анус?

— Именно.

— И ты теперь банкрот?

— Нет. У меня стабильная прибыль, в принципе могу отдать деньги, если затяну пояс, понимаешь, да? Но у Орехова много недоброжелателей, Богданова боялись и уважали, а его попытаются съесть. Хочу сыграть на этом.

— Нами рискуешь? Тогда не надо, Боря. — Лана придвинулась к мужу, обняла его грудь, поросшую рыжими волосами. — Я и про свой проект забуду... до лучших времен.

Романчук внимательно посмотрел на жену, усмехнулся, тоже обнял ее, коснулся пальцами коричневого соска, выскочившего из ночнушки, придавил его. Лана тихонько охнула.

— Я ничем не рискую. Но у меня есть записи переговоров с Богдановым. С его секретаршей. Я посмотрю, как он отреагирует на это. А потом... я знаю, что делать. И это опасно только для меня одного. Вас Орехов тронуть не посмеет.

— Ты думаешь?

— Убежден.

— Боря... я хотела рассказать тебе о своем новом проекте, с этим и мчалась домой, но теперь... Просто хочу сказать — я с тобой, понял?

Она не врала. Все было в их жизни, и сама изменяла, и точно знала, когда муж провел вечер с другой женщиной, но была семья, дети, дом, где она чувствовала себя хозяйкой и могла отдохнуть, расслабиться. Какая женщина захочет лишиться всего этого? Разве что сумасшедшая любовь к олигарху подвигнет на такое. Но у нее ничего похожего и не предвиделось, поэтому, как всякая умная женщина, она готова была защищать то, что есть. Свое, родное. А теперь вдруг почувствовала что-то вроде прежней страстной любви к Борису. Он и вправду ничего не жалел для нее, для семьи, а теперь какой-то придурок угрожает ему? Да пусть только попробует!

— Все будет нормально, Лан...

— Боря... Я ему глотку перегрызу, если станет наглеть.

Романчук довольно улыбнулся:

— Давно уже я не чувствовал тебя рядом, как сейчас. Ты красивая женщина, Ланка...

— Я всегда была рядом, Боря...

— Но — не такая.

— А ну его все на хрен, а?

Она прижалась губами к его губам и нащупала пальцами то, что хотела нащупать.

— Это верно... — пробормотал Романчук, и снова его рот был залеплен плотным поцелуем.

А что творили ее руки!.. Просто фантастика! Такую жену он давно уже не видел, не чувствовал...

* * *

Вячеслав Костромин и не собирался звонить Ире, она ему совершенно не нравилась. А теперь и страшновато стало, ее папик-то оказался крутым мужиком. И каким-то странным. Вначале разобиделся, а потом взял и сиганул с восьмого этажа отеля. А ведь Макс говорил, что папик сам попросил, чтобы кто-то держал его телку в тонусе, ухаживал и все такое. Сам-то уже старый, не справляется с нагрузками... И сама телка рассказывала, что он спокойно относится к тому, что она встречается с другими парнями. Чего ж тогда обиделся? А сиганул... Рассказывала и про то, что странный он в последнее время, какой-то подавленный. Все так и было, Макс его не подвел, но и видеться с подозрительной телкой ни к чему, даже если б и «подсел» на нее. У него была подружка, шепутная девица Сюзанна, два года уже вместе — свободная любовь. Почти как у папика с секретуткой, только намного интереснее. После встреч с другими партнерами и партнершами обсуждали самые пикантные подробности, и это так заводило — просто жуть!

Вот ей он и позвонил, сидя в кабинете своего маленького офиса (но с секретаршей).

— Ты куда подевался, придурок? — сердито спросила Сюзанна.

— Отдыхал в тропиках, Сюзи... не Кватра, но я не сожалею об этом.

— Какого хрена без меня?

— Извини, так нужно было. Приятель попросил, не смог отказаться. Но думал только о тебе.

— И трахался там с негротянками, да?

— Нет. Один только раз, с нашей соотечественницей, это было нужно для дела.

— Ублюдок!

— Сюзи, но думал о тебе. Она... полное ничтожество по сравнению с тобой. Я уже забыл о ней, честное слово. Ну так что, я у тебя, или как?

— Точно одна была?

— Точно.

— Одну могу тебе простить. Тем более нашу, дебильную. Но за поездку в тропики без меня отработаешь по полной программе.

— Какие дела? А у тебя сколько мужиков было за время моего отсутствия?

— Двое. И оба — козлы. Накачанные, как Шварценеггеры, а толку — ноль. Способны продержаться минуту, а потом — совершенный аут. Ну просто полный привет!

В телефонном разговоре они еще немного сдерживали себя, а вот когда встретятся!..

— Сюзи, я тебе тоже прощаю двух. Но расскажешь мне все в деталях.

— А чего тут прощать, Слава? Я сама себя доставала потом, пальчиками. И думала о тебе. Единственный нормальный мужик, он где? Сдернул, даже не позвонил, козел!

— Я козел?

— Ну не я же! И не в том смысле, а в другом. Понял?

— Ну, если в другом... ладно, могу быть и козлом. Так я у тебя в десять?

— Попробуй только опоздать!

— Ладно... я выезжаю. Сюзи, готовься к настоящему сексуальному сражению.

— Всегда готова, мой козел.

— Понял, моя козлиха. Нет, все-таки — козочка.

— То-то и оно!

Костромин положил трубку, довольно потер ладони. Сюзи была все та же, она его ждет, она будет... И это главное. Очень хотелось забыть то, что было на Акульем острове с туповатой шатенкой Ирой. Странные дела, ну да хрен с ними. Он согласился выполнить просьбу Макса, своего давнего друга, и выполнил. Отдохнул за чужой счет, да еще и трахнул в общем-то симпатичную бабенку. А что потом случилось... Да на хрен ему нужно все это? Костромин закурил, ткнул пальцем в кнопку внутренней связи:

— Мила, скажи Грише, пусть заводит.

Через пять минут сигарета «Мальборо» догорела в пепельнице. Костромин встал, одернул пиджак и направился к двери.

— Мила, все, можешь двигать к своему парню, — сказал он секретарше. — Извини, что задержал, сама понимаешь, прилетел, нужно было с делами разобраться... Компенсирую.

— Спасибо, Вячеслав Авдеевич, — сказала девушка. — Завтра, как обычно...

— Приезжай к двенадцати, я буду не раньше. Отдохни, выпишись после классного секса. Рассчитываешь на него?

— Вячеслав Авдеевич...

— Понял, все понял, Мила. А я рассчитываю на нее. Более того, уверен, что проявит все свои способности, поэтому завтра в двенадцать.

— Хорошо, Вячеслав Авдеевич, — потупив очи, сказала девушка.

Нормальный расклад. Своих сотрудниц он не трахал из принципа. Но разговорами себя не стеснял. Какой кайф, когда баба не может послать тебя (а просто обязана это сделать) и лишь кокетливо кивает. Настроение после такого разговора — то самое! А если точнее — готовность на все сто.

Костромин вышел из офиса, сел в «мерседес», который уже ждал у подъезда.

— На Можайку, Гриша, к Сюзи, — сказал он водителю.

— Понял, Вячеслав Авдеевич, — ответил пожилой мужик с обвисшими усами. И включил двигатель «мерседеса».

— Завтра подъедешь за мной в двенадцать, — сказал Костромин.

— Понял.

— Ну вот и отлично.

Костромин откинулся на мягкую спинку сиденья, прикрыл глаза, представляя, как встретит его Сюзи. Это будет не просто встреча, а... избавление от всех напряженных дум, связанных с происшествием на Акульем острове. Обалденный рассказ о никудышных Шварценеггерах и ночь истинных удовольствий!

Да в самом деле, он ведь не думал, не гадал, что па-пик сиганет с восьмого этажа. Из-за него? Вряд ли. А все другое его просто не интересовало. Его мелкая фирма (три бензоколонки, доля в магазинах рядом) успешно существовала, денег хватало на женщин и все, что с ними связано. И живет он так, как сам хочет жить, а на все остальное — плевать!

Мощная машина плавно мчалась по Кутузовскому проспекту в сторону Можайского шоссе.

— Без меня лучше было, Гриша? — спросил Костромин.

— Нет, не лучше.

— Что так? Зарплата у тебя сохранялась, а времени свободного было больше.

— Если бы! Я ж вашего главбуха возил, Евгения Юрьевича. А он не то что вы. На работу привези, а потом жену доставь в магазин, то один, то другой. Так понравилось в «мерсе» кататься, что каждый день требовала машину. С вами все намного проще и понятнее. Да и возить этих толстых жен...

— Ничто человеческое нам не чуждо, — усмехнулся Костромин. — Он хороший мужик, толковый, да тюфяк. Жена из него веревки вяжет.

— Если б только веревки! Она из него, по-моему, уже свитер связала, напялила на себя и носит, — дал волю своим чувствам водитель.

— Ладно, Гриша, не обижайся на мужика. Ты-то свою тоже нет-нет да и доставляешь на моей машине, куда она хочет.

— Не каждый же день...

А вот и Можайка. «Мерседес» свернул влево, покатыл, сбавляя скорость, вдоль домов. Осталось метров двести, потом еще налево, во двор дома, а там почти рядом подъезд дома, где жила Сюзи, роскошная, зеленоглазая разведенка, которой муж, американский миллионер, выплачивал солидные алименты, согласно брачному контракту. Костромин не сомневался, что Сюзи выскочила замуж только ради брачного контракта, а потом устроила такое «семейное счастье» супругу, что он почел за благо платить двадцать тысяч баксов в месяц и держаться от нее подальше. Ну и правильно сделала, теперь они могут встречаться без всяких проблем.

Костромин все же опасался, что могут быть какие-то проблемы в связи с гибелью папика на Акульем острове. Поэтому и намеревался отправить в подъезд Гришу, чтобы посмотрел, нет ли там подозрительных личностей.

Намеревался, но не успел. Оранжевое пламя вырвалось из-под сиденья, заслонило знойным маревом весь мир. Оранжевое марево, колышущееся перед глазами, — последнее, что увидел Костромин. Водителя Гришу вынесло вместе с левой дверцей. Он тяжело упал на асфальт метрах в пяти от машины, захрипел от страшной боли, но тут же, в шоковом состоянии, вскочил на ноги, повернулся к машине. Оранжевое пламя бушевало в салоне «мерседеса», а на

переднем сиденье еще дергалось тело босса. Гриша завопил, потерял сознание и упал на асфальт.

По Можайке мчались машины в сторону области, в одной из них сидел человек, который нажал на кнопку, вроде как включил телевизор, только это был не телевизор. И — поди знай, в какой именно из тысяч машин сидел этот человек!

Глава 15

Ира неуверенно перешагнула порог неброского загородного дома — двухэтажный бревенчатый особняк, по сравнению с дачей Ильи — довольно скромный. Вот ведь как все повернулось! Жила в свое удовольствие, имела все, что хотела, а теперь... ни своего жилья, ни работы. Деньги еще есть, но надолго ли их хватит? Уже не в первый раз подумала, что нужно было попросить Илью купить ей хотя бы однокомнатную квартирку. Но... как попросишь? Еще подумает, что хочет там постоянно встречаться с кем-то, ведь в его городских и загородных владениях все было к ее услугам. Илья как-то обмолвился, что оставит ей или квартиру в Москве, или дачу. Разве можно было просить о своей квартире? Это ведь означало — не верить ему!

Теперь и квартира, и дача опечатаны, и неизвестно, перепадет ей что-то или нет. Скорее всего нет, ведь она чувствовала себя виновной в гибели Богданова. Именно после той ночи, когда она впервые отдалась Славке Костромину, он упал вниз... На что ж тут надеяться?

Не на что.

— Давай, Ира, не стесняйся, — сказал Волченков, легонько подталкивая ее в спину. — Проходи. Алиса, это Ира, секретарша босса. Она пока что поживет у нас, я тебе говорил.

— Да, конечно, Миша, — сказала невысокая черноглазая женщина в спортивном костюме. — Проходи, Ира, чувствуй себя как дома.

Ира отметила про себя, что слово «босс» Волченков произнес так, будто Илья был жив. Слезы навернулись у нее на глаза. А тут еще младший сын Волченковых, десятилетний Игорь, выскочил из комнаты, уставился на нее.

— Спасибо, Алиса... — шмыгнув носом, произнесла Ира.

Волченковы, каждый из супругов, были раза в два старше ее, но так уж повелось, что Миша повсюду сопровождал Богданова, и если она босса называла просто «Илья», то и главного охранника — просто «Миша». Он не возражал.

— Игорь, ступай в свою комнату, займись там чем-нибудь, — строго сказала Алиса, обняла Иру за плечи и повела на второй этаж. — Пойдем, я тебе покажу твою комнату, поживешь у нас, пока не решатся все проблемы. А там видно будет.

На втором этаже ей предоставили вполне приличную комнату с большой кроватью, телевизором и чистым постельным бельем.

— Осваивайся — и давай вниз, на кухню, поужинаем, — сказала Алиса. — Ванная тоже на первом этаже, туалет там же. Покажу. Но сперва — надо подкрепиться.

— Спасибо, Алиса... — еще раз поблагодарила Ира, села на кровать и всхлипнула.

— Осваивайся, ты у настоящих друзей, и спускайся вниз, жду тебя на кухне, — повторила Алиса и вышла из комнаты.

В любой семье могли возникнуть проблемы, если бы муж привел в дом симпатичную молодую девушку, но не в этой. Алиса отлично знала, кто такая Ира, а еще лучше — кто такой ее муж. Ему она доверяла на все сто, о других мужчинах даже и не думала. Не одобряла Иру, которая жила с престарелым боссом, но теперь по-своему, по-женски, понимала ее. И сочувствовала. Было у девушки все, а теперь — одни проблемы. Не хотела бы она оказаться в такой ситуации. А ведь могла, знала, чем занимается ее добрый, заботливый муж, примерный семьянин на службе. Да Бог уберегал до поры до времени, спасибо ему. Но теперь, после неожиданной гибели Богданова, все может случиться. Ну так чего ж не посочувствовать?

Ира успокоилась, подправила косметику, пострадавшую от слез, и спустилась вниз. На кухне ее ждала тарелка с курицей и рисом, салат из свежих огурцов и помидоров и бокал сухого красного вина.

— Подкрепляйся, — сказал Волченков, поднимая бокал. — Выпьем не чокаясь, в память босса. Царствие ему небесное!

Ира выпила вино, съела немного салата, куриную ножку, на рис уже сил не было.

— Миша, я не хочу идти на службу, Орехов на меня смотрит как черт на ладан... — сказала она.
— Лучше побуду тут с Алисой, если она не возражает, помогу по хозяйству.

— Это его проблемы, Ира. До оглашения завещания еще четыре, нет, уже три дня ты имеешь право работать. Как и я, кстати. Имеем полное право создавать напряжение этому козлу, который виноват в гибели босса.

— Ты думаешь, это он?..

— Я точно знаю это. Но ты не бери дурного в голову, приходи и работай.

— Как работать, Ми-и-ша? — заплакала Ира. — На меня все чертом смотря-ят...

— А ты не думай об этом. Плевать на то, как они смотрят. Главное — верь в босса, он не даст нас в обиду, даже после своей гибели.

— Ты думаешь?

— Не сомневаюсь. Мы с ним были много лет вместе. Это человек старой закалки, он своих не бросает в беде. Мы с тобой свои, понятно?

— Нет, но все же мне страшно...

— Ты поешь, Ира, может, еще чего хочешь? — сказала Алиса.

«Хорошие они люди, — подумала Ира, — настоящие друзья. Вон, Боря Романчук даже свою дачу побоялся предоставить ей на несколько дней. А эти... И вправду — хорошие». Но есть не хотелось. И вообще, устала она...

— Спасибо, Алиса, Миша. Можно, я пойду?

— Конечно, — с готовностью сказала Алиса. Обняв девушку за плечи, показала ей все нужные комнаты в этом доме и оставила у лестницы на второй этаж.

К своей комнате Ира добралась сама. Идти в душ не хотелось, даже раздеваться не хотелось, легла в постель в трусах и лифчике, все же чужой дом. И хоть друзья они, хозяева этого дома, а не хотелось. Уже и сама не помнила, когда в последний раз не принимала душ, перед тем как лечь, и спала в трусах, но... Что поделаешь?

Бокал вина не успокоил, только разбередил воспоминания, и чтобы отвлечься от них, Ира включила телевизор. Сосредоточенно переключала каналы — фильмы, если не сначала, смотреть было не интересно. Сериалы — тем более. На одном из каналов шли последние новости, ну, пусть будут они, хотя надоело уже все это — то пожары, то наводнения, прямо кошмар какой-то.

«— Только что получено срочное сообщение о чрезвычайном происшествии на Можайском шоссе, — сказала элегантная дикторша. — Там был взорван «мерседес», принадлежащий бизнесмену Вячеславу Костромину. Бизнесмен погиб, его водитель доставлен в Институт Склифосовского, его жизнь вне опасности».

«Бизнесмен погиб... Так, значит, Славку убили? Убили... А кто это сделал? Тут и сомнений никаких быть не может. Миша Волченков, Волчонок, Илья все же позвонил ему и приказал...» Так вот почему он уверенно сказал, что не она виновата в смерти Ильи! Все-таки позвонил...

Господи, как все это страшно! Получается, она живет в доме убийцы? А что еще остается делать...

Ира выключила телевизор, уткнулась лицом в подушку и заплакала. Славка не позвонил, его убили, значит, все знают о том, что случилось на Акульем острове. И с ней могут поступить так же, как с виновницей...

Что-то подсказывало ей — так не поступят. Но легче от этого не становилось, и она плакала, уткнувшись лицом в подушку.

На сером экране компьютерного монитора теснились черные цифры. Борис Романчук неплохо освоил бухгалтерскую программу и теперь просчитывал на компьютере возможные потери при той или иной ситуации. Оно, конечно, лучше обойтись без потерь, но если не удастся, нужно знать, как минимизировать их.

Окно в комнате было открыто, плотный, горячий, липкий воздух заплывал с улицы. Похоже, дело идет к дождю, вон, как парит, и небо сплошь темно-серое. Ну так скорей бы начался, хоть чуток свежее бы стало. Капли пота текли по голой груди Романчука, поросшей рыжими волосами. Душно... И окно не закроешь, еще хуже будет, кондиционер он установил только в спальне, чтобы не потеть и не мерзнуть, чувствовать себя комфортно при любой погоде, это ж спальня. Потом планировал сделать то же самое у детей, но все не получалось, «звонкое» имя популярной критикессы Ланы требовало постоянной подпитки, дабы не стало «глухим», ну и приходилось...

Правда, вчера вечером она сильно удивила его. Во-первых, потому, что не стала требовать денег и упрекать его, во-вторых, сказала, что немного уже заработала и готова отдать эти деньги ему, все, сколько есть. И в-третьих... Ну, это было самое приятное. Черт побери, да с такой женой он бы даже и на Ирку не смотрел, не говоря уже о своих продавщицах. Давно уже не чувствовал себя так хорошо в собственной спальне. Мысль, еще вчера днем казавшаяся

идиотской — жить с одной только женщиной, — ночью обрела реальные очертания. Потому как а зачем другие, если Лана минувшей ночью была лучше всех остальных, вместе взятых?

Вполне законный вопрос.

Но самое главное — когда это случилось. В период сложностей, проблем и возможных перемен отнюдь не в лучшую сторону. И раньше случались такие ситуации, правда, не совсем такие, все же Богданов доверял ему и даже помогал, но было, было... Так Лана злилась, устраивала истерики, орала, что он не достоин ее, знаменитой критикессы, что она задыхается, живя с «дебильным аптекарем». Как будто «дебильный аптекарь» не оплачивал ее знаменитость! Он терпел ради детей, но поставил на жене крест как на женщине. Она мать, ну вот и пусть будет, а наслаждение можно получить с другими женщинами. И получал его, где только можно было.

Оказывается, не только мать его детей, друг, который подставил плечо, но еще и обалденная любовница.

Как поется в песне: «Ну вот теперь сиди и думай...». Что это было, очередной каприз знаменитой критикессы или согласие с тем, что дом, семья держатся исключительно на его деньгах, как и ее знаменитость, или... вдруг поняла, что любит его и не хочет потерять?

Так сразу и не скажешь...

Романчук поддернул тренировочные штаны — прилипли к вспотевшим ногам. Ну и духота... Он встал поздно, в половине одиннадцатого, когда Лана уже отправила детей в школу, принял душ, позавтракал овсяной кашей с клубникой (жена приготовила, постаралась) и отправился в свою небольшую, семиметровую комнату работать. Да что-то не очень работалось. Духота и всякие разные мысли...

Лана вошла в комнату, остановилась у стола, внимательно глядя ему в глаза. В белом брючном костюме она смотрелась просто замечательно.

— Боря, дебет с кредитом не сходится?

— У меня есть бухгалтер, плачу ей неплохо, но... хочу понять, что да как будет в том или ином случае.

Она наклонилась, порывисто поцеловала его в губы.

— Мне с тобой было очень хорошо, милый мой бухгалтер.

— Мне тоже. Ты сумасшедшая баба, Ланка. Я даже...

— Что?

— Честно? И не мечтал уже об этом.

— Мечтай, Боря, мечтать никогда не вредно.

— Понял.

Он обнял ее за талию, еще раз прижался губами к ее чуть припухшим губам.

— Мне нужно на телевидение, потом в журнал, но буду тебе звонить постоянно и сообщать о

своих передвижениях.

— Это лучше, чем о своих телодвижениях, — пошутил Романчук, но тут же понял, что неудачно.

— Ты не веришь мне?

— Лана, будь со мной, будь всегда, это все, что мне хочется сейчас. Ночью ты была обалденной женщиной, утром хорошей матерью, потом — заботливой женой, накормила меня.

— Так накормила, что на неделю хватит?

— А этим разве можно насытиться? Ночью «накормила» так, что уже хочется еще и еще.

Она довольно усмехнулась:

— Мне тоже. Боря, я помчалась, ты не теряйся, тоже звони мне на мобильник, я правда волнуюсь за тебя. Постараюсь вернуться так быстро, как это возможно. Не потеряешься?

— Постараюсь.

— Душно, правда? Наверное, дождь пойдет... И пожалуйста, будь осторожен. — Она чмокнула его в щеку и пошла к двери.

Романчук облизывал пересохшие губы, глядя на ее широкие ягодицы, царственно качающиеся под белой тканью легких брюк. В мыслях было только одно — догнать, овладеть, хотя бы увидеть... Но он сдержал себя. Только тяжело вздохнул, когда Лана вышла из квартиры.

Цифры на экране монитора стали чем-то абстрактным. Ну да, понять нужно, но... Следует и что-то делать, не только просчитывать возможные убытки. А они уже налицо, «проблемные» препараты нельзя покупать у Орехова. Подставит запросто. И вообще, с фирмой, которой руководит Орехов, дел нельзя иметь. Он ведь не простил ему того, что увел Ланку. Когда жив был Богданов, сопел себе в две дырочки, а теперь, пожалуй, захочет отомстить... Ну и как тут быть? Уже сейчас ощущается нехватка психотропных средств, спрос громадный, а кончились. И получать новую партию нельзя. Подставит, падла, Орехов! А как быть дальше? На одних только легальных лекарствах не выедешь. Делать надо что-то, делать! Неужели Орехов так силен? Богданов был действительно большим боссом, его признавал и уважал весь криминальный мир Москвы. А Орехова? Вряд ли его станут уважать, как Богданова. А люди в фирме так же преданы Орехову, как Илье?

Вот это и следовало выяснить. Романчук взял трубку радиотелефона, набрал номер, долго ждал, откинувшись на спинку кресла на колесиках.

— Волченков слушает, — раздался наконец в трубке мрачный голос.

— Миша, привет, Романчук тебя беспокоит. Слушай, ты тоже так считаешь?

— Что, Боря? — Голос немного стал мягче.

— Что Орехов может послать на хрен все наши договоренности с Ильей Ильичом? Я ведь планировал бизнес исходя из обещаний босса, а он никогда не нарушал своего слова.

— Это верно.

— Но Орехов все послал к едрене фене! Ты будешь наезжать на меня, Миша? Требовать, чтобы выполнил желание Орехова? Или — как это понимать?

— Я на тебя не буду наезжать, — категорично заявил Волченков. — Но проблемы возникнуть могут. Давай-ка встретимся, обсудим этот вопрос. Подъезжай к метро «Кропоткинская» примерно... через час.

— Через два, Миша. Духота жуткая, я весь вспотел, нужно хоть душ принять.

— Я не баба, принимаваться к тебе не стану.

— Но я должен принять душ.

— Лады, через полтора часа, засекай время, Боря.

Романчук согласно кивнул, положил трубку и помчался в ванную. Уже то, что Миша Волченков хочет поговорить, внушало надежды на лучшее. На самом деле вторым человеком в фирме был именно Миша... при Богданове. А теперь что? Ну вот это и нужно выяснить.

Через полтора часа Романчук сел на переднее сиденье «ауди» Волченкова, пожал холодную, сухую ладонь — в машине работал кондиционер, — запоздало сообразив, что собственная ладонь была влажной, духота давала о себе знать.

— Похоже, дождь будет, — сказал Романчук.

— Давно пора, достала эта погода, — мрачно ответил Волченков.

— Ну и что за дела у вас творятся, Миша?

— Да все пока нормально. Народ ждет, когда будет оглашено завещание босса, а он хотел, чтобы это было сделано через неделю после его гибели. Я понимаю его, толковый мужик, прикинул, кто как взлетит и кто как рухнет, после того как узнает его волю. Все ждут.

— Вы ждете, а Орехов уже сейчас наезжает на меня! Требует немедленно проплаты по контракту. Но мы ведь договорились с Ильей Ильичом, он обещал подождать до осени.

— Я знаю про это. Но сам не уверен, что босс все сделал правильно в своем завещании, в последнее время у него были заскоки. Нужно подождать, Боря.

Это заявление неприятно удивило Романчука. Если даже Миша Волчонок не знает точно, что там написал босс в своем завещании, то... могут случиться всякие сюрпризы.

— Как это — подождать? Миша, он требует немедленно вернуть деньги. А где я их возьму? Мы же договорились с Богдановым, и это была устная дружеская договоренность! Ирка может подтвердить.

— Потяни время. Кстати, если Орехов решит всерьез наехать на тебя, ко мне за помощью не обращайся, меня он тоже хочет выжить из фирмы. И тут наклеивается интересный вариант.

— А что в нем интересного?

— Много, Боря, много.

— Говори, Миша.

— Скажи, что завтра хочешь встретиться с ним на даче, пусть приедет сам или пришлет своих людей. Сам не приедет, моих на такое дело не пошлет. Значит, обратится к другим.

— А что я ему скажу на даче?

— Ничего.

Романчук с удивлением уставился в холодные (тут уж кондиционер был ни при чем) глаза Волченкова.

— Объясняю, — продолжил тот. — Встречу назначь поздно вечером, часов в одиннадцать. Уже стемнеет, а при такой погоде точно Кирия сам не приедет, а для тех, кого он подпишет на это дело, — самое то.

— Что — то?

— Выбить из тебя бабки. Он к тебе по-особому относится, знаешь почему, да?

— Знаю, — кивнул Романчук. — Так ты хочешь, чтобы он из меня выбил...

— Нет. Слушай меня внимательно, что нужно будет сделать.

Романчук слушал внимательно. Вначале с настороженностью, потом одобрительно кивая, под конец довольно улыбнулся, хлопнул Волченкова по плечу:

— Отличный план, Миша!

Глава 16

Орехов плохо спал этой ночью. Да еще и с женой поругался. Достала его своими придирками, капризами. И в ресторан не хотелось, с блондинками общаться, чтобы потом трахать жену, ибо этого тоже не хотелось. Почему-то вспоминалась странная сотрудница органов, у нее, наверное, и звание имелось. Ну а самая главная причина его нервозности — дикое напряжение перед оглашением завещания Богданова. Крутой был старичок, много чего повидал на своем веку и в людях разбирался отлично. Потухший был какой-то в последнее время, но... может, проверял его, Орехова, на вшивость? И проверил...

Ночью позвонил Макс, сообщил о гибели Костромина, главного героя-любовника на Акульем острове. Не случайно все это, не случайно... Понятно, что убийство Костромина — дело рук Волчонка, но как это доказать? Как намекнуть хотя бы на это? Может быть, снова встретиться с блондинкой из ЧК? (Так он именовал структуру, в которой она служит, потому что каждый раз, даже мысленно, выговаривать ее название сложновато.) Неплохая идея, да и приятная. Он должен перед ней извиниться, даже после того, как понял — выполняла задание. Не обижался, ибо чувствовал, красивая молодая женщина почему-то поверила ему. И она не из тех, кому можно вешать лапшу на уши, а потом с улыбкой прощаться. Не из тех вовсе не потому, что служила в ЧК, по другой причине. Так сразу и не объяснишь ее, даже самому себе...

А Оксану с дочкой и гувернанткой нужно отправить на дачу. Какого черта она торчит в Москве? Ну, в общем-то понятно, ждет, как разрешится ситуация, тоже нервничает... Достала уже! Все, пусть собирается и уматывает к чертовой бабушке. Там трехэтажный кирпичный дом со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами, просторный двор, дачный поселок

охраняется, хотя за детьми, едущими по ухоженным улочкам на электромобилях и электромотоциклах, чинно ездят мрачные охранники на дешевых велосипедах. Там сосны, свежий воздух...

Орехов взял трубку, набрал домашний номер.

— Оксана, собирайся, поезжайте на дачу.

— Я не хочу. Ты узнал, что в завещании?

— Это не телефонный разговор. Я сказал — собирайтесь. Машину с водителем пришлю.

— Киря, с какого времени ты стал мне приказывать? Что все это означает? — закричала Оксана.

— Тут сложная ситуация, мне нужно сосредоточиться.

— А мне?! Сидеть и ждать, когда тебя пошлют на хрен?! Ты этого добиваешься?

— Как ты смеешь говорить со мной в подобном тоне?

— А вот так! Не каждая дура будет терпеть такого мужа, импотента хренова! А я терплю! Но не для того, чтобы он мне указывал, как себя вести и что делать!

— Если сама не уедешь, люди вывезут тебя на дачу. Оксана, не дави мне на психику, она и так на пределе!

Орехов не совсем понимал, какие люди могут силой заставить его жену уехать на дачу, уж люди Волчонка точно откажутся выполнять этот приказ, но все же сказал.

— Не забывай, дорогой, у нас брачный контракт! — зло выкрикнула Оксана в трубку.

— Вот с ним и останешься. Ну, готовься, я высылаю машину.

Он отдал нужные распоряжения секретарше, подпер поникшую голову кулаками. «Импотент, да? Ну что ж... в каком-то смысле она имеет право говорить так. Но могла бы и промолчать. А вот же — брякнула... Жена. О брачном контракте напомнила, спасибо тебе, дорогая. Квартира в Москве останется тебе и десять тысяч баксов ежемесячно будешь получать. На эти деньги можно довольно-таки прилично жить: прислуга — тысяча, квартира и подземный гараж — две тысячи, еще семь остается на питание и обмундирование. Проживет, и довольно-таки неплохо. Правда, все это действует до тех пор, пока Оксана не выйдет замуж или не заведет себе любовника. В церкви ведь венчались, клялись быть рядом до гроба, в счастье и горести. Но про контракт она не забыла, настояла на нем. Ну, теперь получай то, что хочешь. Найдешь себе нового мужа — квартиру освободи, и алименты будут начисляться с официальной прибыли. А это раз в двадцать меньше. Заведешь любовника — то же самое, у меня хватит средств, чтобы нанять детективов, которые будут отслеживать каждый ее шаг. Ну, пусть попробует!»

Так думал Орехов, и не было в его мыслях ни чувства вины, ни чувства сожаления по поводу угасшей любви. Ее-то и не было в их жизни, может быть, поэтому свою дочку он брал на руки всего-то несколько раз. И несколько не грустил по поводу возможного расставания.

Прямой городской зазвонил так резко, что он даже вздрогнул. Подумал — жена, с опаской взял трубку.

— Привет, Кирилл, это Романчук тебя беспокоит.

Объявился, козел! Вот с этим человеком он в первую очередь хотел свести счеты. И сведет, чего бы это ни стоило!

— Что скажешь, Боря? Деньги приготовил?

— Ты извини, но в последнее время проблемы...

— Я это уже слышал!

— Кирилл, я предлагаю встретиться, поговорить. Завтра, на моей даче, в одиннадцать вечера.

— Ты как себя чувствуешь, Романчук? Не перегрелся?

— Приезжай, Кирилл, поговорим, я тебе все объясню, а если не договоримся — ну что ж... отдам деньги.

— Ты их приготовил?

— Это крах мой фирмы, и вообще... Может быть, мы договоримся? — жалобно пробубнил Романчук. — Я тебе все объясню... Мы все же не первый год сотрудничаем, и я, как могу, приношу вам прибыль. Зачем же разорять такую фирму?

Орехов не только разорить, а и уничтожить физически этого козла готов был. Только сил для этого не было... при Богданове. Но очень скоро появятся, и он!..

— Я не разоряю тебя, Романчук, просто требую соблюдения условий контракта. Должен — плати.

— Кирилл, вот об этом и поговорим. Ты почти хозяин фирмы, должен доверять мне... как партнеру. Мы с Богдановым всегда обговаривали эти дела, и он ни разу не пожалел об этом. Я честно выполнял свои обязательства, но... после разумной коррекции. Это всем было выгодно.

— Я хочу навести элементарный порядок в наших делах, — жестко сказал Орехов. — Если не договоримся, ты платишь мне все деньги по контракту, которые должен?

— Но это разорит меня, Кирилл...

— Платишь или нет?

— Да, конечно, я ведь обещал, но надеюсь...

— Ладно, завтра в одиннадцать я буду у тебя на даче. Адрес знаю, не беспокойся. Все, пока.

Орехов не видел и видеть не мог, как хохотал Романчук, положив трубку. Он думал, стоит ли соглашаться на добровольное банкротство фирмы Романчука или нужно его подставить с партией запрещенного товара? Подставлять было сложно, особенно в его теперешнем положении ни два ни полтора, а вот разорить сейчас, пока не оглашено завещание Богданова, — отличный ход. Как говорится — то, шо надо. Правда, оглашение завещания ничего не может изменить в корне. Пятнадцать процентов акций у него, семьдесят у Богданова, но по трудовому соглашению, заверенному у нотариуса, в случае гибели Богданова ему автоматически (независимо от завещания) переходит половина акций босса. Тридцать пять процентов. Плюс его пятнадцать — вот уже пятьдесят получается. Плюс одну акцию он как-нибудь найдет. Но

это при самом худшем раскладе, если в завещании Богданов вообще не упомянул его или отписал меньше половины своих акций. Так что фирма уже принадлежит ему, что бы ни завещал Богданов. Вообще-то, согласно завещанию, Богданов оставлял ему сорок процентов. И как бы ни хорохорился Волчонок, скоро, очень скоро вылетит отсюда раз и навсегда!

— Кирилл Васильевич, к вам Баранов, — послышался из пластиковой коробки томный голос секретарши.

Наверное, тоже хотела перебраться поскорее в другой кабинет, где тупо сидит, ничего не делает телка Богданова. Недолго ей ждать осталось.

— Пусть войдет.

Баранов, как всегда, был предельно ясен и предельно зануден. В течение десяти минут он говорил о том, что Новобуковский комбинат пытались трясти, пришла директива из Москвы, но все было предусмотрено, документация в порядке, взятки местным ментам увеличили, и они угомонились, отрапортовали, что все нормально. А машина с незаконными препаратами — досадное недоразумение, и оно никак не связано с химкомбинатом. Вероятнее всего, местный криминалитет к этому причастен. Так и отрапортовали.

— Какое у тебя мерзкое имя, Миша... — хмыкнул Орехов.

— Какое есть. А чего тебе не нравится в нем?

— Слово «Миша». Так же зовут одного козла, врага нашего злейшего.

— Волчонка имеешь в виду, что ли?

— Ну.

— Так он к делам не имеет отношения, и вообще — не в курсе. Охраняет, караулит, людей куда надо посылает. У него свои дела, Кирилл...

— Мне бы твою беспечность, Миша. Ты сильно ошибаешься, недооценивая его возможности. Но я все держу под контролем, так что проблем не предвидится. В любом случае я стану хозяином фирмы, ты займешь мое место и получишь мою долю от прибыли фирмы. Это не солидная прибавка, это прорыв к совсем другому образу жизни.

Впервые за долгие годы Баранов посмотрел на бывшего друга с уважением и даже с подобострастием. Доля Орехова — это и вправду совсем не то, что он имеет от каждой заключенной сделки! Ради такого можно и нужно постараться выглядеть достойным преемником Кирилла, а то ведь и передумать может.

— Кирилл, ты же знаешь меня не первый год...

— Именно. Поэтому и обращаюсь к тебе с деликатной просьбой. Найди солидных бандитов для разговора с одним должником. Жесткого разговора.

— А разве бандиты бывают солидными?

— Миша! Мне нужны люди для разговора с должником! Не соображаешь, да? Если он отдаст бабки, которые должен нам, они привезут их в фирму, если нет — пусть вытрясут их из него или сделают так, чтобы на следующий день сам принес с извинениями. Что тут сложного?

— Кирилл! Конечно... Я знаю таких людей, мы же постоянно работаем с партнерами, у них тоже есть свои... солидные... Ладно, я поговорю.

— Волчонку и его людям я не поручил это, объяснять почему — не нужно?

Баранов отрицательно качнул головой.

— Вот и хорошо. Сделай, Миша, и твое имя не будет напрягать меня. А твоя жена будет облизывать тебя каждый день за блага цивилизации, которые предоставишь ей.

Баранов на мгновение замялся, ибо не знал, что ответить. Его жена и так вполне устраивала его, а если появятся новые возможности, неизвестно, как она себя вести станет. Но тут же сориентировался, согласно кивнул:

— Все понял, Кирилл. Ближе к вечеру люди выйдут с тобой на связь, чтобы обговорить условия.

— Обговори их сам. Завтра в одиннадцать вечера люди должны быть на даче Романчука. Знаешь такого?

Баранов тяжело вздохнул, снова задумался.

— И возьмут деньги, которые он нам должен. Время сам назначил, деньги обещал вернуть. А если откажется возвращать долг — пусть накажут чувака. Вопросы имеются?

— Да все понятно, Кирилл. Но пока не оглашено завещание босса, какие-то гарантии...

— Ты придурок, Миша! — заорал Орехов. — Какие гарантии, если я тебе растолковал весь расклад? Что тут непонятного?!

— Есть, Кирилл, я все понял, бу сделано.

Орехов с облегчением вздохнул, откинувшись на спинку кресла и глядя, как Баранов покидает кабинет. Все нормально, это сработает. Даже если босс и подложил какую свинью ему, Романчука он разорит. Уничтожит этого чувака как личность. Давно хотел такого, теперь можно. И он сделает это. Доконает козла, который когда-то встал на его пути.

Душно было в кабинете. Ольга Романова оторвала взгляд от монитора своего компьютера, с тяжелым вздохом посмотрела в сторону вентилятора, гоняющего по комнате влажный, жаркий воздух.

— Не помогает... А ведь обещали кондиционеры поставить... — сказала она.

Юрий Пылюков сидел за своим столом, двумя пальцами медленно печатал свои предложения по дальнейшей работе.

— Обещанного три года ждут, — сказал он. — Да и на хрена им стараться для рядовых следователей, главное, чтобы у начальства кондиционеры работали. Они и работают. Им же нужно в форме быть, чтобы с важным видом выслушать наши идеи, или одобрить, или отвергнуть, или... посоветовать продумать отдельные пункты более тщательно!

Все еще злился на начальника отдела, быстренько объявившего ему выговор за действия против уважаемой фармацевтической фирмы, которые не были санкционированы

прокуратурой. Может быть, даже считал, что начальник берет от Богданова. Ольга так не думала, на месте начальника она бы тоже влепила Юрке выговор за подобную глупость. Мог бы сообщить ей, санкцию получили бы в течение часа, тогда и действуй! А он поперся напрямик в офис Орехова! На что, интересно, рассчитывал своей кавалерийской атакой?

— Сам станешь начальником, тогда, я надеюсь, и установишь кондиционеры в кабинетах сотрудников, — сказала Ольга.

— Не стану, зря надеешься. Ну что это за дерьмо! Предложения им нужны! Какие, на хрен, предложения, если все кругом куплено! Что за хренотень присылают эти новобуковские менты?! Ничего не обнаружено, не определено, груз лишь номинально принадлежит Новобуковскому химическому комбинату, а на самом деле такой продукции комбинат не выпускает. А кто ее выпускает?! В частной квартире построили цех по производству психотропов?

— Не кипятись, Юра, и так душно, прямо жуть.

— А как тут будешь спокойным? Дураку понятно — их дела, только все куплено! Нужно посылать свою опергруппу, нужно все начальство новобуковское — на хрен! Иначе — ничего не сделать. Вот и все предложения!

— А доказательства у тебя есть? Хоть какие-то? Ни водитель, ни экспедитор, ни сама машина отношения к комбинату не имеют. Груз и документы получили в центре города, за тысячу рублей каждому согласились доставить.

— Получатель-то указан верно.

— С чего ты взял? Могли указать проще: «Москва, Кремль». Склад как-то связан с фирмой Богданова? Нет? У тебя есть хоть какие-то доказательства?

— Да отстань, Оль! Ты же сама прекрасно знаешь, что этот сучонок Орехов обвел нас вокруг пальца. И психотропные препараты произведены на Новобуковском комбинате, они довольно высокого качества, практически ничем не уступают импортным.

— Из сырья, которое применяется на комбинате. А это не одно и то же. Сырье может закупаться и другими юридическими лицами, а может быть украдено с комбината. Современное оборудование тоже можно купить, чтобы штамповать таблетки, умельцев у нас достаточно, безработных гениев от докторов наук до завлабов — тоже.

— И это мне говоришь ты?! — возмутился Пылюков.

— Это говорит тебе судья, если Орехов подаст иск в суд о защите чести и достоинства его самого и уважаемой фирмы. Что скажешь в свое оправдание, гражданин Пылюков?

— Отстань, Оль, и без тебя тошно.

— То-то и оно. А у меня есть очень интересные данные.

— Хочешь добить бедного следака?

— Хочу ободрить.

— Ну, это ты могла бы сделать другим способом.

— Перебьешься. Так вот, взорванный вчера на Можайке бизнесмен Вячеслав Костромин был вместе с Богдановым на Акульем острове. Ну, не вместе, а в то же самое время. Приехал чуть позже, прилетел тоже... вчера. Тебе это ни о чем не говорит?

— Ну и что? Богданов, мы же выяснили, в последнее время был в депрессивном состоянии, видимо, допер, что удовлетворить молоденькую секретаршу не суждено, а больше никаких радостей в жизни нет, и... Там даже уголовного дела не было заведено. Несчастный случай.

Ольга загадочно усмехнулась:

— Юрик, девица вернулась из круиза в тот вечер, когда Богданов выпрыгнул с восьмого этажа, сильно поддатая. А с кем она была в этом круизе?

— С кем?

— Со Славой Костроминым, это я узнала от следователя Генпрокуратуры, который вылетал на Акулий остров.

— Повезло мужику! Слушай, а нас когда-нибудь командируют хотя бы в Сочи, а?

— Это была женщина. А кто такой Слава Костромин?

— Кто?

— Друг хозяина престижной сауны «Ауэриале» Максима Петренко, который, в свою очередь, является другом Орехова.

— Ну и что? — не понял Пылюков.

Ольга не успела ответить, на столе зазвонил телефон внутренней связи. Она взяла трубку:

— Да? Кто? Какой Орехов? Кирилл Орехов? Да... Ну... да, пропустите. Ко мне. Жду. Он должен... да.

Она бросила трубку, схватила сумочку, принялась торопливо рыться в ней. Нашла пудреницу с зеркальцем, губную помаду, выложила на стол. Пылюков с мрачной усмешкой наблюдал за всем этим.

— Юра, пожалуйста, прогуляйся, пока я буду говорить с Ореховым, — сказала Ольга, подкрашивая губы.

— Все еще хочешь в Турцию задаром, вернее, за определенные услуги?

— Идиот! Ты был у него, ты... сам все испортил! И теперь, если он хочет что-то сообщить по поводу гибели Богданова, при тебе не станет. Пожалуйста, Юра, удались.

— А губы зачем красить?

— Чтобы выглядеть соответственно! Я кто, по-твоему, женщина или просто следак? Ты можешь исчезнуть, Юра?

— Дуры вы, бабы, — с тоской сказал Пылюков. — Сидели бы дома, детей воспитывали...

— И не надейся! — сказала Ольга, поправляя прическу.

Орехов был в белом костюме, под пиджаком — синяя футболка, ну да, у него же везде кондиционеры: в машине, в кабинете, — можно и в костюме ходить по такой духоте... Он приблизился к столу Ольги, положил на него три крупные ярко-красные розы:

— Это вам, Оля. Я хотел бы извиниться за тот дурацкий спектакль, что устроил в ресторане.

— Да и вы меня извините, — холодно сказала Ольга, — коли знаете, кто я и зачем там была. С чем пожаловали?

— С извинениями, разумеется. Оля, я вдруг понял, что мне абсолютно плевать, кто вы, чем занимаетесь. Мы — честная фирма, весьма известная в Москве. Но дело не в этом. Я хотел бы загладить тот инцидент и пригласить вас в ресторан. Какой — выбирайте сами.

Ах вон оно в чем дело! Он понял, что они тоже поняли, и решил активно воздействовать на развитие ситуации! Подумал-подумал и пришел... «с извинениями»!

— Нет уж, господин Орехов, пока еще — господин, — жестко сказала она. — Коли явились, так поговорим о делах... вашей фирмы, меня она очень интересует.

— Да Бог с ней, Оля. Понимаете... Ну, вы знаете, что я немного странный в общении с женщинами, этому есть причина. Один козел увел мою любимую...

— Меня это совершенно не интересует.

— Да, разумеется. Но вы нечто большее, чем просто женщина. С вами я бы не стал больше встречаться ни с кем.

— Это не разговор, Орехов! На Акульем острове был некий Костромин, и не просто был, а ухлестывал за секретаршей Богданова. Вчера его взорвали на Можайке. Замечаете следы?

Орехов побледнел, вынул из нагрудного кармана шелковый носовой платок, вытер вспотевшее лицо, скомканный платок сунул в боковой карман пиджака.

— Оля... я не понимаю, о чем вы говорите...

— А я понимаю. Максим Петренко — ваш друг, Костромин — его друг. Не видите связи? А я вижу и могу вас взять под стражу. Хотите?

Он пожал плечами:

— Разумеется, никто этого не хочет. У вас есть основания для подобных угроз, или, как ваш липовый дружок, привыкли действовать незаконно?

— Я не угрожаю, а просто спрашиваю.

— Отвечаю. Костромина знаю, то есть поверхностно знаком. О его гибели знаю, Макс сказал. А где и с кем он отдыхал — понятия не имею. Далее, за секретаршей Богданова никто не мог, как вы сказали, ухлестывать. Покойный босс время от времени разрешал ей поразвлечься на стороне, сам одобрял кандидатуру. Надо полагать, не стоит объяснять почему?

Он успокоился, говорил неторопливо, вежливо. А Ольга невольно усмехнулась, когда подумала, что они там все извращенцы, наверное.

— Далее, секретарша Ирина Евсюкова не допускала никаких ухлестываний, — уверенно продолжал Орехов. — Понимаете, кем был Богданов, тем более для нее. Она не совсем дура, чтобы гневить такого человека. А теперь, будьте добры, объясните: при чем тут я?

— Не хотите говорить?

— Мне кажется, что прекрасный вечер в ресторане я провел совсем с другой женщиной. Извините, Оля, за визит, можете арестовать меня.

— Вы так уверены в себе, Орехов? — разозлилась Ольга. — Смотрите, пожалеете!

— Да, именно так. Я готов. У вас есть наручники? — Орехов протянул к ней руки.

— Убирайтесь отсюда! — с ненавистью сказала Ольга. — Я не желаю вас больше видеть. — И после короткой паузы добавила: — А то, что было в «Барке-С», забудь, Орехов.

— Там все-таки что-то было?

— Я сказала — пошел вон!

Орехов встал со стула, развел руками:

— Оля, там вы были настоящей, я ничуть не сомневаюсь в этом. А здесь... Ну ладно, извините. Телефон мой имеете, скажите только, что хотите поужинать со мной, и я брошу жену, брошу фирму, все брошу и весь лягу к вашим красивым ногам. Это правда, Оля.

Он резко повернулся и вышел из кабинета. Ольга растерянно смотрела ему вслед.

Глава 17

Дождевые капли сыпались с неба, ленивые, будто не хотелось им покидать теплую тучку. Игошев шел домой, держа за руку дочку. Раз уж он безработный, то должен исполнять какие-то домашние обязанности, дабы не обременять тестя с тещей. А именно — вовремя забирать Настю из садика.

— Папуль, вот скажи мне, дождь — это ангелы писают, да? — спросила Настя.

— Глупости какие! — сказал Игошев. — Ангелы не писают вообще. Они служат Богу, понимаешь?

— А у нас мальчики говорили, что это ангелы писают, — упрямо сказала Настя.

— Не слушай глупых мальчиков. И не повторяй их idiotских рассуждений, прошу тебя, Настюша.

— Хорошо, пап, не буду. А тогда что такое этот дождь?

— Благодать. Было ведь жутко душно, а теперь посвежело, дышать стало легче. Вот и все.

Дождь усилился, Игошев и Настя, держась за руки, припустили бегом к дому. Оказавшись в своей квартире, Игошев повел девочку в ванную, вытер ее волосы полотенцем, да и сам тоже вытерся. А потом отправился на кухню, нужно ведь было на ужин что-то сообразить, а вдруг

Настя есть захочет? В садике, понятное дело, кормят, но дома хочется домашней еды.

— Пап, я хочу бутерброд с сыром, — минут через пять сказала Настя.

— Посмотрю, есть ли у нас сыр... — сказал Игошев, открывая холодильник. — Кажется, есть. Сделаю тебе бутерброд, а ты пока поиграй на компьютере.

— Принесешь, ладно? Я уже играю, нажала на паузу.

— Вот так, да? Во что играешь, если не секрет, моя принцесса?

— В «Доот», мне очень нравится.

— А мне — нет. Настюша, ну почему ты играешь в такие жестокие игры? Есть же вполне симпатичные «ходилки»...

— Пап, ну ты же сам говорил — не повторяй idiotских рассуждений, — серьезно сказала девочка. — Раз мне нравится это, почему я должна играть в другое?

— Действительно, почему?.. — пробормотал Игошев. — Ладно, Настюша, ты играй, а я тебе бутерброд сварганю. Кстати, как насчет ужина?

— Когда мама придет.

— Договорились.

Он сделал бутерброд с сыром, отнес его дочери, которая яростно «мочила» компьютерных монстров. Что поделаешь, время такое. Настя слышала об этой игре в садике и, конечно же, сама хотела в нее поиграть. А как откажешь любимой дочурке? Да это просто невозможно. Вот и терпи теперь, папаша...

Телефон зазвонил неожиданно, трубка лежала на кухонном столе, Игошев сразу взял ее:

— Да?

— Привет, Андрей, сто лет не виделись. Это Борис тебя беспокоит, Романчук. Помнишь еще такого?

— Да в общем-то... помню, — сказал Игошев.

— Слушай, старик, давно не встречались, надо бы повидаться, ты как?

— Думаешь, надо? — настороженно спросил Игошев.

Он не совсем понимал смысл этого звонка. Раньше были вроде как друзьями, часто встречались семьями, то шашлыки организовывали, то барбекю, у Романчука на даче, у него дома, но... Последнее время он не звонил, а Лана отвечала, что нет дома. Понятно, человек не хотел общаться с бывшим другом, ну и ладно. Имеет полное право, он вроде как состоятельный господин, что ему бедные журналисты? И вдруг позвонил...

— Понятное дело. Слушай, тут есть деликатный момент... Но только между нами, мужиками, лады?

— Слушаю, Борис.

— Извини, что долго не звонил, дела, дела... Но вопрос в принципе простой. Хочется встретиться с тобой, поболтать, выпить, а потом и с девушками позабавиться, есть у меня две красотки, увидишь — ахнешь.

— Даже и не знаю, что сказать... — засомневался Игошев.

— Слушай, это мое извинение за долгое молчание, понимаешь? Оторвемся на полную катушку, без жен, с девочками! А что еще мужик может предложить другу, мужику? Ну?

— Ты меня ошарашил, Боря...

Игошев с трубкой в руке ходил от плиты к холодильнику и не мог понять, что все это значит. Романчук хочет устроить мальчишник с девочками? Ну, ничего удивительного тут нет, с его-то возможностями — какие проблемы? Тем более что у него самого отношения с женой сейчас более чем прохладные. Ленка постоянно злится... И все кругом — полное дерьмо, одно только солнышко светит — Настя, но что он может предложить ей? Оставил себе на сигареты, остальные деньги отдал жене... Хотелось, конечно, купить ей многое, да как? А у Ленки на уме только одно: «Чего сидишь? Бегай, крутись, деньги зарабатывай!» И получается — он дурак, неудачник...

— Чего молчишь? Завтра подъезжай на дачу к половине десятого. С ночевкой. Я шашлыки замариную, посидим как люди, потом, если хочешь... А не хочешь — какие проблемы?

Игошев хотел, уже хотел.

— Ладно, Боря, я в принципе не против.

— Значит, договорились. Завтра вечером жду тебя. К половине десятого. Есть?

— Есть. Буду завтра. Как Лана?

— Да что Лана? Сам, наверное, видишь, у нее все в порядке, маячит на экране, бабки зарабатывает. Но больше | тратит на свой имидж. Понимаешь, да?

Игошев понимал, ох как понимал Романчука!

— Договорились, Боря. Завтра буду, — сказал Игошев.

Понял он еще и другое — на этой встрече можно будет заикнуться о своих сценариях, вдруг да Романчук поспособствует, чтобы Лана пробила их. Сам бы никогда не позвонил с такой просьбой, но если Романчук звонит и приглашает на дачу, почему бы и не намекнуть ему на это дело, пусть возьмет себе двадцать процентов авторского гонорара, как литагент, с десятисерийного фильма это совсем неплохая сумма.

Чем больше Игошев думал о завтрашней встрече, тем больше преимуществ видел в ней. А то, что там будут незнакомые дамы... Ну, пусть будут. По ходу дела решит, что с ними делать.

— Пап, куда ты будешь завтра? — спросила Настя, прибегая на кухню.

— Куда будешь? Интересное словосочетание, — улыбнулся Игошев. Подхватил девочку на руки, закурился с ней на тесной кухне. — Один приятель позвонил, попросил приехать.

— Куда?

Игошев не сомневался, что Настя обязательно скажет об этом матери, но поскольку не хотел пока раскрывать карты, чтобы Лена не приставала с вопросами, что такое случилось с Романчуком, если позвонил, да и с ним самим, согласившимся вдруг, соврал.

— Да тут недалеко, третий дом за твоим садиком. Ты скажи мне, стрекоза, ужинать будем или маму подождем?

— Конечно, подождем. Потому что я еще не наигралась, а ты сделаешь все не так вкусно, как мамуля.

— Это верно, — со вздохом согласился Игошев.

А в это время Романчук сидел в своей квартире, ожидая жену, и довольно потирал ладони. Он даже бутылку коньяку открыл, дабы не скучно было ждать. Интересную игру задумал Миша Волчонок! Главное, сам-то он ничем не рискует, а вот Орехов продемонстрирует свои истинные намерения. Это потом обязательно пригодится. И ему, и Мише, которого Орехов уже пытался внаглую убрать из фирмы, да не получилось. Но уберет, если станет хозяином фирмы, а по всем раскладам так оно и должно было случиться. Только тогда можно будет с ним разговаривать. За это следовало выпить рюмочку-другую. пусть в одиночестве, но Лана звонила, обещала скоро приехать. Ох, Лана! Вот что значит умная женщина! Он даже не поехал сегодня проверять свои аптечные киоски. Послал бухгалтера.

Джип «тойота» остановился у кирпичного двухэтажного особняка, перед ним остановился белый «мерседес», из которого вышла Оксана Орехова, решительно зашагала к мраморным ступенькам. Гувернантка сидела на заднем сиденье джипа, прижимая четырехлетнюю перепуганную девочку. Тоже открыла дверцу, неловко стала выбираться.

— Какая муха ее укусила, Саша? — негромко, чтобы, не дай Бог, не услышала хозяйка, спросил водитель. — Вся на нервах, орет, прямо как...

— Не знаю, — нейтрально ответила гувернантка. — Я в их дела не вмешиваюсь.

И правда — не вмешивалась. Воспитывала девочку, которая любила ее куда больше, чем родителей, получала за это приличные деньги. Все остальное ее не интересовало. Она уже вышла из машины, когда водитель сказал громче (Оксана вошла в дом и не могла его слышать):

— Сволочная она баба!

Ответа не последовало, и он со вздохом вытащил из машины две огромные сумки, одна с вещами Оксаны, другая с вещами девочки, гувернантка свою сумку несла сама, и поплелся за ними следом.

В доме Оксана протянула гувернантке тысячу долларов:

— Саша, составьте список продуктов, все, что нужно на ближайшую неделю вам и Феонке, Вадим сейчас поедет, забьет вам холодильник. Если останутся деньги — используйте их на занятия в фитнес-центре, ходите в кафе-мороженое, в общем, вы знаете, что делать.

— Конечно, Оксана. Полный отчет по расходам я вам предоставлю.

— Саша! За два года работы с вами я настолько привыкла к вам, что верю... больше чем всем

остальным. Никаких отчетов, но, возможно, вам придется несколько дней прожить тут с ночевкой. Я не знаю, как сложатся у меня дела...

— Конечно, Оксана, конечно. Я взяла необходимые вещи.

— Ну вот и отлично. С едой на меня особо не рассчитывайте, не знаю, где и когда буду питаться.

Оксана поднялась на второй этаж, в спальню, легла на широкую кровать. Он все-таки отправил ее в почетную ссылку! И что это значит? Боятся, что Богданов приготовил сюрприз в завещании? Или хочет утаить капиталы, которые перепадут ему? Если так, то, согласно контракту, ее алименты в случае развода увеличиваются. А у Богданова было много денег, очень много. Столько, что у старика поехала крыша — все есть, а приходится кушать кашку и даже на послушную секретутку только смотреть, может быть, облизывать. Козлы они самые настоящие!

А может, все дело в этой сучке, на которую Киря запал? Не случайно же бормотал: «Оля, Оля...» Только дура не поймет, что это значит! Хочет притащить ее домой? Пусть только попробует! Гад самый настоящий, импотент убогий, а как разговаривал с ней сегодня! Ладно, она потерпит, подождет, что будет после оглашения завещания. А потом выставит ему счет!

Оксана достала из сумочки мобильник, набрала номер.

— Привет, Руслан, я сегодня свободна.

— Ну и где, дорогая, только скажи, я буду.

— На Арбате, в казино. Поиграем?

— С тобой играть, слушай, одно удовольствие. Все сделаю, буду ждать, дорогая.

— В восемь вечера. Жди, понял?

— Как не понять? Приедешь — все к твоим услугам. Очень буду ждать, Оксана.

— До встречи, Руслан.

Оксана еще минут десять валялась на кровати, потом спустилась вниз. Гувернантка уже составила список, водитель уехал за покупками, а девочка теребила женщину за рукав и требовала, чтобы они пошли гулять. Оксана не возражала.

Когда Вадим привез продукты, сама запихала их в холодильник и отпустила его. Оставшись на кухне совсем одна, села на пластиковый стул новомодного дизайна, призадумалась.

Пыталась понять, что значит для нее муж, Кирилл Орехов, и скоро поняла — только деньги. Больше ничего.

В семь вечера, облачившись в белый брючный костюм, Оксана спустилась вниз, обняла дочку, хотела ее поцеловать, но та сердито оттолкнула ее:

— Отстань, я — Сашина, понятно?

Гувернантка лишь руками развела, показывая, что она тут ни при чем. Оксана улыбнулась ей — мол, все нормально — и пошла к своей машине. С одной стороны, обидно, что ребенок не

признает в ней матери, а с другой — хорошо, что он в надежных, профессиональных руках. Эта сорокалетняя Саша — просто находка для нее и для девочки.

— Саш, я в Москву по делам, вернусь поздно, а может, совсем не вернусь. Так что — хозяйничайте тут.

— Не волнуйтесь, Оксана, все будет нормально.

— Когда с Феонкой вы, я никогда не волнуюсь. Пока-пока!

Теперь и здесь моросил мелкий дождь, и, перед тем как выйти из дома, Оксана раскрыла зонтик, хотя машина стояла у самого крыльца. Но нельзя же было допустить, чтобы на белом костюме оказались пятна дождевой влаги, а вдруг не успеют высохнуть за время пути?

Села в «мерседес», посмотрела на окно гостиной. Оттуда махала ей гувернантка, желая счастливого пути. Рядом с кислым видом стояла дочка. Нет, правда, повезло ей с этой Сашей — москвичка, с высшим образованием, педагог, готова подстраховать в любой ситуации. А как девочка ее любит! Надо бы ей премию дать, тысяча баксов — вполне нормально, да только... Сначала нужно решить свои проблемы. Оксана уезжала с улыбкой на губах, уверенная в себе, в своих силах, в своем будущем.

Именно в этом не уверена была Ольга Романова, прогуливаясь под летним дождем у своего дома. Нужно было прогуляться, собраться с мыслями. Какая-то раздвоенность возникла в душе. Юрий Пылюков слишком зло иронизировал по поводу визита Орехова, когда тот ушел, а он вернулся в свой кабинет. Никакого результата не было, а чего тогда приперся этот козел? Может, снова хочет пригласить ее в ресторан? Так оно и было, но говорить об этом Пылюкову она не стала.

А что, если он действительно пришел извиниться? Цветы принес... Она их выбросила в мусорную корзину. Но этот мужчина был для нее... Был для нее. Откуда возникло это чувство? Непонятно. Уж сколько мужиков подкатывались к ней, какие золотые горы обещали — и сосчитать трудно. А этот что-то затронул в ее душе. Жалкий мужик, дефективный в главном своем качестве, но... Веселый и богатый. Хочет бросить все к ее ногам? Это может быть хитрый трюк после ареста машины с контрабандным товаром, да нет, она не чувствовала этого. Он был искренен, это понятно. Разумеется, ни на какие его посулы она реагировать не собиралась, но думала о нем, думала! Скоро он станет боссом крупной, очень прибыльной фирмы, как тогда запоет? Уверена была — так же. Но почему? А вот тогда и ясно будет, кто он такой на самом деле. Хочет бросить... А если это правда?

Дождь не кончался. Зонтик спасал ее от теплых капель, а вот от грабителей — нет. Они появились неожиданно в темном участке двора, двое. Один — худой, с длинной скучной рожей — щелкнул выкидным ножом, острие которого уперлось ей в грудь.

— Сумочку, телка, и тихо! Вякнешь — продырявлю.

Ольга безропотно отдала свою сумочку. Лезвие ножа отдалилось, но грабители и не думали убегать. Выбросили на асфальт косметику, шарили в поисках кошелька или кредитных карточек, а когда снова посмотрели на перепуганную телку, лишились дара речи. На них смотрела суровая женщина с пистолетом в руке. С недавних пор сотрудникам их службы разрешили повседневное ношение оружия. Если в Думе обсуждается закон о легальном владении оружием всеми гражданами России, то сотрудникам такой спецслужбы сам Бог велел

обладать им днем и ночью.

— Ножи на асфальт! Поднять косметику, сложить в сумочку, — жестко приказала Ольга. — Не дергаться, стреляю без предупреждения по коленям, это серьезно. И очень больно. Некоторые умирают от болевого шока, но это их проблема.

— Да ладно, слушай, мы пошли... Все оставим... — пробормотал худой, роняя нож.

— Делай, что сказано, козел!

Распахнутая куртка показывала и подплечную кобуру. А это значит — нарвались на очень большие неприятности ребята! Пока они суетливо засовывали в сумочку рассыпанную косметику, Ольга позвонила по мобильнику, и через несколько минут у дома тормознула машина ПМГ. На запястьях грабителей щелкнули наручники. Ольга показала свое удостоверение.

— Хотите поехать в отделение, составить протокол? — спросил милиционер.

— Да нет, ребята. Объясните им, что так поступать нехорошо. Как следует объясните, можете?

— Какие проблемы! Сделаем все в лучшем виде, коллега. Какое ваше звание?

— Капитан.

— А я старший сержант. Слушай, капитан, может, встретимся?

— Когда станешь хотя бы лейтенантом, я подумаю. А завтра проверю, какие меры вы приняли.

— Не надо, капитан. Можешь не сомневаться: меры будут такие — десятой дорогой будут обходить твой дом. Это я гарантирую.

— Спасибо, ребята.

Грабителей пинками затолкали в машину, грубо и жестко. Не было сомнений, что в отделении им подробно расскажут, как нехорошо нападать на одиноких женщин. Ольга медленно пошла к подъезду своего дома.

Глава 18

Казалось, совсем недавно она гладила на кухне белье, а муж сидел рядом и рассуждал про то, как потратить миллион долларов, если б он у них был. Теперь он гладил свои светло-серые брюки, а она стояла у двери, наблюдая за этим процессом. О миллионе долларов рассуждать не собиралась, отлично знала, что его нет и никогда не будет, а вот понять смысл действий мужа хотелось. Выглаженная рубашка висела на спинке стула, а на брюках появились такие стрелки, прямо хоть сыр ими нарежай! И вспомнить-то не могла, когда в последний раз гладил свои брюки, обычно носил джинсы, а их гладить не нужно. Но это еще не все! На Игошеве были новые трусы и майка, она этот комплект на день рождения подарила, до сегодняшнего дня так и лежал в гардеробе в заклеенном целлофановом пакете. А теперь, значит, понадобился? В половине восьмого вечера?

Ну и что это означает?

Настя сидела за компьютером, во что-то там играла, поужинали вроде бы нормально, а потом он надел новое белье и пошел на кухню гладить.

Лена уже не раз пожалела о том, что не сдержалась, когда Андрея уволили с работы. Он замкнулся, на все вопросы отвечал «да» и «нет» и целыми днями просиживал за компьютером, сочиняя что-то новое. А вечером забирал Настю из садика, гулял с ней или дома играли во что-то. Ночью... она не проявляла инициативы, ждала, что он сам повернется к ней, но увы...

А теперь, значит, куда-то собирается...

— Ну и куда ты намылился? — не выдержала Лена, а в вопросе явно чувствовался другой подтекст, а именно: «Для чего наряжаешься?» или даже: «Для кого?»

Игошев другой подтекст не понял или не захотел понять. Надел брюки, рубашку, тщательно застегнул пуговицы. И лишь после этого посмотрел на жену.

— К Романчуку на дачу.

— Хочешь, чтобы я поверила этой чуши? После всего, что ты говорил мне о Романчуке?

— Не веришь, позвони его жене, она должна быть дома. Вчера он сам позвонил мне, пригласил с ночевкой, сказал — шашлыки замаринует... Я согласился.

— Не ври! — сердито сказала Лена.

— Я же сказал, можешь позвонить Лане и все выяснить. У него выдалось свободное время, я вообще свободен, ну и почему не поехать, не пообщаться в сугубо мужской компании?

— В сугубо мужской, да?

— Именно так.

— Слушай, Игошев, ты совсем за дуру меня держишь, да? То слышать ничего не хотел о Романчуке, а теперь вдруг — с ночевкой! Вот так сразу поменялось твое мнение?

Игошев усмехнулся, развел руками.

— Многое поменялось в моей жизни. Если сам звонит и приглашает — нужно ехать, просто нужно, понимаешь? Глядишь, в разговоре за шашлыками намекну о своих сценариях, Лана подсуется, кому-то нужному покажет или порекомендует... Пусть даже ничего не возьмут, но хоть в «команду» пригласят, я согласен и на такое. Так что можешь считать, что еду на работу. Я ему не звонил, я его ни о чем не просил, но если он пригласил — глупо не использовать этот шанс.

— Глупо надевать новое белье, когда едешь непонятно куда с ночевкой! — крикнула Лена. — Чего ради Романчуку устраивать пикник на даче среди недели? Если уж приспичило — мог бы пригласить в свою квартиру, вместе с женой.

— У него дочка заболела. Живет на даче, сам себе хозяин, вот и решил пригласить меня. И все, Лена, все. Не доставай меня, дождь идет вторые сутки, а мне еще ехать черт-те куда. Не веришь — позвони Лане, она тебе все объяснит.

— Да пошла твоя Лана куда подальше! Кто она вообще такая? Кикимора, которая кривляется в телевизоре со своими идиотскими интервью!

— Поэтому она и нужна мне.

— Придурок!

Лена с негодованием выскочила из кухни, забежала в их комнату, которая служила и спальней, но там Настя играла на компьютере. Повернулась к ней, сказала:

— Мама, ты почему кричишь на папулю? Сама все время работаешь, а денег получаешь мало, а папа все мне всегда покупает. Не кричи на него.

Лена снова вернулась в коридор, остановилась в растерянности. Ее квартира вроде как чужой стала в одночасье. И на кухне ей нет места, и в большой комнате, что же, идти в комнату Насти? А там даже телевизора нет!

Ну и куда тут пойдешь?

Пошла в ванную, а что оставалось делать? Быстро наполнила ванну, разделась, легла в горячую воду. Дверь не заперла, надеялась, он все же зайдет перед отъездом, увидит ее такой, обнаженной и красивой, и ничего дурного не совершит. А может, и вообще никуда не поедет? Лежала в горячей воде, прислушиваясь к звукам в квартире. Вот к двери подошли Настя и Андрей.

— Папуль, а когда ты вернешься? — спросила дочка.

— Завтра, Настюша. Эта встреча нужна для того, чтобы заработать деньги и купить тебе все, что ты хочешь, — сказал Андрей.

— Я хочу новые ролики, а вообще... хочу электрический мотоцикл. У нас в садике ни у кого такого нет.

— Настюш, ты у меня не девочка, а прямо пацаненок какой-то, — со смехом сказал Игошев.

— Ну, папуль, я же современная девочка: — важно сказала Настя.

— Ладно, какие проблемы? Будем работать в этом направлении... в сторону электрического мотоцикла, чтобы ты была самой главной и крутой в своем садике. Я люблю тебя, малышка, пока.

Хлопнула дверь, ушел. Не заглянул в ванную, даже ничего не сказал на прощание! Ну ладно!

Лена выскочила из ванны, торопливо вытерлась, надела халат. Настя продолжала играть в компьютерные забавы. Так, значит, он будет на даче Романчука? Вдвоем с хозяином, что-то вроде мальчишника, да? Ну, это можно проверить.

Вдруг очень остро поняла, что любит своего мужа, поюточку, свою квартиру. И как бы ни было трудно, нот эта их жизнь — дороже всего на свете. Можно есть на ужин макароны по-флотски с мясом из щей, а потом заниматься любовью, можно просто гулять всей семьей в близлежащем сквере, и это так прекрасно! Можно... Да много всего, на велосипеде, например, кататься, то Андрей с Настей, то она, виляя, едет, сопровождаемая бегущим рядом Андреем и Настей, которая советует, как нужно ехать, чтобы не упасть... Это ее жизнь, ее мир. Но он теперь рушится! И значит, нужно защитить его!

Лена взяла трубку радиотелефона, позвонила родителям, они жили неподалеку.

— Мам, ты можешь приехать?

— А что случилось, дочка?

— Если можешь, давай быстро, потом объясню. Посидишь с Настей, спать ее уложишь.

— Лена?

— Мам, не время рассуждать. Ты приедешь?

— Конечно, если это тебе очень нужно.

— Очень, мама, очень!

Значит, мальчишник у них там предстоит, совсем без женщин? А новые трусы для чего надел? Ну вот это она и выяснит. А потом уж сделает выводы, как жить дальше.

Лена принялась торопливо одеваться. Джинсы, кроссовки, ветровка, дождь все-таки идет. Зонтик тоже будет нелишним.

Она хорошо знала, где находится дача Романчука и как проехать к ней на электричке, а потом на автобусе. А потом пешком пробраться с тыльной стороны дачи и посмотреть, что там происходит, как ведет себя ее муж. В конце концов, она женщина, хозяйка, жена — или кто?

— Короче, так, мужики, вот вам по пятьсот баксов, это задаток, — сказал Баранов. — Еще столько же получите потом, когда дело сделаете. Смысл дела ясен, деревня Рымарино, адрес у вас имеется. Мужик — блондин, высокий, представительный. Ездит на «школе» синего цвета. Отдаст бабки — привезете их сюда, я тут буду долго, получите вторую часть гонорара. Не захочет отдавать — попугайте его, гонорар удваивается. Убивать не надо.

— Дело ясное, начальник, — сказал высокий парень, который назвался Владом. — Но если кинешь на бабки...

— Какой — кинешь?! — заорал Баранов, уже почувствовал себя начальником серьезным. — Я что, похож на придурка, который не держит свое слово?! Я тебе свои бабки доверяю, немалые, между прочим!

— Там видно будет, — сказал Влад. — Но ты имей в виду, мы свое дело знаем, но и обид не прощаем.

— Мы тоже, — сказал Баранов. — Еще вопросы есть?

— Да нет, все в порядке.

— Ну так вперед, орлы! И — вы меня не знаете, никогда не видели.

— О'кей, — сказал Влад.

Когда они ушли, Баранов вздохнул с облегчением и тут же позвонил по внутренней связи Орехову.

— Кирилл, все сделано, как ты сказал. Они возьмут наши деньги или накажут Романчука.

— Проследи за этим до конца действия, — приказал Орехов.

Знал бы он, что Волченков сидит в своем кабинете и довольно усмехается, слушая их разговоры!

* * *

Игошев посигналил, Романчук открыл ворота, и «Москвич» Игошева въехал на территорию дачного участка. Не было тут ни грядок, ни парников, только сосны, кусты сирени и жасмина и зеленая трава, такая дача очень нравилась Игошеву. Он остановил свой «Москвич» рядом со «шкодой» хозяина, вышел из машины, обнялся с Романчуком.

— Рад тебя видеть, Боря.

— Аналогично. У нас есть одна крошка, по правде сказать, я ее трахал, но если хочешь — бери себе, это без проблем. А вторая должна подъехать.

— Ладно, разберемся.

— Это точно. Побежали, а то промокнем, на хрен!

На веранде дымился мангал, над которым подрумянивались на шампурах аппетитные кусочки мяса. Там же сидела в плетеном кресле грустная девушка, коротко-стриженная шатенка, очень загорелая.

— Это Ира, а это — Андрей, — представил их друг другу Романчук, усмехнулся и добавил: — Очень приятно.

— Привет, Ира, — сказал Игошев.

— Добрый вечер, Андрей, — грустно пробормотала Ира.

Она совсем не понимала, почему Волченков настоятельно попросил ее принять приглашение Романчука. Тот ведь, по сути, послал ее, когда стало ясно, что жить попросту негде. Но Миша был настойчив, сказал, что так нужно для их общего дела, и она согласилась, хоть и не понимала, какое общее дело у них может быть. А что еще оставалось?

Игошеву шатенка не понравилась, то есть она была вполне симпатичной девчонкой, но вспомнил, как уехал, не попрощавшись с Леной, как она там сейчас, переживает, наверное... И стыдно стало. Ну что эта девочка может? Чем она лучше его Ленки? Да и та, которую Романчук привезет позже, наверное, такая же... ненужная ему.

Хозяин принес тарелки, раздал гостям, на каждую положил по шампуру с дымящимся мясом, откупорил бутылку виски «Джим Бим», наполнил пузатые рюмки.

— Ребята, хорошо, что мы вместе! Кстати, Ирка, Андрей известный журналист, однокашник моей жены по Литинституту. Он работает в солидной газете, может быть, слышала такое имя — Андрей Игошев.

— Нет, не слышала, — сказала Ира.

— Ну еще услышишь!

Они выпили, закусили сочным, пропахшим дымом мясом. Шашлыки были просто замечательные.

— А ты чем занимаешься, Ира? — спросил Игошев.

— Да ничем.

— Она секретарша босса самой солидной фармацевтической фирмы Москвы, — сказал Романчук. — Который погиб. Недавно вернулась с Акульего острова. Старик, это самый крутой курорт, по мнению элиты, недельный тур стоит около трех тыщ баксов, она там была почти две недели. Видишь, как загорела?

— Вижу...

Игошев напряженно думал, что все это значит. Если девушка Ира такая крутая, что загорает на самом престижном острове, то зачем он здесь? Удивить ее вряд ли чем сумеет, а просто так потрахать, если она не против... наверное, и опасно. У нее же, помимо крутого босса, и другие были. Нет, не в этом дело. Странно было то, что Ира вообще оказалась на этой самой обычной бревенчатой даче, принадлежащей не слишком богатому бизнесмену, во всяком случае, на «мерседес» или «БМВ» Романчук не заработал.

— Была секретаршей, но скоро вылету, — с грустной улыбкой сказала Ира. — Вот огласят завещание босса, хозяином станет Орехов, он пинком вышвырнет меня на улицу.

Что-то знакомое послышалось Игошеву в ее словах. Да собственно... с ним ведь так и поступили совсем недавно.

— Не отчаивайся, Ира, — сказал он. — Я только что пережил то же самое.

— Что значит «то же самое»? — спросил Романчук. — Ты разве не работаешь в газете?

— Нет. Начальство оклады себе увеличивало, а нам вообще ни хрена не платило. Ну я пошел к начальнику, но разговор какой-то нервный получился, и я дал ему в морду. Мигом все деньги выплатили, но...

— Ты молодец, Андрей! — восторженно сказала Ира. — Знаешь, мне тоже хотелось врезать этому наглому Орехову, но я... так и не решилась.

— Ну ты даешь, старик! Я и не знал, что ты безработный, — сказал Романчук.

— Не волнуйся, Боря, займы просить не стану.

Виски приятным теплом разливалось по телу, сочные куски мяса таяли во рту, и уже не хотелось другую женщину, потому что у него была жена Ленка, но приятно было видеть одобряющий взгляд симпатичной девушки Иры. Игошев уже решил для себя, что выпьет виски, поест шашлыков (грех отказаться, если Романчук сам пригласил), а потом ляжет спать один. Ну, или с Ирой, но — никакого секса. Просто она симпатична ему, в чем-то родственная душа. Ира думала так же, смотрела на Игошева с понимающей улыбкой.

— Да перестань, старик! — деланно возмутился Романчук. — Какие проблемы, ты же мой друг. Если надо — только скажи.

Ира не выдержала и рассмеялась. Она знала, что как только Игошев «скажет» — сразу

перестанет быть другом. Уж она-то наслышалась жалоб Романчука на вечную нехватку денег из-за того, что приходится поддерживать реноме супруги. Да ведь и последняя их встреча перед поездкой на Акулий остров была пронизана этими стонами — нет денег, нечем платить... Как же, даст он взаймы! Игошев думал точно так же, поэтому с уверенностью разлил по рюмкам виски. Раз уж пить на халяву — так пить. Ира одобрительно кивнула: мол, правильно. Романчук положил на тарелки еще по одному шампуру с шашлыками, быстро нанизал маринованное мясо на освободившиеся шампуры, поставил их на мангал.

— Хорошо сидим, — сказал Игошев, поднимая рюмку.

И снова Ира одобрительно кивнула. Нет, эта девчонка ему определенно нравилась. Не как женщина, хотя была красива и соблазнительна, но как товарищ. Это ведь здорово, в сложной ситуации увидеть вдруг рядом товарища.

— За хозяина, — провозгласила Ира и потянулась рюмкой к Игошеву.

Они чокнулись и выпили по-русски, залпом, благо, Игошев не полностью наполнил рюмки. Романчук, немного помедлив, сделал то же самое.

— Прохладно стало, может, пойдем в дом, Боря? — сказала Ира. — А шашлыки пусть доходят понемногу.

— Какие проблемы? Пойдем, — согласился Романчук.

С тарелками и рюмками в руках все перебрались в просторную гостиную, уселись в мягкие кресла.

— Поставь диск с «Агатой Кристи», — попросила Ира, — жутко нравится эта группа. Хотя, говорят, у них сейчас проблемы.

— А меня с диском нет проблем, крошка, — сказал Романчук и включил музыкальный центр.

— Ты его крошка? — наклонившись к Ире, тихо спросил Игошев.

— Теперь — точно нет, — так же тихо сказала Ира. — Но если хочешь, на сегодняшнюю ночь стану твоей крошкой.

— Это интересное предложение...

— Как хочешь.

— Ир, не обижайся, ладно?

— Ребятки, я предлагаю тост, — сказал Романчук, поднимая рюмку. — Выпьем за нового босса фирмы, с которой я лично долго и плодотворно сотрудничаю. Иринка знает это.

— Не хочу, — сказала Ира. — Пей сам за Орехова.

— А если это будет не Орехов?

— Исключено. Пей сам, Борик.

— Хорошо, тост отменяется. Тогда предлагаю выпить за нас! За всех, так сказать, присутствующих!

За это и опорожнили наполненные вновь рюмки. Романчук принес из кухни, поставил на журнальный столик глубокую миску с овощным салатом, который должен был служить гарниром к шашлыку.

— Все классно, Борик, — сказала Ира.

Игошев согласно кивнул, но, по правде сказать, не совсем понимал, для чего Романчук затеял эту встречу. Явно не для того, чтобы пообщаться с ним да пригласить девушек для полноты ощущений. Общения не получалось, а девушка была только одна, и та из фирмы, с которой сотрудничал Романчук. Ну и для чего же он пригласил его?

Ответа на этот вопрос пока что не было.

— Пойду посмотрю шашлыки, вы тут не скучайте без меня, — сказал Романчук и вышел на веранду.

— Не будем, — заверил его Игошев, наполняя рюмки.

— Торопись, Андрюша, — сказала Ира.

— Разве?

— Ну да. Я, когда пьяная, совсем неменяемая становлюсь. Могу всякие глупости творить.

— Тогда не будешь больше пить. — Игошев взял ее рюмку, поставил рядом со своей.

— Ну ты совсем тупой, Андрюша! — обиделась Ира. — Все мужики балдеют, когда пьяная девушка начинает глупости творить, а ты рюмку убираешь. Дурак, что ли?

— Извини. — Игошев вернул рюмку девушке. — Ира, а как твой босс погиб?

— Выпал с лоджии на острове.

— Проблемы с психикой, или...

— Заткнись, Андрюша. Почему твои начальники себе платили, а вам — фиг с маслом, а?

— Да потому, что козлы были и есть, самые настоящие. А твой босс...

— Он был хорошим человеком. Не только всем своим сотрудникам платил вовремя, но премии давал, а если человеку надо, и ссуду. Которую никто не возвращал, поплачутся в жилетку, он и простит.

— А где мне взять такого босса? — пробормотал Игошев.

— Выпьем за его память, не чокаясь, ладно?

— Как скажешь...

Они выпили. Романчук вошел с тремя шампурами, разложил их на тарелки, плеснул себе виски, выпил.

— Надо ехать на станцию, встречать Людку, — сказал он. — Не возражаешь, Андрей, если махну на твоей тачке?

— Махни, но зачем? — удивился Игошев.

— Хочу увидеть се круглые глаза, когда сядет в отечественное авто. Это же супер!

— А если ГАИ остановит?

— О чем ты? Меня тут каждая собака знает. На сей счет можешь не волноваться, железно.

— Ладно, — сказал Игошев. — Ключи в машине.

Романчук согласно кивнул и пошел к выходу.

— Вы, ребятки, не скучайте тут, я через полчаса вернусь, тогда и начнем веселиться, как надо, — сказал на ходу.

Игошев пошел следом, крикнул Романчуку:

— Борь, а кто эта Людка?

— Обалденная баба, не пожалеешь, когда увидишь! — сказал тот, садясь в машину Игошева.

— Ты знаешь, как надо веселиться? — спросила Ира, когда Игошев вернулся в гостиную.

— Понятия не имею. А для кого эта Людка?

— Ты меня спрашиваешь?

— Нет, себя.

— Поскольку Боря как мужик меня абсолютно не интересует, а ты, насколько я понимаю...

— Ира, я поругался с женой, думал... Но теперь понял, все это чушь. Не обижайся, ладно?

— Налей, Андрюша. Мне и самой теперь интересно, для кого предназначена эта Люда.

Игошев наполнил рюмки, но что-то расхотелось пить даже дорогое виски. А вот шашлыки были великолепны, и он налег на мясо. Ира задумчиво прикрыла ресницы, сжимая в руке рюмку с жидкостью чайного цвета.

— Любишь свою жену? — спросила она минут через пять.

— И дочку тоже, она у меня такая умница! Принцесса маленькая, — с улыбкой сказал Игошев.

— Зачем тогда приперся сюда?

— Да пилила она меня в последнее время: денег мало, денег не хватает, — достала. Ну я и решил...

— А увидел меня и перерешил, да?

— Дело не в тебе. Ты красивая девушка, но... Зачем?

— Будет что вспомнить.

— И в чем винить себя.

— Могла бы обидеться, но почему-то верю тебе. Деньги для нее так важны, для твоей жены?

Спросила и улыбнулась. Ну что за дурацкий вопрос? Какой женщине деньги не нужны? Она с Ильей жила, о любви тут говорить не приходится, хоть и уважала его сильно, а жила из-за денег. Из-за комфорта, который дают опять же... деньги.

— Кому они не нужны? — сказал Игошев. — Однажды мы с ней думали, как потратить миллион долларов.

— Он у вас был?

— Теоретически — да, если бы Стивен Спилберг позвонил и сказал, что хочет купить мой сценарий. А практически — нет и никогда не будет. Но мы на полном серьезе обсуждали, как его потратить.

— Интересно. Ну и что?

— «Потратили» чуть больше половины, а остальные решили в Сбербанк положить. Не на что было их тратить.

— Да ну! Не поверю.

— Нет, конечно, можно один загородный дом купить за миллион, но нам такой не нужен. Сколько стоит такой вот уютный бревенчатый дом, как этот?

— Максимум сто тысяч.

— Вот видишь. Квартира в престижном районе, метров сто — двести тысяч максимум. Всего — триста. Машина, гараж, техника, обстановка, шмотки — в двести тысяч можно вполне уложиться. А дальше что?

— Ну, это как посмотреть...

— Практично. Главное, чтобы уютно жилось и комфортно. Я стиральную машинку за восемьсот баксов и даже за тыщу покупать не стану. Найду классную за четыреста. И на Акулий остров не полечу — в Турции можно классно отдохнуть на море, понимаешь?

Ира кивнула, тяжело вздохнула.

— Андрюш, я завидую твоей жене.

— Пойдем посмотрим на шашлыки, — сказал Игошев.

Глава 19

Перестук вагонных колес немного успокоил растревоженную душу Лены Игошевой, и, глядя в грязное окно электрички, она вдруг поняла, что все это несерьезно, более того — глупо. Куда едет? Понятно куда, в Рымарино. Зачем едет? Тоже понятно, хотя... теперь уже — не совсем. Если Андрей там с другой женщиной, что она может сделать? Ну устроит скандал, а потом? Как домой добираться? А если они и вправду пьянствуют с Романчуком, тем более глупо ее неожиданное появление там. Прямо шпионка, разведчица, и мужа опозорит, и себя покажет

полной дурой. Как ни крути — а все получается глупо и нелепо. Но раз уж решила ехать, возвращаться с полпути не станет.

Решила потому, что уж больно странно, более того, демонстративно собирался сегодня Андрей. И собрался, и уехал. А ей что, сидеть дома и ждать? Ну уж фиг! Еще сидя в ванне, решила — поедет следом и все узнает, если не зайдет к ней сказать «до свидания». Куда он поехал, зачем. А там видно будет, что делать дальше. Семья в опасности, будущее Насти, ее самой, да и Андрея — непонятно. А она будет сидеть дома и ждать... у моря погоды? Ну уж нет. Вот и помчалась следом.

Электричка остановилась, по проходу ринулись к двери подростки в футболках с крупными буквами «СССР». Пожилой мужчина, сидящий напротив, отложил в сторону газету, сказал Лене:

— Демократы сделали то, что коммунисты за все годы своего правления так и не смогли. Ну разве можно было представить в СССР, что молодые люди сами, по доброй воле, наденут майки с такими надписями? Дай им тогда волю — все как один облачились бы в звездно-полосатые майки. А теперь — смотрите! Мы Ленинград между собой всегда Питером называли, а они, я ведь слушал их разговоры, Питер Ленинградом называют, представляете? Я вам больше скажу, смотрел в прошлом году «золотой матч» по футболу. Гимн звучал на стадионе, а на трибунах болельщики, фанаты, знаете что пели? «Союз нерушимый республик свободных...» Да так слаженно, так мощно... Эта молодежь ничего не знает о советской власти, но почему-то любит ее.

— Они протестуют против пошлости и сытости кучки олигархов, — сказала Лена. — Как в семидесятых хиппи в Европе.

— Да, но учтите, они обратились к нашим корням, к нашей истории. И не только они! Посудите сами — Гребенщиков поет по радио «Темную ночь», и у него неплохо получается! А ведь это прямой призыв к молодежи. И они отзываются, понимаете.

Лена кивнула, не желая спорить с пожилым попутчиком. Советскую власть она не любила и ничего хорошего от нее не видела. В юности — очереди, карточки, сплошные ограничения. Но и потом, когда воцарились демократы, жизнь не стала лучше. Было можно купить — да не достать, стало можно купить — да денег таких нет. И что об этом думать сейчас?

На следующей станции словоохотливый попутчик вышел, и Лена с облегчением вздохнула. О высоких материях думать не хотелось, со своими бы семейными проблемами разобраться! Чем дальше уезжала от Москвы, тем тревожнее становилось на душе.

Она вышла из электрички на следующей станции и очень удачно села в отходящий автобус до Рымарина. Через двадцать минут вышла из автобуса и направилась к задам дачного поселка.

Вообще-то он был охраняемым, то есть въезд перекрывал шлагбаум, но особых пропусков не существовало, скажешь, к кому едешь, и шлагбаум тут же поднимется, это она знала хорошо, не раз приезжала сюда с Андреем на машине. Теперь она прошла лесом, промочила ноги в кроссовках, темно ведь было уже и дождь накрапывал, но вышла к задней ограде дачи Романчука, ее она хорошо помнила, перебралась через сетчатый забор по столбу и осторожно пошла к дому.

Зачем она здесь, что из этого получится, и сама не знала. Но уж пришла, отступать было поздно, и значит — только вперед! Без проблем подошла к дому, остановилась за кустами жасмина. Перед домом стояли машина Андрея и «школа» Романчука. Ну понятно, что муженек

здесь. И с кем он тут развлекается? Из дома слышались голоса — мужские и женские. Романчук, Андрей и неизвестная бабенка. Понятно... Такой вот мальчишник они решили устроить? Идиоты!

Лена огляделась, глаза уже привыкли к темноте, под сосной заметила толстую палку, взяла ее — не с пустыми же руками являться в гости, тем более если тебя не приглашали. Снова пристроилась в жасминовых кустах неподалеку от крыльца. Трудно было решиться на самый последний шаг, да и причины пока что не было, судя по голосам, в доме одна баба и два мужика, разговаривают... Ну-ну...

Неожиданно Романчук вышел на крыльцо, следом за ним вышел Андрей.

— Борь, а кто эта Людка?

— Обалденная баба, не пожалеешь, когда увидишь! — сказал Романчук.

Все понятно стало Лене, и такая тоска захлестнула душу, прямо хоть волком вой. А между тем Романчук сел почему-то в их «Москвич» и уехал. Значит, оставил Андрея с бабенкой, которая в доме, и они теперь...

Ничего особенного, тихо стало, даже разговоров не слышно. Может, уже... Но почему Романчук уехал на их машине? Ни черта не понятно. Снова послышался тихий разговор, говорил больше Андрей, Лена не понимала, о чем говорят, как ни прислушивалась, только голос различала. Подумала, что самое время ворваться в дом, но тут на крыльцо вышел Андрей с какой-то темненькой девицей. Они даже не обнимались, какой смысл врваться?

— Мясо еще есть, угли в порядке, надо поставить новые шашлыки, — сказал Андрей.

— Правильно, — согласилась девица.

И оба принялись нанизывать мясо на шампуры. Совсем непохожи были они на любовников. Она-то сама, если б нанизывала мясо с Андреем, обязательно поцеловала бы его, а скорее всего он сам бы... Не только поцеловал бы, но и поинтересовался, что она там такое прячет, и потрогал бы то, что она прятала... не от него, конечно. Но на веранде все было как-то очень уж скучно. Нанизали мясо на шампуры, поставили их на мангал, помахали, раздувая угли, и ушли в дом.

И что тут делать? Идти в бой с толстой палкой наперевес? А против кого? Эту девицу она и без палки могла бы вырубить, да ведь она пока что не претендует на ее мужа. Значит, любовница Романчука, а тот поехал за девицей для Андрея? Ну вот ее и следует подождать.

Прохладно было, дождь моросил, промокла вся, и тоскливо на душе, а в то же время интересно — что же дальше-то будет? Муж на чужой даче, с незнакомой девицей, но даже обнять ее не хочет. Ждет другую, которая предназначена для него?

Ну ладно, и она подождет. Вернется Романчук, тогда и начнется самое интересное, тогда и она появится. И скажет все, что думает по этому поводу! Да с такой палкой, что... пусть только попробует кто-то возражать!

Не попробуют. Она им устроит мальчишник с ночевкой, такой устроит — до конца своих дней не забудут!

Однако вместо Романчука на его дачу заявились незнакомые люди. Она слышала шум мотора,

но не поняла, где остановилась машина, и сильно удивилась, увидев трех крепких парней в кожаных куртках, которые уверенно вошли во двор. Прямо как к себе домой. Двое сразу направились в дом, а третий остался во дворе, и в руках у него... ужас!.. был пистолет. Самый настоящий пистолет, который Лена много раз видела в телесериалах, но впервые — реально.

Что-то и пить расхотелось, хотя... когда еще попробуешь настоящее виски? Игошев тяжело вздохнул, с досадой хлопнул себя по колену:

— Черт возьми!

— Что-то не так? — спросила Ира.

— Вернется Романчук, поеду домой, что-то не нравится мне здесь. Помирюсь с женой... Но я же выпил! Если остановят — у меня и сотни нет, чтобы дать гаишникам.

— Я тебя не воодушевила на сексуальный подвиг? — грустно усмехнулась девушка.

Теперь она нравилась ему, действительно очень симпатичная девушка, но... Сомнения — они, как снежная лавина, зародились и помчались вниз, все расширяясь, заполняя пространство души. И вот уже ни о чем нельзя думать, кроме как о грустной жене и любимой дочурке.

— Ты отличная девчонка, Ира, но понимаешь...

— Конечно, ты тоже хороший человек, Андрей. Я тоже не хочу тут оставаться, поедем вместе, подбросишь меня. Если тормознут гаишники, я заплачу.

— Да? Ну, ты просто молодец, Иринка. А сама-то зачем приехала, если... если Романчук тебя не интересуется?

— Да Миша попросил, сказал, так надо.

— Какой Миша?

— Волчонок, в смысле — Волченков, начальник охраны фирмы.

— Он часто тебя просит о таких услугах?

— Ох, Андрей... Мне сейчас и жить негде, понимаешь? Жила у Богданова, а там сейчас все опечатано. Позвонила Борьке, так он не разрешил мне пожить на даче. А дома мать с отчимом в однокомнатной квартире. Миша приютил меня, поддержал. Один только и оказался нормальный, остальные чертом смотрят, считают, это я угробила Богданова.

Игошев встал, подошел к девушке, сидящей в другом кресле, ласково погладил по голове, чмокнул в щеку.

— Извини, Ира. Был бы я главным редактором — взял бы тебя в свою газету. И писать бы научил. Да нет у меня газеты... — сказал он, возвращаясь в свое кресло.

— Вот так оно и бывает — хороший человек, но сам безработный. — Она внимательно посмотрела на него, улыбнулась. — Да к тому же и женатый.

На веранде послышались тяжелые шаги.

— Что-то быстро он вернулся, — сказал Игошев, запоздало понимая, что шагают несколько человек.

— И машины не слышно было...

Дверь распахнулась, в гостиную вошли двое крепких парней в кожаных куртках.

— Ничего себе — Людка... — пробормотал Игошев, приподнимаясь, но тяжелая оплеуха снова опустила его в кресло.

— Ну, значит, такие дела, козел, — сказал тот, который ударил. — Гони бабки, которые должен Орехову.

— Ка... какие бабки?

— За лекарства, которые взял и не расплатился!

— Вы, наверное, к Романчуку? — понял Игошев. — Ребята, я вам сейчас все объясню...

— Мы решим дело по-хорошему или будем придуряться?! — заорал парень. — Тебе что непонятно, козел?! Орехову нужны бабки, ты обещал их вернуть сегодня, в одиннадцать. Орехов послал меня. Бабки — и я уйду.

Игошев теперь только понял, что все это было подстроено Романчуком. Ждал «гостей», вот и пригласил его, чтобы непрошенные гости приняли его за хозяина. Поэтому и уехал на чужой машине. Ну и гад же он, Романчук этот!

— Это не Борис Романчук, — решительно сказала Ира.

— Заткни бабу, Филя!

Второй сильно ударил девушку по лицу, кресло опрокинулось, Ира свалилась на пол, вскочила на ноги.

— Ах ты скотина! — завизжала она. — Да я тебе за это!..

Но второй удар отбросил ее метра на три, к чугунной решетке камина. Нагнувшись, бандит хлестко ударил ее в третий раз.

— Не смейте трогать девушку! — возмущенно крикнул Игошев и тут же получил сам.

— Бабки где? В последний раз спрашиваю!

— Тебе же сказано — я не Романчук. Могу документы... — Игошев тяжело вздохнул, вспомнив, что права остались в машине, в «бардачке».

— Влад, чё за дела? — недоуменно спросил Филя. — Ты хоть фотку хозяина видел?

— На хрена? Тачка во дворе чья? Его. Других нету. Блондин, чего тут думать? Придуряется, падла. Ждал Орехова для базара, а бабок нет. Ну, значит, нужно растолковать, что если должен — плати.

— Скоты! Свиньи! — завопила Ира.

Филя замахнулся ногой, но не решился ударить.

— Да приглуши ты телку! — приказал Влад.

Филя придавил огромными лапами тело девушки к паркету, потом зажал рот, другой рукой достал из кармана катушку скотча, стал заматывать нижнюю часть лица Иры.

— Не трогайте девушку! — крикнул Игошев.

Махнул ногой, но получил сильный удар в солнечное сплетение. Радужные круги замелькали перед глазами, дыхание перехватило.

— Ну, значит, будем учить, — сказал Влад.

Лена с ужасом слушала крики, доносящиеся из дома. Девушка визжала, муж орал, и грабители (она не сомневалась, что это грабители) тоже орали. Сжимала в руках толстую палку, но что сделаешь, если по двору гуляет бандит с пистолетом? Правда, чтобы не быть заметным — двор перед домом был освещен окнами веранды, на которой горел свет, — он держался в тени, ходил с торца дома, сначала на другом конце, а потом позади дома вышел к другому торцу, где за кустами жасмина стояла Лена. Бродил совсем рядом и в любой момент мог обнаружить ее. Пистолет сунул за пояс.

Кошмар, да и только. Что-то нужно было делать, но что? Лена тихо опустилась на корточки, нашарила камешек, выпрямилась. Будь что будет, но если какие-то подонки измываются над ее Андреем, она не может стоять и слушать его крики. Пусть даже... Ну ладно, об этом после можно будет поговорить.

Бандит подошел совсем близко, уставился на кусты, за которыми стояла Лена. Каких-то пара метров отделяли их. У нее и сердце замерло. Неужели заметил? Но нет, повернулся, посмотрел на машину Романчука, стоящую у веранды. Она бросила камень за дом, попала в фундамент. Этот щелчок не остался без внимания, бандит, стоящий спиной к ней, резко повернул голову к задней части дома, и тогда Лена сделала шаг вперед и со всей силы опустила дубину на его голову. Показалось — что-то даже хрястнуло. Бандит как подкошенный рухнул на землю, мордой в грязь. Лена еще раз огрела его дубиной по спине на всякий случай, а потом просунула руку между ним и землей, нашарила и вытащила из-за пояса пистолет.

Как им пользоваться — непонятно. То есть понятно, нужно направить на других бандитов и, если что, нажать на спусковой крючок. А если он на предохранителе? Где этот чертов предохранитель? Она толкнула ногой бесчувственное тело — никакой реакции. Ну и не надо. Бросила палку и, сжимая в руке пистолет, подошла к веранде. Там было светлее, осмотрела оружие — да, были на нем какие-то рычажки, но куда их нажимать, чтобы снять с предохранителя, кто ж его знает? Решила оставить все как есть. Там, в доме, их двое, но у нее пистолет, и там же Андрей с девицей, может, и получится психическая атака.

Она глубоко вздохнула, осторожно поднялась по ступенькам, резко толкнула дверь и побежала в комнату, из которой слышались стоны.

— На пол! Руки за голову! Мордой вниз! — истошно завопила она, переводя ствол пистолета с одной бандита на другого.

— Ты кто такая? — изумился Влад. У него за поясом тоже был пистолет, но как его достанешь, если на тебя в упор смотрит ствол и баба истерично вопит что-то!

Он шагнул в сторону, но Игошев успел выставить ногу и резко толкнул Влада. Тот грохнулся на пол, откатился в сторону, оказавшись рядом с Филей, который заматывал скотчем лицо Иры.

— Не двигаться! Лежать! — вопила Лена. — Убью обоих, и даже не подумаю!

Пока он не видел ее, решила проверить оружие, приподняла ствол и, зажмурившись, нажала на спусковой крючок. Грохот выстрела испугал ее саму, пуля застряла в бревнах стены. Бандиты вдавили свои тела в блестящий паркет, но Влад уже опустил руку на живот и сжал рукоятку пистолета за поясом. Игошев вскочил с кресла и сильным ударом ноги заставил его разжать пальцы. Второй удар, по ребрам, вызвал мучительный стон здоровяка. Он уже не думал о пистолете, а Игошев все бил и бил его ногами. За себя, за Иру, за... все, что было плохого в его жизни. Когда Влад замер, раскинув руки, резко перевернул его на спину, выдернул из-за пояса пистолет, направил его на Филю.

— Лена, держи на мушке этого козла, если что — стреляй! — И направил дуло на Филю: — А ну, сучонок, размотай скотч! И не вздумай дернуться, я тебя, падлу!..

Вид у него был еще тот! Губы разбиты, нос распух, кровь еще сочилась на верхнюю губу, но в глазах такая злая решимость, что Лена просто залюбовалась своим мужем.

— Вы чё, мужики? — растерянно пробормотал Филя, у него одного пистолета не было. — Вы только не стреляйте, я все... — Он принялся торопливо разматывать скотч на лице Иры.

— А-а! — закричала она. — Больно же, скотина! — И принялась мутузить кулачками верзилу, норовя попасть в нос.

— Руки за спину! — приказал Игошев. — Ира, заматай ему руки скотчем, а потом и морду.

Филя послушно закинул руки за спину, а Ира не жалела скотча, заматывая их. Потом и морду его залепила. Посмотрела на Игошева:

— Этого... Влада, тоже.

И с Владом произошло то же самое, что с Филей. Немного подумав, Ира заматала и ноги бандитов скотчем, теперь они были полностью безопасны. Лена со вздохом опустила руку с пистолетом.

— Ленка, ты как здесь оказалась? — спросил Игошев.

— А ты как думаешь? — устало ответила она.

— Слушай, ты просто... суперженщина!

Она шагнула к нему, взмахнула рукой, хотела ударить, но не смогла. Как ударишь, если у него и так все лицо в крови?

— Так это твоя жена? — спросила Ира.

— Она и есть, — улыбнулся Игошев.

— А ты заткнись, проститутка! — крикнула Лена.

— Она не проститутка, хорошая девчонка, — заступился Игошев.

— Да? И ты к ней наострил свои лыжи?

— Лен, я был дураком и понял это, уже когда ехал сюда. Что-то все не так, подумалось... Но я ошибся, прости меня, Лена. Правда.

— У тебя классный муж, живи и радуйся, — сказала Ира. — Между нами ничего не было, но Андрей — мужик что надо. По правде сказать, я завидую тебе.

— Сказано было — заткнись!

— Лен, пожалуйста...

— Дома поговорим! А сейчас собирайся! Мы едем в Москву.

— На чем? Придется подождать возвращения Романчука. Машины-то нашей нет. А на чужой ехать — проблемы появятся.

— Ладно, подождем, — согласилась Лена. — А ты... сбегай во двор, замотай того, что лежит в грязи. Вдруг очухается?

— А если уже очухался? Я с ним не справлюсь...

— Я помогу... — сказал Игошев.

— Сиди, придурок! Сама пойду. Ну давай бери скотч и пошли, — решительно сказала Лена.

Роль суперженщины ей жутко нравилась, особенно теперь, когда все опасности были позади. Так приятно чувствовать себя победительницей! В том числе — и над своим непутевым мужем!

Глава 20

Романчук, довольно насвистывая мелодию популярной ныне песенки, подъехал ко двору. Открыл ворота, завел «Москвич» во двор, поставил возле своей «шкоды». Дрянь машина, этот «Москвич», однако бегаёт, не заглох по пути, и за то спасибо.

В доме было тихо, значит, «гости» уже побывали тут, сделали свое черное дело и отвалили. Ну что ж, он извинится за то, что Людка не приехала и вечер не получился, хотя — пусть остаются на ночь, даже и в одной постели, он не возражает. А нет — пусть уезжают. Дело сделано.

На веранде стоял запах явно подгоревшего мяса. Ну да, некому было следить за шашлыками. Чуток подгорели, но еще ничего, угли были уже слабыми. Однако на мангале шашлыков не было. Сожрали бандиты Орехова? Может быть, но тогда они просто дебилы! Дело надо делать, а не шашлыки жрать! А сделали — отвалить быстро и без шума. Он вошел в гостиную и остановился не веря глазам своим. У камина лежали два мужика в кожаных куртках, руки, и ноги, и морды их были замотаны скотчем, а в креслах сидели Игошев, Ира и... жена Игошева, Ленка, ели шашлыки и запивали их виски!

— Привет... — растерянно сказал Лене Романчук.

Ира решительно встала с кресла, на нее было страшно смотреть, половина лица — сплошной синяк, приблизилась к нему и со всей силы вlepила пощечину.

— Сука! — сказала она. — Был бы жив Илья Ильич — ты бы стал покойником, козел! — И со второй руки влепила.

— Ир, послушай... — забормотал Романчук.

— Это ты послушай, гаденыш, — сказал Игошев, направляя на него ствол пистолета. — Сейчас мы свяжем тебя, а одного из них развяжем и уедем. Прикинь, что они с тобой сделают! Говнюк!

— Ребята... Я хотел как лучше... Ира!

— А выйдет как всегда, — холодно сказала девушка.

— Погоди... Это все было сделано... это Волчонок так задумал, понимаешь? Для нашего блага, для общего...

— Да пош-шел ты, козел! Ты специально все это подстроил? Ну вот и жри говно, придурок! — с ненавистью сказала Ира.

— Не веришь — позвони Мише! — с отчаянием крикнул Романчук. — Позвони, спроси. Вот, сотовый...

— Да пошел ты! А ну давай, ложись рядом с ними!

— Ты серьезно?

— Вполне, — сказал Игошев, держа хозяина дачи на мушке. — Ложись рядом с ними, тварь! Ну, быстро!

Романчук подошел к камину, лег на паркет.

— Мне все это надоело, — сказала Лена. — Андрей, поехали домой. Оставь его так, пусть сам разбирается, что делать — милицию вызывать или разговаривать с ними... Нам плевать на это. А пистолеты... мы выбросим по дороге. Зачем они нам?

— Ладно, — после недолгого раздумья согласился Игошев. — Поехали домой. Ирку подвезем.

— Перебьется. Сама доедет!

— Лена, у Андрея нет денег, а он выпил. Если остановят, возникнут проблемы. Я их могу решить, — сказала Ира.

Лена подумала и согласилась. Они вышли из дома, супруги сели в машину, а Ира позвонила по своему мобильнику, сказала:

— Пусть он заберет меня у дома Андрея. Все, Миша, но ты скотина. И не надо извиняться, понял?

— Я сам приеду, скажи адрес. Ты из машины? Куда направляешься? — спросил Волченков.

— Почему у дома? — возмутилась Лена, стекла были опущены, она слышала слова Иры. — До кольцевой тебя довезем, а там добирайся сама.

— Потому что хочу избавить вас от проблем, — решительно сказала Ира. — У дома меня будет

ждать машина, а вас будет ждать... постель. Какой адрес?

— Андрей! А если это бандиты?

— Значит, нам с ними по пути, — невесело пошутил Игошев, весь адрес говорить не стал, сказал только станцию метро.

Ира повторила координаты и выключила связь. Сам он приедет! А ведь знал, что будет нападение, специально попросил ее навестить Романчука, придурка этого! Да все равно... теперь выбирать не приходится. Теперь она — никто.

Игошев завел двигатель, подъехал к воротам. Ира шла следом за машиной, распахнула ворота — уедут, ну так что ж... придется еще какое-то время пообщаться с Романчуком, но машина остановилась, ожидая ее. Ира села на заднее сиденье, и «Москвич», набирая скорость, двинулся в сторону шоссе, ведущему к Москве.

Через пару километров они, протерев рукоятки носовыми платками, выбросили пистолеты в придорожный лес. Еще через пару километров Лена приказала:

— Останови машину.

Игошев прижался к обочине, остановил «Москвич», думая, что жене нужно выйти по нужде. Но она и не думала выходить, крепко обняла мужа, прижалась губами к его губам.

— Андрюша...

Он поцеловал ее, болезненно морщась, потом отстранился, сказал:

— Ленка... дома, ладно?

— Андрюша... — словно пьяная, повторяла Лена, обнимая мужа. И вдруг всхлипнула: — Я так боялась...

— Все позади, моя хорошая, все нормально, — сказал Игошев.

— Может, вы трахнетесь прямо здесь? — поинтересовалась Ира. — Я не возражаю.

— Хочется посмотреть? — резко спросила Лена.

— Да нет, я выйду, прогуляюсь...

— Перебьешься, поняла?!

— Как скажешь. Ребята, я просто завидую вам. Классная пара. А у меня — никого, буду ночевать на чужой даче... Одна. А потом... Понятия не имею, что будет дальше. Вышвырнут из фирмы — однозначно.

— Что она тут болтает? — спросила Лена.

— Не обижай ее, ладно? Дома все расскажу, она хорошая девчонка, поверь мне, — сказал Игошев, включая скорость.

Видавший виды «Москвич» мчался по мокрому шоссе к Москве. На переднем сиденье Лена положила голову на плечо мужа и блаженно зажмурилась. На заднем Ира смотрела вперед

широко раскрытыми глазами и тоскливо усмехалась. Ну да, Миша встретит ее сам у дома Андрея, отвезет на свою дачу. А дальше-то что? А дальше ничего... хорошего.

— Что, уже приехали? — спросила Ира через час пути.

— Да, осталось совсем чуть-чуть, — ответил Игошев. — А ты откуда знаешь? Мы ведь еще не доехали до метро...

— Интуиция, — усмехнулась Ира. — Пожалуйста, останови машину здесь.

Она вышла из «Москвича», подошла к передней дверце, наклонилась, сказала:

— Спасибо тебе, Лена, ты просто супер. Я бы такое никогда не смогла сделать. А муж у тебя — классный парень, я бы попыталась его соблазнить, но он с такой любовью говорил о тебе, так переживал, что вы поругались, что... никаких шансов. Не ругайтесь больше, ребята.

— Да и ты извини меня, — сказала Лена.

— Может, и свидимся еще, ба-ай, — сказала Ира и решительно зашагала к черной «ауди», стоящей неподалеку.

— Лучше не надо, — пробурчала Лена. — Хватит и одного такого свидания. А машина у нее красивая... Ну все, поехали!

Ира села на переднее сиденье «ауди», Волченков посмотрел на нее и со злобой стукнул кулаками по рулевому колесу.

— Кто?!

— А ты не знаешь, да?

— Узнаю.

— Ты же сам послал меня туда, сам!

«Ауди» резко сорвалась с места, стремительно набирая скорость.

— Сам, — после долгой паузы сказал Волченков. — Но я не думал, что эти подонки будут бить девушку.

— Да? А то, что подонки будут убивать людей в Москве, ты тоже не знал? — выкрикнула Ира.

Тут же пожалела об этом, но... слово не воробей. Волченков еще дольше молчал, холодно глядя на пустынное ночное шоссе. Потом нехотя сказал:

— Этих парней послал на Акулий остров Орехов. Они за бабки ухлестывали за тобой, поняла? Все рассчитал правильно, босса черви изнутри грызли, все есть, а счастья нет. Крыша у него поехала. Думал, на острове ты проявишь максимум внимания, заботы, поможешь ему прийти в себя, а ты...

— А ты?! Куда смотрел? Не мог сказать мне? Или ему? Он, между прочим, не запрещал мне ничего!

— Так-то оно так, да кто ж скажет боссу, что у него крыша едет? Кто его телке... извини, даме станет навязывать свое мнение?

— Илья-а-а! — зарыдала Ира.

— Успокойся, я тебя не осуждаю и очень хорошо понимаю. Ты не знала, что это за люди, а босс сразу понял, откуда ветер дует. Он хотел, чтобы ты поняла — его, их, но... Ты наслаждалась жизнью... Имела полное право. Молодая, красивая... а босс был старым, уставшим человеком и жутко мудрым. Он не просчитывал ситуации, он чувствовал людей. Прикинь, какая тоска навалилась на него, когда понял, что все его предали? Что он по большому счету никому не нужен? Мог бы принять меры, устранить одних, взять других, но и те предали бы его.

— Илья... — плакала Ира. — Прости меня, дуру набитую, пожалуйста, прости...

За этот день она стала старше лет на двадцать, вдруг поняла, какой была душой по отношению к Илье, к Романчуку. А эти ребята... Андрей и Лена? Это ж надо такое придумать — приехать на дачу, спрятаться, вырубить бандита, взять пистолет и... Она бы никогда так не смогла поступить. А Лена смогла, ради своего мужа, своей семьи, дочери... А он ведь просто убогий безработный! Наверное, ради этого и стоит жить, ради любимого человека, своей семьи... А она? Жила в свое удовольствие. Ну вот и дожилась.

— Перестань стонать, — сказал Волченков. — Между прочим, босс на тебя не злился. Он же все понимал. Я не знаю, что там в завещании, которое он срочно переделал, но думаю, тебе отписал если не дом, то дачу.

— Я ничего не хочу, я просто дрянь...

— Ира, мы теперь в одной упряжке. Не дури, ладно? Босса уже не вернешь, но посмотрим, какой расклад насчет фирмы. Что-то он там намудрил, я нутром чувствую. Ладно, скоро уж завещание огласят, там будем посмотреть.

— Ты убил человека!

— Нет. Босс велел оставить их в живых, но наказать. Я хотел, но... На следующий день после его смерти пришел старый друг босса, жизнью обязан ему, и тихо спросил: «Кто?» Я сказал. Он попросил: «Не лезь, это мое личное дело». И ушел. Тебе лучше не знать этого человека.

— Ты все врешь!

— Нет. Босс велел оставить их в живых, но... побить. Когда твоего Костромина взорвали, я понял — мне там делать нечего. И пальцем их не тронул, клянусь... своими детьми. Ты хоть понимаешь, что это такое, мать твою?!

— Извини, Миша... Я не знала...

— Ну хорошо. Ты видела, в каком он состоянии? На злодейство абсолютно не был способен. Приказал — накажи, но оставь живыми. А его взорвали. У корешей босса по лагерю длинные руки и свои правила. Я тут ни при чем. Других даже и бить не стану. Мне сказали — не лезь, а эти люди — очень серьезные. Так что я... Верь мне, Иринка, это правда. А босс не винил тебя ни в чем. Просто он... устал.

— Ми-и-ша... — рыдала Ира.

— Алиса займется тобой, когда приедем домой, поможет... Больно?

— А ты как думал?

— Терпи, девочка, терпи. Одно знай точно — эти козлы будут наказаны по полной программе, это я тебе обещаю. Уж тут мое личное дело.

— Надоели вы мне все...

— Терпи, я сказал!

Было уже за полночь, когда Орехов вошел в кабинет Баранова, остановился у стола. Баранов виновато развел руками. Посмотрел на изрядно опорожненную бутылку виски и... снова развел руками.

— Киря... полная тишина, — сказал он.

— Сам знаю, придурок! Плесни мне тоже.

Баранов, пошатываясь, встал из-за стола, достал из бара вторую рюмку, налил в нее виски.

— Киря... я такими делами не могу заниматься, это Волчонок... он профсс... профессиональный бандит, как босс, покойный теперь. А я что? Нашел, заплатил, объяснил... Но они же не звонят, понимаешь? Ни да, ни нет. Почему — откуда я знаю? Все сделал, как ты сказал. Они все поняли, и... тишина. Полная! Может, смылись с нашими бабками, а?

Орехов залпом выпил виски, сел в кресло у стола. Сам по новой наполнил рюмку.

— Романчуку звонил?

— Нет, — решительно замотал головой Баранов. — Как же я буду звонить? Он же... все поймет. Нельзя мне звонить!

— Набери его номер и дай мне трубку.

— Ладно, как прикажешь... Киря, я вот не понимаю, они что, совсем идиоты? Бабки взяли, сказали: «Все сделаем» — и... ничего не сделали! Молчат! А я тут сиди, жди... Я зачем тут работаю? Чтобы бизнес делать. А я что делаю?

— Заткнись и набери мне номер мобильного Романчука!

— Ладно, я наберу. А что это даст?

— Ты каких людей пристегнул на это дело?

— Каких! Я знаю каких, серьезные люди! Я что, совсем дурак, да? В фирме Перцина работают. Я их... они сказали... И не звонят. Даже бабки не привезли, понимаешь?

— Достал ты меня уже, Миша!

— А что делать? Сижу тут, сижу... Ничего. Опять сижу... опять ничего. Хоть бы сказали... Не хотят.

— Романчука набери мне! — приказал Орехов, глотая терпкое виски.

Когда Баранов с трудом выполнил приказ, встал с кресла, подошел к столу, взял трубку телефона. В другой руке держал рюмку с виски.

— Але, Борис? Привет. Я послал для переговоров своих людей. Ты говорил с ними?

— Ты кого послал, Орехов? Я шашлыки замариновал, девушек пригласил, хотел с тобой по-дружески побеседовать! А ты... кого послал, придурок?!

— Поосторожнее в выражениях.

— Что — поосторожнее?! Они ворвались, стали девушек избивать! Бандиты самые настоящие! И после этого ты звонишь и чего-то хочешь?

— Я хочу только одного — выполнение тобой контрактных обязательств. Больше — ничего.

— Илья Ильич отсрочил мои платежи до октября. Тебе это прекрасно известно. Хочешь разорить меня? А вот хрен тебе, Орехов! Твои боевики в ментовке и уже дают показания. Завтра придут за тобой, понял?

— Понял. Всего доброго, Борис.

Орехов положил трубку, внимательно посмотрел на Баранова. Тот снова развел руками: мол, сделал все, что мог.

— Шашлыки замариновал, девушек пригласил... — с недоброй усмешкой сказал Орехов. — И трое здоровенных боевиков, вооруженных, попали в ментовку. Что скажешь на это, Миша?

— Это надо... другого Мишу спросить...

— Точно. А я ведь говорил, что его нельзя недооценивать! Поспешили мы с тобой, поспешили, Миша! Дождались бы... вытурили ненужных людей, потом и действовать нужно было! Поспешили... идиоты...

— Киря, ты прав, поспешили... А что там?

— Твои ребятки в ментовке, не исключено, что завтра возьмут и тебя.

— Как... возьмут?

— Да так. Приедут и заберут. Кто их нанял? Господин Баранов. Кто должен отвечать за нападение на дачу Романчука?

— Он что... супермен, этот Романчук? Вот этих крутых мужиков... в ментовку?

— Не знаю. Все, вали домой, Миша. Дерьмовое у тебя имя, выговаривать противно.

Орехов допил виски и вышел из кабинета.

— А ты тоже... домой, — пробормотал Баранов. — К своей Оксане, с которой ни хрена не можешь! А вот не стоит, и все дела! А блондинки нету, чтобы раззадорить тебя! А Оксана рядом ворочается, она же нормальная баба, красивая, да не чувствует рядом мужика! Так

тебе... и надо!

Он не знал, что Оксана жила на даче, вернее, так думал ее муж. Пошатываясь, встал из-за стола и пошел к двери. Сам домой не доедет, это точно, но в фирме был дежурный водитель, он доставит... Скорей бы уж, надоело все это! И больших денег, и новой должности тоже не хотелось.

Уже светало, когда Гена и Витя со спортивными сумками на плечах вышли из здания, где располагалась элитная сауна. Напряженно огляделись — на стоянке машин никого не заметили.

— Мог бы дать охранника, козел, — сказал Витя. — После гибели Славы у меня мандраж не проходит.

— Мы-то здесь ни при чем, — пробурчал Гена. — Слава сам занимался телкой этого крутого авторитета, а мы так... изображали компанию.

— Да какая, на хрен, разница, Гена! — яростно махнул рукой Витя. — Эти люди обид не прощают. Знал бы заранее — отказался бы, на хрен, от этой поездки.

— Не сыпь мне соль на раны, Витек. Рабочий день, ну, так называемый день окончен, сегодня у нас был обалденный успех. Теперь едем к своим телкам.

Да, они выступали в мужском стриптиз-шоу, показывали свои жопы богатым дамочкам, и те визжали от восторга, норовили сорвать узкие трусики, увидеть и прикоснуться к вождеденному предмету. Но шоу было спланировано так, что увидеть можно было только за дополнительную плату, прикоснуться — за еще большую плату. Только прикоснуться, и ничего больше. И таких желающих дам было сегодня, как никогда, много. За совсем большую плату можно было заказать особые услуги, но не сегодня, а когда у «артистов» будет свободный вечер и они смогут навестить или принять истосковавшихся дам. И таких заказов было немало, но Витя с Геной не выглядели счастливыми. Они постоянно оглядывались, особенно когда ушли из зоны видимости службы охраны сауны и приблизились к своим автомобилям.

Не зря оглядывались, потому что на охраняемой стоянке почему-то не было сторожа и перед каждым из накачанных суперменов возник человек в черной маске. Несколько ударов — и Витя свалился под колеса своей «хонды», а Гена — возле передней дверцы «форда». Дальше их били ногами, сильно, жестоко, часто попадая по тем частям тела, к которым так хотели прикоснуться богатые скучающие дамы. А потом внезапно исчезли, растворились в рассветном мареве. Двое накачанных суперменов ворочались на холодном, влажном асфальте, стонали от боли и страха, что теперь им просто нечего будет показывать...

Глава 21

Дождь кончился, утреннее солнце проглядывало сквозь чистые листья березы, растущей под окном. Алиса в третий раз тяжело вздохнула, глядя на опухшее лицо Иры. Они сидели на кухне, завтракали, но Ира только пила кофе, есть совершенно не хотелось.

Полночи она проплакала, уткнувшись лицом в подушку. Только после вчерашней страшной истории на даче Романчука спало оцепенение и стало ясно вдруг, какой дурой она была. Все имела и должна была пылинки сдувать с Ильи и жить в свое удовольствие. Ему ведь недолго

оставалось, одних таблеток принимал каждый день столько, что она со счета сбилась. Ну, потерпела бы три, пять лет, а потом... Илья оставил бы ей квартиру или дачу, а может, и то и другое, да, скорее всего то и другое. Нашла бы себе парня вроде Андрея Игошева и жила бы в свое удовольствие! Дачу можно было продать, огромную, пустую квартиру тоже и купить двух-трехкомнатную — до пенсии хватило бы двоим, и троим, и четверым.

А она... Что делала, дура? И зачем ей сдался этот Романчук и этот Слава? Что, так уж нужны были мужики? Да нет, просто... Когда все есть, когда люди в фирме относятся к тебе с большим уважением, чем даже к боссу (потому как — а ну, если ты обидишься на кого-то и нашепчешь боссу — пропал человек), когда сам Илья говорил: «Если хочешь — я не возражаю, развлекись малость, девочка... Но только малость, ты понимаешь меня, да? Не увлекайся». И денег давал, не считая и не спрашивая, на что потратила, ну как тут будешь умной?

Дура и есть дура. Потому и осталась теперь у разбитого корыта. Орехов гонит, Волчонок посылает к бандитам, где ее бьют, как последнюю шлюху... И терпи, молчи, жди непонятно чего! Как же они все опротивели, эти идиоты! Сил больше нет смотреть на них!

— Миша, я думаю, Ире не стоит ехать в фирму. Пусть отдохнет, поправится здесь, я присмотрю за ней, — осторожно сказала Алиса.

— Надо, — жестко сказал Волченков. — Я уже вызвал водителя, он отвезет Иру в фирму.

— Людей пугать своим видом? — спросила Ира.

— Да. Пусть смотрят и боятся.

Что он возомнил о себе? Думает, Илья завещал ему свои акции? Даже если и так, все равно половина достанется Орехову, и он в любом случае станет хозяином фирмы. Этот договор действует помимо всяких завещаний и независимо ни от чего. А он, похоже, мечтает стать хозяином и сделать ее своей секретаршей? Только так можно понять его слова. Чуть!

— А ты сам куда? — спросила Алиса.

— Дела есть помимо фирмы. Нужно разобраться со вчерашним происшествием.

— Миша, может быть, не стоит ни с чем разбираться? И Ире не стоит ехать в фирму? Черт с ними, с этими бандитами, ты подумай о том, что делать дальше, а я позабочусь об Ире. Ну зачем травмировать ее, посылать в таком виде в офис? — настаивала Алиса.

Ира молчала.

— Так надо. Для нашей общей пользы.

Ире захотелось увидеть Романчука и снова дать ему по морде. Да не один раз, не два, и бить, пока она не станет... как у нее! Скотина! Ведь просила же: «Позволь мне пожить на твоей даче», — и что ему стоило разрешить? Жена знает, кто она такая, что помогала не раз... той же Лане быть звездой, ну так почему он отказал? Пожила бы недельку до оглашения завещания, может, Илья что-то и отписал ей, тогда пригласили бы на оглашение завещания, а нет — и не надо, искала бы себе новую работу, квартиру и не связывалась бы с Волчонком. А Романчук... Да просто не хотел портить отношения с Ореховым. Не хотел дразнить будущего босса. Надеялся, что тот будет соблюдать договоренности с Ильей? Ну вот и получил свое!

Хотя... Если б и жила на даче Романчука, вчерашняя жуть случилась бы, наверное, тоже.

Господи, ну как же вырваться из этого круга?!

— Миша, я не совсем понимаю... — решительно начала Алиса, но Волченков жестко перебил ее:

— Ты ничего не должна понимать, дорогая! Все, я поехал по своим делам, а Ира отправляется в офис и будет там до окончания рабочего дня. Я привезу ее вечером. Все вопросы — потом.

— А ответы? — не унималась Алиса. — Ты считаешь, что девушка в таком виде должна...

— Считаю. Ответы будут потом. Все!

Ира молчала, опустив голову.

Волченков доел омлет, допил кофе, поблагодарил жену за вкусный завтрак и вышел из дома.

— Извини, Ира, я хотела тебе помочь... — сказала Алиса.

— Да и вы меня извините, что столько хлопот принесла вам.

— Перестань, какие хлопоты? Просто я Мишу не узнаю...

«Просто ты не знала его настоящего», — подумала Ира. Но вслух этого, разумеется, не сказала.

Волченков сел в свою «ауди» и погнал машину в сторону другого дачного поселка, где стоял дом Романчука. До него было сорок с небольшим километров, и Волченков проделал этот путь за полчаса, особо не торопился. Из машины позвонил Романчуку, предупредил, что едет, и у шлагбаума не встретил препятствий. Романчук встретил его у ворот своей дачи, торопливо распахнул их, пропуская «ауди» во двор.

— Привет, Миша, — сказал он, пожимая руку Волченкову, вышедшему из машины. — Тут был такой спектакль — закачаешься! Я не мог даже предположить такое!

— Посмотрим, — коротко ответил Волченков.

На крыльцо вышла заспанная Лана в короткой ночнушке, сладко потянулась, обнажая свои стройные ослепительно белые ноги, улыбнулась Волченкову:

— Привет, Миша. Что привело тебя к нам в такую рань?

— Дела, дорогая, дела. Выглядишь отлично. На телевидении, наверное, ждут уже? Время-то — почти десять.

— Ты с ума сошел? Я в половине второго только приехала сюда, после того как Боря позвонил и сказал... Это ужас!

— А на телевидении ждут. У тебя полчаса на сборы.

— Боря, это наш новый продюсер или кто? — недовольно спросила Лана.

— Что-то в этом роде, — хмуро сказал Романчук. — Одевайся — и дуй... домой. Там отоспишься, а я скоро подъеду. Пожалуйста, Лана, так нужно для дела.

— Да ну вас на хрен! — сказала Лана.

В гостиной Романчук предложил рюмку виски из вчерашней бутылки, Волченков не стал отказываться. Пока Лана собиралась, Романчук подробно пересказал Волченкову события вчерашнего вечера.

— Важно, проявили они Орехова или нет, — сказал Волченков, нетерпеливо поглядывая на дверь.

Лана вошла в гостиную, она была в белых джинсах, так тесно облегающих бедра, что Волченков и Романчук одновременно тяжело вздохнули.

— Отлично выглядишь, Лана, просто — секс-бомба, — сказал Волченков.

— Домой! — приказал Романчук. — Я скоро... приеду.

— Пока, ребятки, не скучайте тут, — сказала Лана. — Ба-ай!

И, игриво покачивая бедрами, пошла к двери. У нее была своя «семерка», на ней и доберется домой. Вчера попросила соседку присмотреть за детьми ночью, отправить их в школу утром и помчалась к мужу, на которого было совершено нападение. Сегодня... вернется домой и завалится спать. Ужасно хочется. Да и дел особых нет.

— Я, кажется, начинаю понимать Орехова, — сказал Волченков. — То есть его странности.

— Спасибо на добром слове, Миша, — мрачно сказал Романчук. — Что дальше-то делать?

— Посмотрим, что у нас есть.

Волченков подошел к тумбочке у камина, выдвинул нижний ящик, достал из видеомэгнитофона кассету, ласково погладил ее.

— Ты думаешь, Миша...

— Две камеры работали синхронно, но запись шла только с одной. Три минуты, потом — с другой. Посмотрим, что получилось.

Волченков вставил кассету в «переходник», а его — в стационарный видеомэгнитофон, стоящий в гостиной. Достал из кармана жвачку, сунул в рот пластинку. Романчук не выдержал, последовал его примеру, правда, у него жвачка была не в пластинках, а в подушечках.

— Нормально, — с улыбкой сказал Волченков, глядя на экран телевизора. — Отлично. Нет, ну лучше не придумай! И кто ж это нашел таких придурков? А эта баба... Нет, она просто молодец. Нет, просто гений! Ты смотри, как действует, а!

— Насмотрелась сериалов... — мрачно сказал Романчук.

— Насмотрелась? — Волченков повернулся к нему, уставился холодным, немигающим взглядом. — Твоя могла бы вырубить крутого быка, а потом ворваться в дом с пистолетом? Моя Алиса точно не смогла бы. А эта... Да просто умница баба.

— Ну и что? Ментам они ничего не сказали, мол, заблудились, вошли не в тот дом. Их утром отпустили.

— Главное — они здесь сказали все, что нужно. Их послал Орехов.

— Миша, а что дальше?

— Бабу нужно премировать. Нет, она просто фантастика. Ради мужа решиться на такое... Слушай, а ведь красивая, а? Он журналист? Безработный теперь? Нет, ей нужно премию дать.

— Ты мне скажи, что дальше делать? — мрачно буркнул Романчук. — Бандиты на свободе, Орехов еще больше злится на меня... Сожгут, на хрен, дом!

— Сожгут — новый построишь. Кирпичный. Поезжай к своей Лане... Слушай, моя Алиса ничуть не хуже, но твоя так умеет завести мужиков, что... Эти джинсы — просто секс-насилие над мужиками. Поезжай, а то я приеду.

— Ты, Миша, такой же в отношении баб, как и твой новый босс, Орехов. С одним только отличием — верен своей жене без всяких блондинок. Но что мне дальше делать? — раздраженно сказал Романчук.

Волченков сунул видеокассету в карман кожаной куртки, сказал неожиданно жестко:

— Не дергаться. Послезавтра я все объясню, а пока занимайся своим делом. Все. Пока, Боря, мне нужно в офис.

— Но ведь бандиты...

— Что непонятно, Боря?

— Все понятно... Ладно, Миша, я верю тебе.

— Ну вот и отлично.

Волченков решительным шагом направился к выходу. Романчук последовал за ним, помахал с крыльца и... сел на деревянные ступени. Сожгут дачу после вчерашнего, как пить дать... Черт возьми, может, проще было отдать деньги Орехову и жить спокойно? А мог ли он жить спокойно, зная, что Орехов стал главой мощной фирмы? Да вряд ли...

Куда ни кинь — везде клин... Эх, сколько говорят о судьбе малого бизнеса в России, а толку? Как не было его, так и нет. Без криминальной крыши. Вот он сидит на крыльце своей дачи, а завтра что с ней будет? Один Бог это знает. Вот такое оно — счастье быть мелким бизнесменом в этой чертовой стране, да другой-то нет...

— Привет, Оля, — сказал Пылюков, входя в свой кабинет. — Как дела?

— Много интересного есть по фирме «ФармаБосс». Но это мои соображения, — бодро ответила Ольга.

Пылюков потерял интерес к этой фирме, ибо уверен был, что кто-то из начальства прикрывает ее, за большие бабки, разумеется. Ну а если так, какой смысл дергаться, рвать свои нервы? Все расписано без него, Пылюкова, пишите дальше, господа хорошие... А он предоставил вам свое видение этой проблемы и пути решения ее. Думайте.

— Начальству будет интересно ознакомиться с твоими соображениями, — с усмешкой сказал Пылюков, садясь за свой стол. — А я вплотную занимаюсь делом Вахида. Он явный конкурент

Орехова по сбыту психотропов в Москве. Орехов это делает более-менее легально, Вахид — нелегально. Вот его и прищучим.

— Юрик, тут поступили интересные данные. У одной из элитных саун были избиты двое танцовщиков, стриптизеров-мужиков. Причем били так, что их половые органы... Ногами били.

— Ну и что?

Он абсолютно не понимал ее в последнее время. Надежный партнер, партнерша... Жесткий аналитик, женщина, которая ради работы бросила состоятельного мужа. Красавица! Да просто эталон сыщика... в женском исполнении. И вдруг поплыла от какого-то говнюка! И это — Ольга?

— Юрик, держись за стол, чтоб не упасть. Оба парня были на Акульем острове, и, более того, оба — в компании с погибшим ранее Вячеславом Костроминым. Ты представляешь?

— Честно говоря, не очень.

— Они были на Акульем острове одной командой, ухлестывали за Ириной, секретаршей Богданова. И все пострадали. Но это еще не все! По оперативным данным, на дачу мелкого бизнесмена Романчука было совершено нападение. Правда, потом это было признано недоразумением, нападавшие отпущены.

— Оль, у нас в Подмосковье каждый день на чью-то дачу совершается нападение. Ну и что?

— Романчук владеет несколькими аптечными киосками, давний партнер Богданова. Не кажется тебе, что между Волченковым и Ореховым началась борьба за власть в фирме?

— Ну и что ты предлагаешь?

— Поезжай к Романчуку, а я займусь Волченковым. С двух сторон что-то да и выясним. Хотя, конечно, оба ничего не скажут конкретного, но разговор может быть полезен.

— Остынь, Оля.

— Почему? Такие факты!

— Оставь их до оглашения завещания Богданова. Тогда и будет понятно, что там происходит. А пока что... Глупо проявлять свой интерес.

— Ты так думаешь?

— Не сомневаюсь, Оля.

— Может, ты и прав, Юрик. Ладно, подождем... Кофе сделаешь мне, Юрик?

— С удовольствием, Оля. Но Орехов бы сделал это с большим удовольствием, я думаю. Для тебя и для себя.

— Я послала его, Юрик.

— Да ладно...

Пылюков взял кофеварку, пошел наполнять ее водой. А Ольга задумалась. Да, она послала

Орехова, но... какой он был мужчина! Почему-то вспомнилась фраза из песни Пугачевой — «настоящий полковник». Собственно, понятно, почему вспомнилась, песня-то о ситуации, похожей на ту, в которой она оказалась. Капитан, следовательно, и подручный крупного мафиози, теперь — сам крупный... Смешно и глупо. Поэтому и говорила так жестко с ним, хотела вывести из себя — пусть покажет свое истинное лицо! Не показал... Правильно ли она поступила?

Да, конечно, нет! А что поделаешь?..

Глава 22

Напряжение достигло высшей отметки. Завтра оглашение завещания, в десять нужно быть у адвоката. Орехов нервно ходил по своему домашнему кабинету с дорогой мебелью, которая соответствовала его фамилии — из ореха, специально так устроил. Посмотрел на часы — без пяти одиннадцать, нужно бы спать ложиться, чтобы завтра быть в форме, но как ляжешь в постель, если совершенно ясно — уснуть не удастся. Снотворного в доме, похоже, не было, во всяком случае, он им не пользовался и не замечал, чтобы Оксана глотала на ночь таблетки. Уже выпил две рюмки французского коньяка, ничего не почувствовал. Сел к столу, включил компьютер, налил и выпил третью рюмку, еще раз прочитал текст соглашения, подписанного с Богдановым два года назад. Все было просто и понятно: если босс уйдет в иной мир, половина его акций, независимо от завещания, достается Орехову. Вторую половину следует разделить, согласно завещанию, как именно — должен решить сам Богданов. Все справедливо, управлять фирмой мог только он, Орехов, судьба второй половины акций его абсолютно не волнует. Тоже справедливо, Богданов мог завещать вторую половину кому угодно, семьи у него не было, родственников тоже, один как перст... Имелся, правда, один пункт, внушающий сомнения, — «если смерть не будет признана насильственной». К чему тут можно придраться? Все знают, что она была даже и не случайной, а — добровольной.

Он должен получить тридцать пять процентов акций и автоматически стать хозяином фирмы. Но было ощущение, что старый хитрован подложил ему свинью. Где и как? Ни черта не понятно!

Почему он пожелал, чтобы завещание огласили через неделю после его смерти, а не сразу? Хотел заставить его нервничать? Заставил. А после этого — бери, владей моим хозяйством? На него это совсем не похоже. Богданов был жестким и прагматичным человеком, совершенно неспособным на подобные розыгрыши. Почему завещал оставаться на своей должности Волченкову до оглашения завещания? Ведь знал, что отношения между ними далеко не идеальные?

Ну и что тут может быть? Он ни разу не позвонил ему с Акульего острова, но с Волчонком, конечно же, общался. О чем они говорили? Почему Волчонок держится так уверенно? Думает, что сам возглавит фирму? Дураку понятно, что это ему не дано. Сейчас уже побитые некогда и затаившиеся конкуренты поднимают головы, спецслужбы проявляют повышенный интерес к фирме. Этот дуболом «сгорит» за пару лет вместе с фирмой, босс как-то сам об этом сказал.

Тогда что же?!

Прокол с Романчуком? Не мог же босс предусмотреть этого? Ну да, поторопился, очень хотелось поскорее наказать козла, и Баранов сгруппировал, дебилов каких-то подписал на это дело. Вчера приходил один, требовал окончательного расчета, пришлось дать деньги, новых врагов

сейчас наживать не следует, их и так до черта. Дал денег, они заверили, что в ментовке ничего не сказали о нем. Ну и все, дело закончено, забудьте.

А все равно беспокойно было на душе. Эта кошка Богданова приперлась в офис с опухшей мордой и синяками. Как намек на то, что бывает с сотрудниками, которые не исполняют его приказаний. Ни с кем не разговаривала, просто сидела в своем «предбаннике», но по реакции сотрудников он понял — этот раунд выиграл Волчонок, именно он приютил бывшую секретаршу, которой теперь явно сочувствовали люди в офисе.

Ну и что?

Все это складывалось в какой-то мерзкий узор, противный ему, но понять, откуда исходит угроза, Орехов не мог. Романчук еще не раз пожалеет о том, что не отдал деньги. Это железно. Но и он на что-то надеялся, уж слишком нагло говорил по телефону.

«Ох, босс! Старый лис! На хрена ты эту неделю придумал и Волчонка оставил? Службы безопасности практически нет, конкуренты распространяют самые идиотские слухи, тут нужно действовать решительно и жестко, дабы пресечь это в корне! А как действовать?»

Орехов и четвертую рюмку коньяку выпил, после нее почувствовал что-то вроде угрызений совести. Грубо говорил с Оксаной, а она ведь тоже переживает за него, пытается понять, что их ждет в будущем. Видеть ее здесь, слушать бестолковые вопросы в самый напряженный момент — это, конечно, недопустимо. Но извиниться, наверное, можно. Сказать пару ласковых слов. На расстоянии это же просто. Он взял трубку радиотелефона, набрал номер дачи. Долго слушал длинные гудки, а потом в трубке зазвучал... сонный голос гувернантки:

— Я слушаю...

— Добрый вечер... вернее, доброй ночи, Саша. Извините, что потревожил вас, но мне нужно поговорить с Оксаной.

— С Оксаной? Доброй ночи, Кирилл Васильевич...

— Пожалуйста, разбудите ее.

— Извините, Кирилл Васильевич, но Оксана сказала... что будет поздно. Я тут с девочкой...

— Значит, с дочкой полный порядок, я в этом не сомневаюсь. Спасибо вам, Саша, и еще раз — извините. Если Оксана позвонит или вернется, попросите ее звякнуть домой.

— Хорошо, Кирилл Васильевич.

— Всего доброго, — сказал Орехов и положил трубку.

Такие вот, значит, дела... И собственной жене нельзя верить. Она не вернется и не позвонит, если гувернантка осталась с дочкой на ночь, значит... и Оксана осталась на ночь. Вот так, значит, она волнуется за него? Орехов наполнил рюмку коньяком, залпом выпил. Ревновал ли он? Ничуть. Немного расстроился из-за того, что близкий человек, который всем ему обязан, предал в самую трудную минуту. А что тут странного? И сам предал в трудную минуту человека, которому всем обязан. Вот и плата за содеянное. Судьба вернула той же монетой...

Но Оксана как женщина с некоторых пор не интересовала его. Даже и хорошо, что так получилось. Теперь главное — развестись культурно, чтобы не было мучительно больно... за

бесцельно потраченные деньги. Дочку он, разумеется, не оставит, обеспечит ее всем необходимым, главное — Сашей, а вот жену обеспечивать не хотелось.

Ну вот не хотелось — и все тут!

Прошел еще час, за это время Орехов выпил пару рюмок коньяку, вставил в музыкальный центр аудиокассету, включил канал, настроенный на частоту его радиотелефона.

С кем она может быть? Догадывался. Полгода назад в казино на Арбате к ним привязался не в меру любезный южанин. Он проиграл тысячу долларов, они — триста, и этот южанин приглашал их в ресторан, выпить, загасить горечь проигрыша. А сам такими глазами смотрел на Оксану, что дураку понятно было: хочет «снять» замужнюю женщину. Человека звали Руслан, он и фамилию свою назвал, но Оксана хоть и улыбалась ему, а от совместного ужина отказалась. Наблюдая за соперником, он ничуть не волновался. Во-первых, знал, что в состоянии уничтожить (с помощью Богданова, разумеется) любого козла, а во-вторых, у них с Оксаной был брачный контракт.

Он тогда попросил Волчонка узнать все об этом Руслане. Средний бизнесмен, хозяин торгово-закупочной фирмы, но ему не чета. Адрес и телефон мобильного его Волчонок тоже предоставил. «Ну, дорогая, если ты отважилась на этот шаг, обижайся на себя!»

Орехов набрал семизначный «прямой» номер мобильного, включил музыкальный центр на запись.

— Да? — спустя минуту послышался в трубке сонный голос.

— Привет, Руслан, — вежливо, даже ласково сказал Орехов. — Дай мне, пожалуйста, Оксану.

— Она спит... — Долгая пауза воцарилась в телефонном эфире, а потом Руслан заорал: — Какой, слушай, Оксана?!

Но в ответ раздались лишь короткие гудки.

Орехов выключил музыкальный центр, спрятал кассету в ящике стола, выпил еще рюмку коньяку и снова взял трубку, набрал новый номер.

— Привет, Макс. Переживаешь?

— Пошел ты на хрен, Киря! — заорал хозяин стриптиз-клуба. — Ты в какое дерьмо меня засунул, а?! Двух моих стриптизеров ночью так отделали, смотреть страшно! Тех самых, которые летали на остров со Славкой!

— При чем тут я? А ты не знал, с кем имеешь дело? Мы же хотели сделать приятное боссу. А он чего-то совсем загрузил. Кто мог предположить такое?

— А теперь сидеть и ждать, когда кончат или измордуют? Все, Киря, никаких дел я с тобой не имею.

— У меня к тебе просьба.

— Нет! — крикнул Петренко.

Орехов невольно усмехнулся. Показалось, что за этим испуганным «нет» последует

знаменитая фраза Лелика: «На это я пойтить не могу!»

— Да послушай ты, черт побери. К фирме это не имеет никакого отношения.

Когда Петренко понял, о чем идет речь и какая просьба у Орехова, его «нет» стало менее решительным и минут через десять превратилось в «да». Закончив разговор, Орехов довольно усмехнулся и пошел в спальню. Несмотря на теплынь за окном, постель его сегодня была невероятно холодной.

— Ты не спишь? — спросила Лана. — Боря, какие черви тебя гложут, а? Скажи, а то я тоже не могу уснуть.

— Спи, Ланка...

— Нет, Боря, скажи! Я хочу все знать.

— Зачем тебе это?

— Надо! Я говорила вчера с людьми, очень важными, им понравился мой проект, найдут спонсора. И о тебе сказала. Ты должен завтра позвонить Орехову и заявить прямым текстом, что если с твоими близкими или с тобой хоть что-то случится — он так просто не отделается!

— Спасибо, Лана, даже не верится, что у меня такая классная жена... вдруг появилась.

— Да и у меня настоящий муж только недавно появился, если честно говорить. После длительного отсутствия. И то по моей инициативе.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло... Так?

— Выходит, что так. Ну так чего ты опасешься?

— Всего, Ланка. Волчонок затеял какую-то игру, но ведь не сегодня-завтра сам окажется не у дел и бросит меня. Хорошо, если просто бросит, а ведь может и подставить. Ирку подставил, приказал приехать, ты бы видела ее морду! Как у зомби, а это секретарша босса. Мог бы и уважать девчонку.

— Ты с ней спал?

— А ты со своими светскими говнюками?

— Ладно, проехали. Так что?

— Бандиты могут попытаться отомстить. Игошева и его дуру-жену они вряд ли найдут, а меня знают и адрес дачи и квартиру могут вычислить. Но самое главное — Орехов. Ты знаешь, как он относится к нам.

— Знаю.

— Вряд ли простит такое. Станет хозяином фирмы — и на что мне надеяться? В лучшем случае — откажет в поставках. В худшем — подставит так, что лет пять как минимум схлопочу за незаконный сбыт... Ну ты знаешь, сейчас с этим строго. Промежуток между лучшим и худшим... ну, суди сама, знаешь о его возможностях. Ты можешь всерьез пожалеть о том, что связалась с мелким бизнесменом, была бы сейчас хозяйкой фирмы...

— Я ни о чем не жалею, Боря! — сказала Лана.

Она прижалась губами к его губам, целовала долго, страстно, правая рука скользнула по его груди, ниже, еще ниже, совершила несколько вращательных движений, а потом пальцы обхватили то, что хотели, и — вверх-вниз, вверх-вниз.

— Ты сумасшедшая баба, Ланка... — пробормотал Романчук.

Он осторожно обхватил ее за ягодицы и перевалил на себя. Лана застонала, судорожно дергая бедрами, а он крепко сжал их, не забывая ласкать ее в самых сокровенных местах. В последнее время особенно хотелось снова увидеть и почувствовать свою женщину и понять, что ей это нравится, судя по участвующим стонам, по резкому движению бедер... Чем глубже он проникал в нее пальцами, тем страстнее были ее губы, они уже не отрывались от его губ. А бедра просто неистовствовали! Они хотели его все сильнее и сильнее... Господи! Какая женщина его жена!

Раньше, когда все кончалось, он в лучшем случае гладил ее по щеке, отворачивался и засыпал. Теперь же еще долго двигал бедрами, хотя знал, что она кончила, и целовал ее шею, губы, груди, щеки, нежно и ласково, словно убаюкивал.

— Боря, ты обязательно позвони завтра... уже сегодня Орехову и все скажи. А я еще раз поговорю с нужными людьми, журналистами, чтобы взяли это дело на контроль.

— Ланка, да ну их на хрен, дела. Ты такая...

Ему вдруг стало страшно, впервые по-настоящему страшно. Такие люди ненавидят его! Не считая бандитов... А Волчонок... да он кого угодно сдаст, если ему это выгодно будет. Раньше были опасения, теперь же — самый настоящий страх. Кончат его или подставят — как она будет без него? Пропадет ведь в этом страшном и жестоком мире. И будет с другим мужиком делать то же самое... Но вряд ли кто будет так любить ее, как он. Было время — ревновал, злился, изменял, но ведь и она была... А теперь все изменилось. Теперь он хотел быть только со своей женой и понимал — она тоже хочет быть только с ним. А эта идиллия скоро может прерваться... По вине чужих, злобных и жестоких, сил.

Романчук все еще обнимал теплое тело жены, все еще целовал ее шею, но спазмы сдавили горло, глухие рыдания уже рвались из него.

— Боря?

— Лана... ты моя самая любимая женщина... — всхлипывая, пробормотал Романчук. — Я не хочу...

— И не надо, Боренька, — сказала она, обнимая его. — Я тебя не дам в обиду, поверь. Ну что ж я, хуже Ленки Игошевой? Тоже кое-что могу. Ну, успокойся, Боря, я с тобой.

— Лана?

— Да, Боря, я с тобой... Было много глупостей и с твоей, и с моей стороны, но все это позади. У нас есть семья, дети, ради этого стоит жить, верно?

— Да, Лана...

— Ну вот и замечательно. Спи, Боря. Я тебя никому не дам в обиду.

Романчук ничего не понимал. Никогда у него не было такой жены. Именно — такой. Он знал, что как только случатся неприятности в бизнесе, Лана бросит его, найдет себе более состоятельного мужчину, и был готов к этому. Потому и нанимал продавщиц в свои киоски таких, чтобы можно было использовать их как женщин, хотя бы одну. И использовал. Но теперь все изменилось. Абсолютно все! Никого он не хотел, кроме своей жены, но... будет ли время и возможность воздать ей должное?

Утром Лана проводила детей в школу, внимательно глядя по сторонам. Ничего подозрительного не обнаружила. Вернулась домой, сварила кофе, приготовила омлет и пошла будить мужа.

— Боря, у тебя сегодня есть дела?

— Да, нужно пообщаться с бухгалтером насчет налогов, проверить, как работают киоски.

— Ну тогда вставай, я уже приготовила завтрак. Мне тоже надо поехать на телевидение... Вставай, Боря.

Романчук поднялся с постели, чувствуя острое желание полежать еще, вдыхая аромат ее тела, сохранившийся в махровой простыне. Но надо было ехать, да... встречаться, говорить...

Он принял душ, быстро пришел в себя и явился на кухню, чувствуя острое желание работать. Ради своей красивой женщины. Черт с ними, с проблемами, Орехов не один в этом бизнесе, есть и другие, и с ними нужно налаживать связи. Ради такой женщины... стоило бороться!

— Ешь омлет и пей кофе! — приказала Лана.

— Слушай, Ланка, ты просто фантастика, — сказал Романчук.

— Завтракай, Боря. А потом мы выйдем вместе, я пойду первой, чтобы посмотреть, нет ли каких киллеров поблизости.

— Да перестань! — усмехнулся Романчук. — Откуда им взяться?

— Но я все же проверю. А потом ты поедешь по своим делам.

— Лана...

— Нет, Боря, ты мне слишком дорог, я не хочу тебя потерять, понимаешь? Ну вот не хочу, и все!

— Господи... — с тяжелым вздохом сказал Романчук. — Столько лет прожили вместе, а только теперь я понял...

— Понял? Ну вот и молодец, Боря. Ешь омлет и готовься выходить из дома.

— Лана! Не преувеличивай возможности Орехова! Сегодня оглашение завещания Богданова, у Орехова совсем другим голова занята.

— Это неизвестно, Боря, мы должны быть предельно осторожны, понимаешь?

Романчук понимал совсем другое. У него есть жена, красивая женщина, которую он любил, но которой не верил. И были на то основания. А теперь он просто боготворил ее!

— Я не позволю своей любимой женщине рисковать, — сказал он. — И не надейся.

— Боря, но это глупо! Меня они не тронут, а тебя могут...

Романчук обнял жену, поцеловал ее теплые, доверчивые губы. Как сделать, чтобы она всегда была такой? Неужто лишь стрессовые ситуации делают женщину настоящей женщиной?

Лана все-таки первой вышла из подъезда, осмотрелась и махнула рукой. Романчук сел в свою «шкоду», тоже помахал рукой и поехал на ВВЦ, общаться с продавщицами своих аптечных киосков. Только по делам. А жена осталась у подъезда. Не просто жена — любимая женщина!

Глава 23

Оглашение завещания должно было состояться в банке, с которым давно сотрудничала фирма. Вежливый парень в черном костюме и белой рубашке встретил Орехова у входа и повел по коридору. Этого сотрудника Орехов не знал и еще более насторожился. Странно они встречаются главу крупнейшей компании из всех, с которыми работает этот мелкий банк. К Богданову выскочил бы сам президент, а его даже вице-президент не встречает! И с тем и с другим банкиром Орехов был знаком лично, бывал здесь часто, и всегда его встречал кто-то из высшего руководства. А теперь шестерку послали? «Ну ладно, посмотрим, что вы потом запоете», — решил про себя Орехов. Найти более солидный банк и перевести туда все активы — не проблема.

Вежливый сотрудник привел его в небольшую комнату, где за столом сидели Волченков и секретарша Богданова, хоть и напояженная сверх всякой меры, а все же синяки проглядывали сквозь толстый слой пудры. Значит, и ей что-то перепало: дом или дача, какие-то деньги. Да ладно, пусть забирает и валит из фирмы на все четыре стороны. С сегодняшнего дня он ее знать не знает. Как и Волченкова, уже ясно, кто займет его место, классный специалист и предан ему на все сто. Волчонку тоже что-то перепало, может, часть акций, но это не меняет сути дела. Отныне он глава фирмы. Третьим в комнате был невысокий худой старик, нотариус Мирослав Иосифович Буркин, давний приятель Богданова и его юридический консультант в сложных вопросах.

— Здравствуйте, — сказал Орехов, присаживаясь на свободный стул.

— Добрый день, Кирилл Васильевич, добрый день, — сказал нотариус, вскочил со стула, подбежал к Орехову, приятно улыбаясь, пожал ему руку.

Это немного расслабило Орехова, старик-то все знает, понимает, с кем говорит. Да только консультировать фирму он больше не будет, другие, более толковые, консультанты есть. Волченков ответил нейтрально, а Ира только кивнула и опустила глаза.

— Ну так что, все в сборе, или еще кого-то ждем?

— Все, Кирилл Васильевич, все, — закивал Буркин. — Сейчас принесут — и начнем.

В ту же минуту дверь открылась, и другой сотрудник в черном костюме и белой рубашке положил на стол конверт и удалился. На конверте были личная печать Богданова на сургуче и две банковские печати. Буркин взял конверт, и в этот момент Орехов спросил:

— Простите, Мирослав Иосифович, а то, что Волченков до оглашения завещания должен

исполнять свои обязанности, тоже указано в завещании?

— Нет, Кирилл Васильевич. Это дополнение Илья Ильич прислал факсом с острова, хотите посмотреть копию?

— Копия не считается, — нахмурился Орехов.

— Разумеется, но у меня есть запись разговора с Ильей Ильичом. При возникновении спорных моментов решать их может только суд. Формально не считается, но если экспертиза подтвердит подлинность подписи Богданова и подлинность его голоса, суд может учесть эти обстоятельства.

— Крючкотворы, — сказал Орехов. — Ну давайте оглашайте, что там написано.

Буркин сломал печати, вскрыл конверт, достал листок бумаги с синими печатями и негромко стал читать.

— «Я Богданов Илья Ильич, — далее был назван номер паспорта, серия, дата выдачи, — находясь в здравом уме и трезвой памяти, составил это завещание абсолютно добровольно, без какого-либо принуждения. В случае моей смерти завещаю свое имущество следующим лицам. Московскую квартиру, расположенную по адресу: улица Владимира Кушнарева, дом 15, квартира 38, и дачу в поселке Карасево моей секретарше Евсюковой Ирине Петровне».

Ира вскинула глаза, часто заморгала длинными ресницами. Хотелось подпрыгнуть, закричать что-то вроде — йе-ес!!! Но обстановка не позволяла. Какой же он все-таки молодец, Илья! Ну просто чудо, а не человек был рядом с ней, а она... свинья! Что-нибудь сделает обязательно. Сына своего назовет Ильей! И до самой смерти будет помнить этого благородного мужчину, пусть и пожилого и вора в прошлом, но настоящего джентльмена.

— «Тридцать миллионов долларов в банке «Либертад» на Антигуа, номер счета прилагается, я завещаю в равных пропорциях начальнику службы безопасности фирмы «ФармаБосс» Волченкову Михаилу Степановичу и церкви Пресвятой Девы Марии на улице Владимира Кушнарева».

Волченков нервно стиснул кулаки. Пятнадцать миллионов баксов ему? Ну, босс, ну дает! О таких деньгах он лично даже и не мечтал, надеялся только на то, что в завещании будет оговорено его присутствие на должности начальника службы безопасности. Ну, босс! Это ж надо — пятнадцать миллионов! А что с ними делать? Хрен его знает...

— «Семьдесят два миллиона долларов, находящиеся на счете цюрихского банка «Кредит», номер прилагается, — продолжал монотонно читать Буркин, — я завещаю следующим лицам и в следующих пропорциях. Шестьдесят миллионов — Ирине Петровне Евсюковой, моей секретарше, шесть миллионов — Орехову Кириллу Васильевичу, четыре следует разделить между сотрудниками фирмы в качестве премии». Два миллиона завещано вашему покорному слуге. — Буркин учтиво поклонился.

Орехов мрачно усмехнулся. Шесть миллионов у него и своих имеется, мог бы и побольше оставить. Зачем этой шлюшке такие бабки? А Ира поначалу не поняла, что все это значит. Волченков смотрел на нее широко раскрытыми глазами, такого его она никогда не видела.

— Простите, Мирослав Иосифович, мне еще и деньги полагаются? — робко спросила она нотариуса.

— Разумеется, деточка, разумеется. Шестьдесят миллионов.

— Сколько?

— Шестьдесят миллионов. Долларов.

— Ну, ты даешь! — сказал Волченков.

— Хорошо дает, — мрачно усмехнулся Орехов. Трудно пережить, что какая-то пигалица в одночасье стала богаче его.

Ира неуверенно пожала плечами, потом тряхнула головой, пытаюсь убедиться, что это не сон. Да вроде нет. Они в банке, Мирослав Иосифович — уважаемый нотариус, иногда заходил к Илье, она его знает, но... Шестьдесят миллионов? Долларов?! И это ее деньги?!

Она вздрогнула и потеряла сознание.

Буркин растерянно замолчал, а Волченков схватил со стола графин с водой, вылил на голову девушки. Орехов мрачно усмехался, глядя на это. Ира открыла глаза, с изумлением посмотрела на всех присутствующих. За время короткого обморока ей привиделось, что она с Ильей на Акульем острове, и вдруг — какая-то комнатуха.

— Шестьдесят миллионов долларов из швейцарского банка ваши, — повторил нотариус специально для нее.

Ира согласно кивнула и только теперь начала понимать, что для нее теперь начинается совсем другая жизнь. С телохранителями, с ограниченными возможностями передвижения, но неограниченными возможностями потребления. Что лучше, а что хуже, она не могла понять.

— «Акции фирмы «ФармаБосс» в количестве семидесяти процентов, принадлежащие мне, я завещаю...» — Буркин сделал паузу, оглядел присутствующих.

Орехов снова напрягся. Вот оно, самое главное! Бабки мелочи, такие деньги, как у этой облезлой, мокрой кошки, он сделает себе через пару лет. Главное — фирма!

— «...я завещаю все, в количестве семидесяти процентов, — монотонно бормотал Буркин, — Евсюковой Ирине Петровне, моей секретарше».

Даже Волченков изумился, глядя на Иру.

— Как — все? — нервно облизнув пересохшие губы, спросил Орехов.

— «При условии, что она сохранит за Волченковым Михаилом Степановичем должность начальника службы охраны».

— Да это чушь собачья! — заорал Орехов. — Это противоречит договору, заключенному при вашем же участии! Половина акций мои! Независимо от условий завещания! Вы же сами это прекрасно знаете.

— Да, Кирилл Васильевич, но, к сожалению, я делаю то, что обязан делать. Оглашаю волю покойного.

— Это завещание тоже было послано факсом?

— Нет, оно составлено третьего августа текущего года при моем полном участии.

Третьего августа! До отъезда босса на Акулий остров. Волченков судорожно соображал и... ничего не мог понять. Выходит, босс знал о том, что Орехов играет против него? Специально устроил эту поездку? А почему он оставил на хозяйстве эту девчонку? Бабки ей дал — понятно, теперь — она босс. Но почему? И самое главное, он знал, что после его смерти произойдет?! Но это просто фантастика! Ну, босс!.. Провидец, да и только! Знал, что сделает он, — это понятно, сделает, если так желает босс. Но поведение Орехова, все эти дела на даче Романчука? Знал? Потому так просто отсрочил его платежи? После его гибели кого первым делом прижмет Орехов? Понятно — Романчука, и есть для этого повод. А что сделает он, оставленный при должности? Понятно что. Ну, босс!.. И завещание составил до отъезда на Акулий остров. Это понятно — если его опасения подтвердятся (а они подтвердились), оно в силе, если нет, завещание без проблем можно переделать после возвращения в Москву.

Ира беспомощно хлопала ресницами, совершенно не понимая, что тут происходит.

— Этот пункт завещания не соответствует закону, — решительно сказал Орехов. — Он противоречит нашему договору, заверенному вами, по которому независимо ни от чего половина акций Богданова — мои.

— Я только огласил официальный текст, — развел руками Буркин. — Все остальное должен решить суд.

— И решит! В тексте, который вы же и заверили, четко сказано — независимо ни от каких иных причин!

Волченков понял, что настало время его действий. До сих пор он надеялся прижать нового босса и заставить его делать то, что выгодно было ему, Волченкову, а именно — оставить на должности. И девчонку тоже. Но теперь все стало намного серьезнее. Теперь разговор шел о владении фирмой. Еще не шел...

— Я подаю заявление в суд, а вас, друзья мои, миллионеры хреновы, попрошу больше не появляться в офисе фирмы. Вы уволены, — уверенно сказал Орехов.

— Не спешите, Кирилл Васильевич, — подал голос Волченков. — Выйдем поговорим.

— Не о чем нам говорить!

— Есть о чем. О даче Романчука, например. Давайте все же выйдем. Если вы настоящий мужик, а не такой, как о вас говорят не только в офисе.

Вот он что запел! И ведь по делу, дачу Романчука упомянул! Ну ладно, что он скажет по этому поводу?

— Хорошо, выйдем, — сказал Орехов.

В пустынном коридоре Волченков достал из кармана куртки видеокамеру, откинул жидкокристаллический экран. Цветной, но эта запись была черно-белой. На экране возник интерьер гостиной Романчука. Так вот он какой, вполне убогий, подумал Орехов. А он-то считал, что известная критикесса Лана Романчук живет припеваючи. Оказалось — не очень.

«— Ну, значит, такие дела, козел, — сказал здоровенный парень на экране. — Гони бабки,

которые должен Орехову.

— Ка...какие бабки? — пробормотал незнакомый мужик, высокий блондин, но совсем не Романчук.

— За лекарства, которые взял и не расплатился!

— Вы, наверное, к Романчуку? — сказал мужик. — Ребята, я вам сейчас все объясню...

— Мы решим дело по-хорошему или будем придуряться?! — заорал парень. — Тебе что непонятно, козел?! Орехову нужны бабки, ты обещал их вернуть сегодня, в одиннадцать. Орехов послал меня. Бабки — и я уйду».

— Вам все ясно, Кирилл Васильич? — спросил Волченков.

— Это еще ничего не значит, — не совсем уверенно сказал Орехов.

— А вот это?

Волченков достал из другого кармана диктофон, включил на воспроизведение. Орехов побледнел, слушая сбивчивый рассказ Баранова о том, как он по приказу Орехова нанял бандитов для налета на дачу Романчука. И этот предал его, козел!

— Ну и что? — спросил Орехов.

— А ничего, Кирилл Васильич. Тот капитан, что был у вас, жутко злой теперь, ему ведь выговор влепили. С такими уликами он не только оправдывается, но и орден себе заработает. А вас отправит как минимум на пять лет за организацию вооруженного нападения. Романчук даст нужные показания. Бандюков я нашел, они свое получили за Ирину. Представляешь, как разозлятся, когда узнают, что ты их крупно подставил? Пока что на эту тему не говорил с ними.

— Да плевать мне на твои угрозы! — яростно сказал Орехов. — Ты уволен, твое место занято, а там посмотрим! Кое-что тебе тоже не сойдет с рук.

— А вот это — последнее, Кирилл. Я к гибели Костромина и прочим делам не имею ни малейшего отношения. Старые дружки босса приходили, сказали: «Не лезь, сами разберемся». И разобрались, хотя босс велел никого не лишать жизни. Но у них свои понятия. Я про тебя не сказал и пленку с разговорами босса не прокрутил им. Понимаешь, что они сделают, когда узнают истинную правду? С тобой, с Максом?

Орехов тяжело вздохнул, опустил голову, нервно сжимая вспотевшие кулаки. Вот так... Был «загонщиком», хозяином ситуации, а теперь в одночасье стал гонимым зверем... Если у них такие компрометирующие его материалы имеются, то и судебный процесс по делу нарушения договора не выиграть. Получается, Богданов был прав, нарушая договор. И все подтвердят это. А капитан... уж он-то и вправду разгуляется... Но и это не самое страшное. Старые дружки босса... Они ни перед чем не остановятся, если узнают, что это он организовал поездку мужиков на остров.

— Что ты хочешь, Миша? — спросил Орехов.

— Вреда тебе не желаю, много сделал для фирмы. Уходи и отдай половину акций босса, которая положена тебе согласно договору, Ирине по хорошей цене. Это будет честно. Босс

никого не обидел, даже тебя. И мы выполним его волю по завещанию и по договору.

— Ты думаешь, эта пигалица сможет удержать фирму на плаву?

— Не знаю. Но я ей помогу. И народ у нас не раком деланный. Разберутся, что к чему. А ты можешь заняться своим бизнесом. Босс дал тебе бабки, согласишься, он поступил как настоящий мужик. Акции стоят больших бабок, ты их гарантированно получишь. Честно скажу, Кирилл, я не враг тебе. Но ты затеял игру против босса, а он человек неприкасаемый. Ты проиграл, но в конечном итоге — не очень.

Очень, очень он проиграл, но выбора не было. Да и не хотелось выбирать, все складывалось так дерьмово в последнее время! Одно предательство Оксаны чего стоит!

— Ладно, твоя взяла, Миша.

— Вот и отлично. Пойдем, скажешь, что не имеешь ничего против завещания. Тут же составим новый договор, по которому ты все же получишь тридцать пять процентов акций с гарантированной продажей их новой хозяйке фирмы.

— Я-то скажу, но ты на что надеешься, Миша? Эта телка за год разорит фирму! Ты сам окажешься не у дел.

— Там видно будет. А сейчас... скажи, Кирилл.

— Ладно, пошли.

Вернувшись в кабинет, Орехов заявил нотариусу, что с текстом завещания согласен, никаких претензий не имеет. Ира даже пожалела его, очень жалко выглядел, но держался с достоинством. И что ж это получается? Она — хозяйка всей фирмы? Как скажет, так и будет? Она скажет, и еще как скажет! Илья часто обсуждал с ней в постели текущие дела, советовался, как сделать лучше. Она говорила свое мнение, но редко он поступал так, как она считала. Теперь все будет по-другому! Она вдруг почувствовала себя настоящей хозяйкой фирмы. Это было проще, чем почувствовать себя обладательницей шестидесяти миллионов долларов. Фирма — то, что она знает, в чем разбирается. Главное — в людях. И уже поняла, кого назначит на место Орехова — Мишу Баранова. Он умный, честный парень, свое дело знает отлично, не подведет.

В свою очередь, Волченков заявил, что намерен выполнить волю покойного босса и по договору. Нотариус не очень удивился такому развитию событий, наверное, даже предвидел что-то похожее, ибо все свои печати принес с собой.

— Всего вам доброго, — мрачно сказал Орехов через двадцать минут, когда был составлен новый договор, и вышел из кабинета.

Буркин только руками развел, давая понять, что он лишь выполнил свои профессиональные обязанности, ни больше ни меньше. А что они решат между собой и как это сделают — его совершенно не интересовало.

— Босс, вам подать машину к подъезду? — с улыбкой спросил Волченков.

— Да, — без улыбки сказала Ира. — И скажи Мише Баранову, что я его жду в своем кабинете.

— Отличный выбор! — одобрил Волченков.

— Ты там тоже должен быть, — сказала Ира. — Надо нам разобраться со всеми проблемами.

— Слушаюсь вас, босс!

Ира внимательно посмотрела на него и неожиданно жестко сказала:

— Не юродствуй, Миша, делай свое дело, хорошо?

Волченков молча пожал плечами, понимая, что видит перед собой настоящего босса фирмы, выходит, не случайно старик завещал свои акции именно ей. Много знает и все понимает. А характер уже сейчас чувствуется. Ну ладно, пусть командует, она ведь не забудет, кто помог ей в трудную минуту. А босс... Ну просто гений! Да он, собственно, никогда не сомневался в этом. И теперь в его выборе не сомневался. Босс знает, что делать. Вернее, знал...

Глава 24

В офис Орехов вернулся ненадолго, только для того, чтобы собрать вещи, принадлежащие ему лично, а потом отправился домой. Ну а куда еще? На даче торчала гувернантка с дочкой. К родителям или друзьям ехать в таком состоянии не хотелось. Зачем нагружать их своими проблемами?

Злость терзала его душу, вырывалась наружу яростными проклятиями, искажала гримасами лицо. Он проиграл, проиграл! И еще хотелось отомстить всем, кто оставил его не у дел, уничтожить их — эту пигалицу, волкодава по кличке Волчонок, напыщенного пустобреха Романчука! Но уже понимал — не получится, ничего он не сможет сделать. Фирма в других руках, и уж Волчонок позаботится о ее безопасности. И даже эту мразь, Романчука, трогать нельзя.

Вот так — одна промашка, и вместо того чтобы стать хозяином, повелевать солидной фирмой, сам оказался на коротком поводке. Шагнешь в сторону — он в шею вопьется, прыгнешь — и задушиться можно. И зачем он затеял это аферу с посылкой на Акулий остров трех парней, чтобы окружили секретутку постоянным вниманием и ежедневно доставали Богданова? Это была ошибка, самая большая ошибка в его жизни. Босс таял на глазах, и нужно было только потерпеть. Ну, год, ну, два от силы, и стал бы он истинным хозяином. Поспешил... дурак! И с Романчуком поспешил, со временем заставил бы его зарабатывать на жизнь частным извозом. А теперь — поди тронь. И по поводу прежнего договора не вякнешь, Волчонок все классно организовал.

Дерьмо дело, хуже не придумаешь. И дома все отвратительно. Вот она как выглядит на деле, простенькая поговорка «Не рой другому яму — сам в нее попадешь». И попал...

Он сел за стол, включил компьютер, поставил перед собой бутылку виски и стал играть в покер с раздеванием нарисованных девиц. Глупое занятие, абсолютно тупое и никчемное, прежде он не мог себе позволить этого, но теперь... Виски было паршивое, японское, как-то купил бутылку в форме гранаты-«лимонки», попробовал и надолго поставил в бар. Но теперь самое то — какие дела, такое и виски.

Девушки на мониторе упорно не хотели раздеваться, его самого виртуально раздевали, сопровождая этот процесс оскорбительными репликами. Орехов еще выпил, откинулся на спинку кресла, снова мысли его потянулись к недавним событиям.

По большому счету ничего страшного не случилось, денег у него, конечно, поменьше, чем имел Богданов, но вполне достаточно, чтобы не думать о них до конца дней своих. Да еще босс добавил шесть миллионов... Черт бы его побрал! Это ж надо было так распланировать все, предугадать даже его «наезд» на Романчука. Впрочем, что ж тут сложного? О том, что Романчук увел его девушку, все на фирме знали...

Сейчас нужно решить, чем заняться в ближайшее время. На службу ехать не нужно, секретарш, услужливых и податливых, не положено. Новую фирму организовывать? Сложно так сразу сообразить. Он ведь был мозговым центром своей фирмы, решал сложные финансовые проблемы, исполнение которых обеспечивали другие люди, в том числе и Волчонок. А самому... За что взяться? Теперь не 93-й год, все ниши заняты вполне респектабельными компаниями с высокими связями и солидными крышами. Не пустят.

Поехать за границу и удариться в загул? Можно, только не на Акулий остров.

Есть еще Ольга, сотрудница спецслужбы, название которой сразу и не выговоришь, так ведь она послала его. Но что-то в ее глазах, в ее поведении там, в ресторане, говорило об обратном. Она хотела поехать с ним в Турцию, мечтала об этом. И поехала бы... тогда. А сейчас? На Бали жарко, а если в Австралию, к аборигенам? В Новую Зеландию или Буэнос-Айрес? Там сейчас зима и не так жарко...

Нет, куда бы он ее ни пригласил, откажется. Такая женщина обид не прощает. И не простит. Хотя... сытого, богатого, понятное дело, не простит, а того, кто остался не у дел? Вряд ли она станет злорадствовать.

В прихожей хлопнула дверь, и через несколько мгновений в кабинет вошла Оксана.

— Как дела, Киря? — настороженно спросила она. — Что выяснилось при оглашении завещания?

— Все нормально, дорогая, — холодно ответил Орехов.

— А почему ты дома, не в офисе? Новый хозяин должен сейчас перетряхивать сотрудников, убирать чужих, ставить своих.

— Нахваталась ты вершков... Лучше скажи мне, где была этой ночью?

— У родителей, заехала навестить, припозднилась и решила остаться. А кто тебе сказал, что меня нет на даче? Саша?

Ох уж эти женщины! Дождешься от них правды! А ведь знала, что он звонил Руслану и любовник опростоволосился, знала, но виду не подала.

— А что она могла сказать, если я позвонил и попросил тебя? Выручала, как могла, — задерживается, скоро приедет. Я попросил, чтобы ты перезвонила домой, когда вернешься. Но ты не перезвонила.

Орехов не хотел подставлять Сашу. Она и вправду была второй матерью для дочки, умный педагог, ну и пусть будет. Да и вправду, ни в чем она не виновата.

— Мы просто выпили с родителями... за твой успех, и я скоро уснула. А Саша не знала их телефон.

— Она тут ни при чем, честно делает свою работу, и я ей благодарен за это. Кстати, очень благородная женщина.

— Мы о ком говорим? — нахмурилась Оксана.

— О нас. Ну и как чувствует себя Руслан?

— Какой Руслан?

Орехов встал с кресла, вставил в музыкальный центр кассету, включил воспроизведение.

— Что ты на это скажешь, дорогая?

— Понятия не имею, кто там что болтает. Мало ли Русланов в Москве, и у них, наверное, немало Оксан.

— Имеешь, дорогая, имеешь. И я тебе сейчас докажу это.

Оксана опустила на кожаный диван, а Орехов вставил в видеомагнитофон кассету, которую утром привез сотрудник службы безопасности Макса. Если там он проиграл, то здесь отыграется. Доказательств, чтобы поставить на место Оксану, было немало. Хоть что-то грело душу... Да нет, не грело, но и не злило.

На экране возник подъезд дома, запись была цветной, ибо производилась из машины, которая стояла неподалеку от подъезда, и не так уж скрытно. Просто вышедшие на улицу Руслан и Оксана не подозревали, что их снимают с близкого расстояния. Разумеется, камера не высывалась из окна дверцы, она пряталась за синими шторами, между которыми был небольшой просвет, позволяющий заснять то, что нужно. И даже голоса записать.

«— Ты скажи, что была у родителей, Ксюша, — мрачно посоветовал Руслан на экране. — Я баран паршивый, понимаешь?»

— Сама знаю, что мне сказать, — ответила Оксана на экране.

— Не обижайся, слушай. Иди ко мне совсем.

— Я подумаю. Но сегодня меня здесь не было, запомни это раз и навсегда.

— Уже запомнил, слушай!

— Я еду на дачу, оттуда вернусь в Москву, как только состоится оглашение завещания.

— Я тебе позвоню, Оксана?

— Ни в коем случае! Забудь обо мне, если нужно будет, я тебя сама найду. Все понял?

— Конечно, слушай... — уныло пробормотал парень.

Он попытался ее обнять, но Оксана оттолкнула парня, решительно зашагала к белому «мерседесу»...»

Орехов выключил телевизор, видеомагнитофон, внимательно посмотрел на Оксану.

— Ну и что дальше? — тихо спросила она, внимательно разглядывая свои тщательно

отполированные ногти.

Ну еще бы — не тщательно! Девятьсот тридцать рублей, или тридцать долларов, стоила эта простенькая процедура в престижном салоне.

— А ничего. Собирай вещи и вали отсюда, — спокойно сказал Орехов, налил себе японского виски, сделал хороший глоток и на сей раз подумал, что не такое оно и противное. — Брачный контракт сгорел, как... старая газета в костре.

— Кирилл, допустим, я ошиблась, я виновата... Но у нас есть дочка... И вообще, я столько терпела от тебя! Ты хоть представляешь себе, как это унижительно, если муж будет состоятелен в постели только после общения с блондинкой в ресторане, пусть даже шлюхой? Но я это терпела, и даже твою Олю, имя который ты бормотал во сне, и не только! Я все это скажу на суде! Тебя заставят!..

— Что, Оксана? Я не хозяин фирмы, все акции Богданов передал своей секретарше. Я мог бы вернуть их через суд, но мне такое сказали, что я не хочу.

— Ты... проиграл? Импотент несчастный, и ты еще угрожаешь мне?! Коз-зел! — не выдержала Оксана.

— Но мои деньги для тебя недоступны — это раз. Брачный контракт разорван — это два. Ты чего кричишь, девочка? С этим компроматом тебе ни хрена не достанется, понимаешь?

— Понимаю, — вздохнула Оксана. — Но ты же не совсем подлец, Орехов? У тебя есть дочка.

— Не совсем, — согласился Орехов. — О ней помню. Поэтому миллион баксов на ее содержание выделяю. Пока что миллион, нужно будет больше — дам.

Оксана повеселела и уже без злобы смотрела на мужа, теперь — бывшего мужа.

— Но тратить их будет только гувернантка Саша, я ей полностью доверяю, с ней дочка ухожена, получает образование и вообще в порядке.

— Скотина.

— Разумеется, она будет представлять отчет тебе о своих тратах, ты сможешь ее контролировать. Но и мне будет предоставлять отчет. И если ты вздумаешь решить поехать на курорт за счет ребенка — я об этом узнаю.

— Хорошо.

— Второе, я сдам тебе дачу в аренду на пять лет за чисто символическую плату. Там должны жить, причем круглый год, Феонка с гувернанткой. Это их дача. Если все будет нормально, аренду продлю, обещаю, а ты знаешь, свои обещания я выполняю.

— Мне что, и приехать нельзя будет?

— Тебе можно, не только приехать, но и жить там. А если появится кодла русланов с шашлыками, я аннулирую этот договор. Одна — приезжай. Но шашлыки и пьяные русланы не лучшее соседство для Феонки.

Орехов еще глотнул виски — хорошо пошло, просто замечательно.

— То есть... — настороженно сказала Оксана.

— И ты, и дочка можете пользоваться дачей на условиях брачного контракта. Более того, скажу — она твоя.

— Кирилл, но ведь у меня...

— Разумеется, Оксана, ты моя жена и не должна отказывать себе ни в чем. Я переведу на твой счет в Швейцарии миллион баксов. Только для тебя. И это все. Если какой-то Руслан прокутит эти деньги в рулетку — пеняй на себя.

— Пусть только попробует! — улыбнулась Оксана. — Но мы расстаемся по-хорошему?

— Учитывая то, что ты говорила...

— Прости.

Она встала с дивана, подошла к нему, опустилась на колени возле кресла, уверенно расстегнула «молнию» на его брюках. Подняла голову, сказала:

— Ты оказался порядочным мужиком, да и вообще... если б не этот бзик насчет блондинок... Спасибо, Киря. Последний раз, да?

— Да... — пробормотал Орехов, откидывая голову на спинку кресла.

Оксана неожиданно оторвала свои губы, подняла голову, спросила:

— А эта Оля... Она — кто?

— Капитан спецслужб, охотилась за мной, — пробормотал Орехов.

— Ого! Но она ничего бабенка.

— Но я для нее не тот мужик.

— Ох, я дура... — сказала Оксана. — Знала бы, что она ментовка...

«Знал бы, что босс все поймет и накажет, — подумал Орехов, — соломки постелил бы...»

— Ну все, пока, Юрик, — сказала Ольга.

— Я еще посижу, поработаю, — ответил Пылюков, напряженно вглядываясь в монитор компьютера. — Значит, фирмой теперь владеет секретарша Богданова Ирина Евсюкова, так? Нужно разобраться, кто такая эта Ирина. И чего можно от нее ожидать.

— Наверняка будет осторожничать на первых порах.

— Да кто она вообще такая?

— Любовница Богданова.

— Это я и без тебя знаю.

— Ну значит — пока!

Ольга вышла на улицу и обомлела — на тротуаре ее ждал Орехов с букетом красных роз.

— Это вам, Оля, — смущенно улыбаясь, сказал он.

Ну и что было делать? Взять и швырнуть их ему в морду? Не хотелось. Не взять — уж больно грустное лицо было у него. Оно и понятно — остался не у дел. Она взяла розы.

— Спасибо, но... не знаю, зачем это.

— Да просто так, — сказал Орехов.

— Так уж и просто так? — кокетливо усмехнулась Ольга.

— Оль, я виноват перед вами и хочу исправить свою ошибку. Приглашаю в ресторан, выбирайте, какой хотите.

— Это исключено.

— Оль... Я сегодня потерял работу, согласно завещанию...

— Я знаю.

— И от меня ушла жена. Ей не нравилось, что я во сне повторял имя «Оля». Она провела минувшую ночь с каким-то прохвостом, но меня это не очень волнует. И меня предал друг, ближайший помощник...

— Не слишком ли много неприятностей для одного дня?

— Сколько есть — все мои. Оль, что-то ведь было хорошее между нами тогда, в ресторане, хотя я выглядел натуральным хамом? Было?

— Да и я была не просто так... — растерянно сказала Ольга.

Этот парень ничем не напоминал наглого и уверенного в себе Кирилла Орехова, но если он тогда взволновал ее, то теперь... Ну не оставлять же его одного со своими проблемами? Тем более он уже не связан с фирмой, не враг, а просто симпатичный мужчина, у которого возникли проблемы. Сразу много. Да и не хотелось ей спешить домой.

— Хорошо, допустим, я соглашусь. «Прага».

— Поехали.

— Но у меня тут машина...

— С этой стоянки она никуда не денется, я вас доставлю сюда или отвезу домой, как хотите.

— Да мы ведь были на ты, — сказала Ольга.

— Тогда — прошу, пани. — Он распахнул дверцу черной «БМВ».

В «Праге» его тоже хорошо знали, засуетились, забегали, Кирилл Васильич, Кирилл Васильич... Столик нашелся мгновенно, да не простой, а за ширмой, вроде отдельного кабинета. И официант склонился перед ними в почтительном поклоне, едва сели на стулья, протянул меню.

— Что хочешь, Оля? — спросил Орехов.

— Мяса, — сказала Ольга. — Классного мяса и водки под него.

— Понял? — поднял глаза к официанту Орехов. — Но сперва закуски. Работай.

— Сей минут, Кирилл Васильевич, — отрапортовал официант.

— Я знаю, у тебя нет мужа, — сказал Орехов.

— А у тебя теперь — жены.

— Верно... Но я обеспечил дочку и жену, отдал дачу. Знаешь, противно, когда на бракоразводном процессе делят стулья, правда?

— Правда.

Официант принес закуски — семгу, салат «Столичный», грибы маринованные, запотевший графинчик с водкой.

— Хочешь купить меня? — спросила Ольга.

— Нет. Однажды купил себе жену, и вот что получилось из этого. Хочу угадать твои желания. И только. — Он принялся ее угощать. — Семга, надеюсь, тебе понравится. Грибы, они здесь классные. Ну а салат... Попробуй сама. — Налил в рюмки холодной водки. — Давай, Оль?

Они выпили, закусили, все Ольге понравилось — безумно вкусно, невероятно, и она сама по новой наполнила рюмки.

— Ну давай за тебя, чтоб все было нормально, Орехов.

— Давай, — согласился он.

— Ты хорошо обеспечил свою семью? — спросила Ольга, налегая на семгу и салат.

— Да, — просто ответил Орехов. — Отдал дачу дочке с гувернанткой, ну и жена, конечно, может там жить, но без хахалей. А из квартиры я ее попер. Извини за грубое выражение, но больше не хочу ее видеть там.

Ольга усмехнулась. Грубое выражение? По сравнению с тем, что приходилось слышать от злых оперативников, это звучит даже галантно...

— А деньги? У вас ведь это самое главное, — не успокаивалась Ольга.

— Миллион баксов на дочку, миллион баксов жене, чтоб не чувствовала себя несчастной, — равнодушно сказал Орехов. — О чем мы говорим, Оля?

Ольга сосредоточенно жевала пластинку семги. О чем? Действительно! Ее оклад позволял в общем-то жить безбедно, да еще сухой паек, и вообще, ей-то мало нужно было, все деньги уходили на ребенка. А тут — миллионы долларов, туда, сюда... Интересно, конечно, было прикоснуться к ним. Но и раздражение шевельнулось в груди. Он думает смутить ее этим? Или соблазнить?

А вообще, это очередное представление или...

Орехов словно угадал ее мысли:

— Да к черту эти миллионы, Оля, у меня еще есть, официальные, между прочим, налоги с них заплачены. Только что-то радости от этого нет. Вот и все, понимай, как знаешь.

— Что понимать, Кирилл?

— Оля, я и сам не знаю, правда.

Официант принес лангеты. Ольга еще выпила водки, с удовольствием съела кусок тающего во рту мяса.

— Орехов, признайся честно, тебя снова ждет дама в белом «мерседесе»? — резко спросила она.

— Нет, — сказал он, — никто меня не ждет. А зачем?

— Но ведь тебе нужно... Ты ведь не совсем правильный мужчина, так?

— Было так. Поедем ко мне, убедишься, что все изменилось. Во всяком случае, я надеюсь на это. Скажу прямо — с тобой мне не хочется смотреть больше ни на кого.

— Неужели?

— Ну вот и проверим, так оно или нет. Ты же понимаешь, что я не могу ничего плохого сделать капитану органов. Я ведь не самоубийца.

Он не врал, она это чувствовала.

— Ладно, поехали... — сказала.

Потому что сама хотела этого.

Глава 25

Прошло почти две недели с того кошмарного вечера, когда на даче Романчука на них напали бандиты. Синяки сошли, ребра уже не болели, Игошев даже работу себе нашел, стал редактором отдела новостей в одной из партийных газет. Партию эту он недолюбливал, как, впрочем, и все другие партии, но коли они задумали перед выборами издавать свою газету и готовы платить ему зарплату — то пусть будут. Деньги предлагали небольшие, пять тысяч рублей в месяц, но пока суть да дело, и это ничего, а там, глядишь, найдет себе должность и получше.

На службу он еще не выходил, в понедельник первый день, а сегодня, в субботу, как обычно, играл с дочуркой в комнате. Настя была главным редактором, а он — заведующим отделом в ее газете.

— Что ты написал, зав? — строго спросила девочка, она ходила перед ним, сидящим на диване.

— Я написал про новости, босс, — смиренно ответил Игошев.

— Я тебя спрашиваю: что ты написал?

— Что-нибудь не так? Извините, босс, сейчас же исправлю.

— Ты забыл написать, что сегодня я упала с велика и разбила коленку!

— А-а... Да-да, это же самая главная новость, босс. Но я подумал, как же наш главный редактор может упасть с велика? Избиратели подумают, что он просто не умеет ездить.

— А ты напиши, что босс катался в крутых соревнованиях с чемпионами мира! Ты что, совсем не соображаешь, зав?

— С какими чемпионами, уважаемый босс? Избиратели ведь хотят знать, с кем соревнуется их кумир.

— Со всякими! С Шумахером.

— Но Шумахер — автогонщик, босс.

— Для меня он сел на велосипед и бросил свою машину. Она теперь стоит и ржавеет.

— А-а-а, вон, значит, как... Есть, босс, непременно напишу об этом.

Лена слышала их разговор, усмехалась на кухне, готовя ужин. Ох уж эта Настя! Выдумщица, каких мало, вся в папу. Правда, он выдумывал что-то на бумаге, а она и в жизни постоянно фантазирует. Два сапога пара с Андреем. А уж как начнут играть во что-то, ей в лучшем случае второстепенную роль отводят, а чаще всего — роль зрительницы.

Трудновато стало жить в последнее время, но и лучше. Вдруг поняла она еще тогда, на даче Романчука, что вот этот дом, семья, любимый муж и любимая дочурка и есть все самое прекрасное и самое светлое в ее жизни. Пусть денег катастрофически не хватает, о французских духах и модных мюзиклах даже мечтать не приходится, но ведь можно погулять в парке всем вместе, посмеяться от души, слушая, как Настя атакует Андрея своими вопросами, а он отвечает вроде бы покорно, но с таким остроумием! А уж дома...

Как это прекрасно, когда у человека есть дом, любимые люди рядом! Ну и что, если на ужин будут макароны по-флотски с мясом, вынутым из супа? Побольше лука, перчика — и пойдет за милую душу. А потом, когда Настя отправится спать, можно и по рюмочке водки выпить вдвоем и прямо там, на кухне... А потом в ванной... А потом — в постели...

Что еще нужно человеку?

Как ни странно, Лена даже опасалась, что Игошев заработает вдруг большие деньги. Ведь жизнь изменится, он станет другим, она станет другой, и все остальное тоже. А ей нравилось, как есть. Ну вот нравилось, и все тут. Даже не хотелось, чтобы он поступал на службу. Сидит дома, готовит, с Настей занимается, встречает ее с букетом ромашек, которые нарвали с дочкой по дороге из садика... Пусть эти ромашки растут вдоль всех тротуаров, но ей они приятнее каких-то там орхидей и гладиолусов.

Зазвонил телефон, трубка лежала на кухонном столе, и Лена взяла ее. После дачи только она брала трубку, потому что Андрей категорически не хотел общаться с Романчуком. И она одобряла его решение.

— Да? — сказала Лена.

— Привет, Ленка, это Лана. Как жизнь?

На сей раз жену попросил!

— Нормально.

— Слушай, — не замечая ее нейтрального тона, заговорила Лана. — У меня новый проект выходит, представляешь? Уже съемки начались, пилотный выпуск пойдет в начале сентября, я тебе обязательно звякну, посмотришь. Классное шоу будет!

— Поздравляю.

— Спасибо. Все так хорошо получилось, я даже не ожидала. Благодаря тебе, между прочим.

— Как это?

— Ну так! Все, что было на даче, спланировано, только Боря не ожидал, что бандиты будут бить, понимаешь? А ты молодец, вовремя подсуежилась.

— У тебя акция, дорогуша, а моего мужа там били и девушку тоже. Это просто подлость.

— Лен, я тоже так думаю. Отлично тебя понимаю. Боря готов компенсировать Андрюшке, хоть деньгами, хоть лекарствами... Слушай, приезжайте к нам. Прямо сейчас. А если хочешь, завтра устроим классные шашлыки на даче...

— Спасибо, — прервала ее Лена. — У нас другие планы. Извини, всего доброго! — И выключила трубку радиотелефона.

То сам Романчук звонил, а теперь жена его... Не нужно им таких друзей, Андрей прав.

Лена положила трубку на стол и пошла в комнату.

— Босс и зав, у меня есть для вас сообщение, — сказала она, с улыбкой глядя на мужа и дочь.

— Ты кто такая? — строго спросила Настя, так вошла в роль, что не собиралась из нее выходить даже с появлением матери.

— Я... собственный корреспондент, — сказала Лена. — У меня есть новости для вашей газеты.

— Тогда — говори! — разрешила девочка.

— Романчук опять приглашает нас в гости, хоть сегодня дома, хоть завтра на даче.

— Да пошел он, — сказал Игошев.

— У его жены на телевидении снимается умопомрачительное шоу, в сентябре пойдет в эфир. Кстати, звонила Лана, сказала, что сообщит о дате эфира.

— Посмотри, если хочешь, — сказал Игошев.

— Да пошла она! — в тон ему сказала Лена. И улыбнулась.

— Да пошли они! — сказала Настя и строго посмотрела на отца. — Зав, я не хочу видеть в своей

газете такие новости. А этого корреспондента ты должен уволить, понял?

— Да, уважаемый босс, я увольняю его на кухню, пусть приготовит нам классный ужин, — сказал Игошев.

Лена с улыбкой ушла на кухню, но едва подошла к плите, на которой жарился мясной фарш с луком, в дверь позвонили. Подумала — наверное, родители. Но если к телефону подходила в основном она, то дверь открывал всегда Андрей. Вот пусть и делает это.

Игошев подошел к входной двери, негромко спросил:

— Кто это?

В наши дни в Москве открывать дверь без такого вопроса станет разве что дурак или обитатель элитной квартиры в охраняемой резервации.

— Ира.

— Какая Ира? — недоуменно спросил Игошев.

— Ну та, которую били вместе с тобой на даче Романчука. Забыл, что ли? Открывай, Андрей, я к тебе в гости пришла.

Лена услышала голос мужа, мигом поняла, что это за Ира к ним пожаловала, выскочила в прихожую, чтобы приказать мужу ни в коем случае не открывать дверь, но опоздала. Игошев уже открыл ее. Однако вместо хрупкой шатенки в прихожую вошел огромный парень в черном костюме, прямо-таки настоящий шкаф, отодвинул Андрея в сторону и прошел в комнату. У Лены сердце замерло — там ведь была Настя. Но «шкаф» скоро вернулся, заглянул в детскую, на кухню, в туалет и ванную, еще раз извинившись, сказал:

— Все чисто, босс.

В прихожую вошла Ира в ослепительно белом брючном костюме, обняла Игошева, поцеловала его в щеку, подошла к Лене, тоже обняла ее, чмокнула в щеку.

— Привет, ребята, я к вам в гости заявляюсь. Вы чего такие смурные, а?

Лена неуверенно пожала плечами. Ведь не скажешь такой даме, что ее сюда никто не звал. В открытую дверь было видно, что на лестничной площадке маячат еще несколько «шкафов».

— Ты бы хоть позвонила, Ира, — сказал наконец Игошев.

— А зачем? Мне нужно было завалиться к вам вот так. Лева! Неси! — приказала она и, взяв Лену под руку, повела на кухню, негромко говоря ей: — Ленка, у тебя классный муж, между нами ничего не было, даже не целовались, клянусь, но он... просто классный мужик, понимаешь? Столько говнюков повсюду, что встретить нормального мужика — просто удовольствие.

Лена согласно кивнула, не зная, что сказать. Игошев подождал, когда в дверь войдет еще один «шкаф» с раздутым пластиковым пакетом в руке, и, махнув Насте, чтобы сидела в комнате, пошел на кухню.

— Все, Лева, всем ждать меня на лестничной площадке! — жестко приказала Ира, когда амбал

поставил пакет на стол.

Нет, это наверняка совсем другая девушка, не сравнить с той, что была на даче Романчука. Игошев смотрел на нее с удивлением и пытался понять, что привело ее сюда. Он ведь не давал ей ни малейшего повода и адреса не давал... На кухню, едва амбал удалился, вошла Настя.

— Привет, малышка, — сказала Ира, наклоняясь и целуя девочку. — Я — Ира, а ты?

— Настя.

— Кем хочешь быть, Настюша?

— Боссом в газете, — насупившись, сказала Настя. Не очень-то ей нравилось, что на кухне хозяйничает чужая тетка.

— Будешь, нет проблем. Давай к столу. Я помнила о тебе.

Ира принялась извлекать из пакета продукты, все из дорогого магазина, с бирками, где цена указывалась в долларах. Там были бутылка французского коньяка, много рыбных и мясных деликатесов и много сладостей в прозрачных пластиковых упаковках.

— У тебя все нормально, Ира? — спросил Игошев.

— Более чем. Наливай. Лен, да не смотри ты на меня чертом, ну пожалуйста! Я не хочу отбивать твоего мужа, вернее, хочу, но не буду.

— А и не получится, — сказал Игошев.

— В том-то и дело, ребята. Вы — замечательная семья. Андрей ведь приехал, чтобы пообщаться с... — Ира посмотрела на Настю и решила не уточнять, с кем именно. — Ты посмотри на меня, хоть и не... сама понимаешь, но вполне ничего. А он скис — и все о тебе да о тебе. Да о дочке Насте вот этой замечательной. А потом, когда эти козлы явились, он защищал меня, хотя мог бы и ненавидеть, молчать... Такое не забывается. Лен, да успокойся ты!

Но Лена не хотела успокаиваться. Все у них было замечательно и без этих деликатесов, и без этой фифы. А что дальше будет? Зачем она вообще приперлась?

— Mam, а можно, я попробую «Рафаэлло»? Я в рекламе видела, — спросила Настя.

— Да, конечно, девочка, пробуй все, что захочешь.

— Я спрашиваю маму, а не тебя.

— Ешь все, что есть, — вместо мамы разрешил Игошев. — Я рад, Ира, что все у тебя замечательно.

— Ты бы знал, как замечательно!

— Я, правда, рад за тебя. Лен, не сиди как истукан, человек пришел в гости, нужно встретить как полагается. Давай тарелки, разложи продукты. И рюмки принеси.

Лена выполнила его приказание. Оно, конечно, если человек пришел в гости, нужно встретить его как положено. А если этот человек — смазливая бабенка, богатая, судя по количеству телохранителей, и неравнодушная к ее мужу, то как себя вести? Андрей не давал повода

усомниться в его верности, да и бабенка сказала, что не претендует на него. Но ведь зачем-то приперлась? На что-то рассчитывает?

Игошев наполнил рюмки.

— Ну, за тебя, Ира.

Выпили, закусили. Нарезки осетрины, семги и бастурмы не обрадовали Лену. Вкусно, но лучше б поужинать через пару часов макаронами по-флотски, а потом...

— Ребята, а я не просто так приехала к вам, — сказала Ира.

— А вот это зря, — сказал Игошев. — Приехала бы просто так и без телохранителей...

— Не могу, Андрей. Я теперь хозяйка фирмы, боремся с конкурентами. Они голову подняли, думают, с бабой справиться просто. Ну, пусть думают. Ты помнишь, рассказывал, как с Леной говорили о миллионе долларов на кухне?

— Идиотский был разговор.

— Нет, не идиотский. Скорее, пророческий.

— То есть?

— Я хочу тебе дать этот миллион долларов. Не просто дать, а... купить какую-то вещь твою, роман или сценарий, чтобы проблем не возникало. Заключаем официальную сделку, я перевожу на твой счет миллион и еще сто тридцать тысяч даю на то, чтобы выплатить налоги. Миллион у вас, абсолютно чистый, можете тратить как угодно.

— Нет! — решительно сказала Лена.

— Нет, — неуверенно сказал Игошев.

— Почему, ребята?

Игошев снова наполнил рюмки, все, кроме Насти, занятой теперь зефиром в шоколаде, выпили залпом, закусили.

— Понимаешь, Ира... — медленно начал Игошев, не выдержал, снова плеснул в рюмку коньяка, выпил. — Понимаешь... это будет совсем другая жизнь.

— Этот миллион как-то нужно будет отрабатывать, — предположила Лена.

— Никак. Абсолютно никак. И я гарантирую вам, что никаких последствий. Если хотите, заключим какой желаете договор у нотариуса.

— Нет, — сказал Игошев.

— Ну почему? Босс завещал мне свою фирму, а это много миллионов долларов. И свои вклады, там столько... Честно сказать, я и сама не знаю, что делать с этими деньгами. Вы хотели миллион — я вам его дам. Просто так.

— Не надо нам чужих миллионов, — сказала Настя, поедая шоколадные конфеты. — У нас свои есть.

— Ладно, а миллион рублей? Я ведь такая же, как и вы, Андрей знает, что... Но вот все получилось как в сказке. Пусть и у вас получится, мне это совсем ничего не стоит.

— Нет, — после недолгого раздумья сказала Лена. — Спасибо тебе, Ира, но мы уж как-нибудь сами...

— А знаете, что я думала, когда ехала к вам? — спросила Ира.

— Что? — отозвался Игошев.

— Романчука я простила, оставила все, как есть. Он жутко доволен. А тебе хотела дать миллион, очень хотела, но чувствовала — не возьмешь, ты слишком правильный. Как о жене своей говорил, о дочке... Но может быть, она? Лена? Миллион баксов хочешь?

— Нет, — засмеялась Лена.

— А рублей?

— Тоже нет.

— Какие вы... Ну собирайтесь, поехали.

— Куда? — спросил Игошев.

— К месту твоей будущей службы.

— Я уже устроился на работу...

— Плюнь. Лена, ты тоже поезжай с нами. Посмотришь на своего мужа с другой стороны.

— Я его знаю со всех сторон, — возразила Лена.

— С этой не знаешь.

— А я? — спросила Настя.

— Ты тоже поедешь, — сказала Ира. — Хотела ведь быть боссом в газете? Ну так и будешь. Собирайтесь, ребята. Дураки вы, миллион баксов я ведь на полном серьезе предлагала и просто так... А-а, ладно.

В субботу, в половине шестого вечера, Игошев, изрядно удивленный, вышел из черного «мерседеса» прямо напротив редакции газеты «Вести недели», откуда его не так давно уволили. Вместе с Ирой, и женой, и дочкой, которая хотела видеть, что там случится, он вошел в комнату, где обычно проводились планерки и летучки. Несмотря на субботний вечер, все сотрудники присутствовали здесь. Василий Калитин вскочил со стула, подбежал к Игошеву, обнял его:

— Андрюха! Так это, значит, ты будешь, да? Я жутко рад, ей-богу!

А Игошев все еще не понимал, что это значит. Ну, его бывшая редакция, знакомые сотрудники... Ну и что? Он стоял в проходе с женой и дочкой и чувствовал себя полным идиотом. А Ира вышла вперед, села на стул, где обычно сидел главный редактор, и спокойно сказала:

— Уважаемые сотрудники, я представляю вам нового главного редактора газеты Андрея Игошева. Надеюсь, под его руководством вы будете делать классную газету. Все долги по зарплате устранены, так ведь?

— Та-ак, — ахнул зал.

— Их и впредь не будет, если вы будете следовать указаниям замечательного журналиста, вашего коллеги Андрея Игошева. Есть вопросы?

Вопросов не было. Все встали, дружно зааплодировали, Настя тоже захлопала в ладоши, только Лена все еще смотрела настороженно. Игошев подошел к Ире, негромко спросил:

— Что все это значит?

— Я купила эту газету и хочу, чтобы ты был главным редактором.

— Почему я?

— Так хочет коллектив, я много добрых слов услышала от сотрудников, твоих коллег.

И тут он вспомнил! Тогда, на даче Романчука, сказал, что был бы главным редактором — взял бы ее в свою газету. Теперь она стала богатой, вспомнила и... Ну что ж, от своей газеты отказываться грех. А если она будет свои условия диктовать?

— И что я должен... — начал было он, но Ира перебила:

— Все, господа, свободны, спасибо, что пришли, в понедельник за работу.

Это была совсем другая девушка — жесткая, властная, знающая себе цену. Бизнес-леди! Еще минут пять Игошев пожимал руки, Настя тоже протягивала журналистам ладошку и важно говорила:

— Это мой папа.

Когда наконец они остались одни в просторной комнате, Лена решилась, протянула Ире руку:

— Спасибо вам, Ира.

— Мы же на ты, — напомнила Ира. — Хорошие вы ребята, удачи вам во всем. Ни о чем не беспокойся, Андрей, я в твои дела вмешиваться не стану. Зарплату сотрудникам увеличила вдвое, ну а главный редактор... Останешься доволен. В понедельник разберешься с главными проблемами, приезжай в офис, подпишем договор. И — работай.

Настя дернула Иру за палец, сказала, задрав головку и глядя девушке в глаза:

— Ира, а ты добрая фея, да?

Та подхватила малышку на руки, прижала к себе и тихо сказала:

— Ты чудесная девчушка, Настюша... Это папа и мама твои добрые волшебники и очень хорошие люди.

— Ты тоже хорошая, — авторитетно сказала Настя, обнимая ее.

Слезы потекли по щекам Иры. Глядя на них, Лена тоже всхлипнула. Да они ведь обе... девчушки.

Глава 26

Тяжелые капли холодного осеннего дождя уныло барабанили по мокрому асфальту, выдувая пузыри на лужицах и срывая золотисто-оранжевые листья с веток деревьев. Орехов вышел из машины с огромным букетом в руке, пятнадцать ярко-красных голландских роз, и, опустив голову, быстрым шагом направился к входу в офис. Охранник был предупрежден, но показалось, и без команды босса с удовольствием пропустил бы Орехова, так искренно улыбался, увидев человека, который едва не стал боссом.

— Кирилл Васильевич! Рад вас видеть, честное слово. Давненько не заходили. Ну — добро пожаловать.

Орехов не мог вспомнить, чтобы кто-то из охранников так улыбался ему, когда он был практически главой фирмы.

— Спасибо, — сказал Орехов и тоже улыбнулся. — Как дела у вас тут? Все нормально?

— Да оно-то нормально, только... — Охранник наморщил лоб, размышляя, стоит ли говорить, и не выдержал, сказал то, что думали все сотрудники: — Если по-честному, народ был рад, что Ирина Петровна стала хозяйкой, думали, полегче дышать станет, все ж таки молодая, неопытная. А она так гайки закрутила, у некоторых резьба сорвалась, ушли. Даже Волченков се боится, представляете? Про Баранова и говорить нечего. Вспоминаем о вас и, конечно, об Илье Ильиче. Все ж таки лучше тогда было. Правда, деньги платит хорошие, больше, но и требует... Железная прямо леди.

— Ну, босс есть босс, — с улыбкой сказал Орехов.

Похлопал охранника по плечу, давая понять, что этот разговор останется между ними, и побежал на второй этаж. В знакомом «предбаннике» сидела пожилая женщина в очках.

— Я Орехов, к Ирине Петровне.

— Пожалуйста, Кирилл Васильевич, проходите. Ирина Петровна ждет вас.

Орехов вошел в кабинет, шагнул к массивному столу и замер. Да, это была Ира, юная секретарша и любовница босса, глупенькая девчонка, которая пыжилась от того, что все ей говорят комплименты, но... совсем другая. То ли прическа, то ли макияж, а может, уверенный, холодный взгляд карих глаз делали ее чертовски красивой и чертовски холодной и жесткой хозяйкой, по праву занимающей этот кабинет.

— Привет, Ира, это тебе, — сказал Орехов, положив розы на стол. — Спасибо, что приняла. Или... нужно называть тебя Ириной Петровной?

— Да перестаньте, Кирилл Васильич. Оставим все как было. Спасибо за цветы, но... не совсем понимаю.

— Хочу поблагодарить тебя за то, что все так замечательно получилось. Понимаешь, я счастлив.

— Не понимаю.

— Да ладно. Как тебе удалось так перевоплотиться? Слушай, ты обалденно красивая женщина, честное слово. И — настоящий босс. Я просто не узнаю тебя.

Ира улыбнулась, взгляд ее потеплел. Не такой уж он плохой человек, этот Орехов, и впервые почувствовала — не врет, говорит искренно. Да и фирму, такую, какая есть, создал именно он. А что странности у него в личной жизни, так это бывает.

— Все просто, Кирилл Васильич. Я ведь все про всех знала. Илья был мудрым человеком, всех видел насквозь, кто и вправду работал в поте лица своего на благо фирмы, а кто волянил. Но в последнее время ничего не хотел менять. Мне рассказывал, я возмущалась, не понимала, в мыслях прокручивала, как бы поступила на его месте, но... Что я могла? А потом, когда все так повернулось, ни о чем и думать особо не пришлось.

— Ты сильная женщина. И очень красивая. А личная жизнь?

— Да какая там личная жизнь? Все дела, работа. А у вас? Слышала, развелись с женой.

— Да, и женился по новой.

— И она адекватно воспринимает вас?

Ну черт, а не баба! Меняется на глазах. Как же он недооценивал ее!

— Вполне, Ира. Она натуральная блондинка, очень красивая, женственная и умная. Понимаю, что такого не бывает, но в данном конкретном случае — есть. Я просто без ума от нее, и другие блондинки мне просто ни к чему.

— Рада за вас, Кирилл Васильич. Где же вы нашли такую, если не секрет?

Орехов засмеялся:

— В органах, Ира! Она — майор по званию. Я теперь работаю менеджером в банке, но после работы бегу домой как сумасшедший. И она тоже. Мы ждем ребенка, представляешь?

— Ну что ж... совет да любовь.

— Спасибо, Ира. Если бы все случилось по-другому, она бы и не подошла ко мне, а так... Мы отдыхали в Майами, как-то вечером на пляже привязалась толпа обкуренных негров. Блондинка им очень понравилась, видите ли. Ну, я, естественно, возмутился, а она отодвинула меня в сторону и знаешь, что сделала? Двумя ударами вырубил двоих, остальные убежали. Представляешь? И это самая женственная и самая ласковая девушка из всех, кого я знал до этого.

— Поздравляю, Кирилл Васильич.

— Да ты, наверное, знаешь ее, она же занимается нашей фирмой, может, встречались. Это Оля Романова, теперь — Орехова.

Ира согласно кивнула, наморщила лоб. Да, она встречалась с капитаном Романовой, да, блондинка, да, красивая, но... Жесткая, властная баба, говорить с ней — сплошная мука. Не «синий чулок», а сплошной ментовский сапог!

— Да, я знаю ее, — осторожно сказала Ира, подозревая, что Орехов использует свои знания против фирмы. — Но тогда она была капитаном.

— Теперь майор, начальник отдела. Но скоро уйдет в декретный, я хочу пораньше, чтобы на ребенке ее работа никак не отразилась. Ир, ты, наверное, думаешь, что она мент до мозга костей? Да все мы придурковатые, когда делами занимаемся. И еще — никаких проблем с нашей фирмой от нее не будет. Вернее, от меня. Я много знаю, но никогда и ничего ей не скажу. Она просто моя жена, любимая женщина, и все дела.

— А у меня — только работа... — с тоской сказала Ира.

— Все у тебя впереди, ты богатая женщина, завидная невеста, найдешь себе классного парня.

— Как вы изменились, Кирилл Васильич... И без всяких слов понятно, что вы счастливы.

— Так оно и есть. Знаешь, для меня теперь каждое возвращение домой — праздник. Раньше такого не было. Ну ладно, Ира, пока. Цветы тебе за то, что все так хорошо получилось. И желаю тебе удачи в личной жизни, знаешь, это самое главное.

— Спасибо, Кирилл Васильич, — сказала Ира, с трудом сдерживая слезы.

А когда он наконец ушел, предупредила секретаршу, что ее нет ни для кого, опустила голову на ладони, сомкнутые в замок на столешнице, и всхлипнула.

Счастье в личной жизни... Да разве оно возможно по заказу? Где тот человек, который сделает ее счастливой? Андрей Игошев счастлив со своей женой, у них чудесная дочка, Романчук воспылал вдруг страстью к собственной жене, а у нее что? Ничего. Есть деньги, солидная должность, возможность повелевать людьми. А радости от этого никакой.

Зазвонил телефон внутренней связи. Ира взяла трубку, услышала голос Волченкова:

— Ира, они хотят перехватить наш контракт. Есть некоторые проблемы в московском правительстве.

— Решай проблемы, Миша, — жестко сказала она. — За это тебе деньги платят. С московским правительством я договорюсь. А ты прижми конкурентов, сделай так, чтобы им жизнь медом не казалась! Ты все понял?

— Да, босс.

— Работай, Миша, — сказала Ира. Положила трубку, тяжело вздохнула и набрала номер по городскому.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует

профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

mir-knigi.org